

Русские

—

НАЦИЯ

антикапиталистическая

-----//

©Оноприенко В.И., название-2014

Вводные соображения по книге «Внешний коммунистический блеск и внутренняя либеральная нищета марксизма», (автор - Константин Владимирович Колонтаев).

Русские – нация сугубо антикапиталистическая, и вся русская история, начиная как минимум, с конца 13 века, то есть после монгольского вторжения – это история постепенного освобождения сознания русских людей от власти собственности и денег, история реализации их природной неуклонной воли, стремление к тому, что называется «чистая власть», то есть власть, необходимая русскому человеку, русскому народу для выполнения идеалистических функций как в своей стране, так и в окружающем её мире. Теория марксизма, основывающаяся на антагонизме интересов труда и капитала, на стабильности конфликта между общественными потребностями и частнокапиталистическими формами присвоения противна русской нации, которая генетически и исторически воспроизводит себя носителем принципов справедливости и равенства, приоритета нетоварных, общечеловеческих ценностей.

*Для русского социалистического государства и последующего его поступательного прогрессивного развития **необходим отказ не только от марксизма, но, и, в конечном счете, и от его русифицированных версий – ленинизма и сталинизма**, с одновременным созданием русского национал – коммунизма на базе тех теоретических наработок, которые были созданы еще в 19 веке основоположниками русского коммунизма Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Ткачевым, а так же с использованием ряда достижений Ленина и Сталина. Ведь в отличие от еврокоммунизма Маркса и Энгельса, в России - Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Ткачевым была создана цивилизационная теория русского коммунизма и русской социалистической революции как средство спасти Россию и русский народ от полного закабаления западным капиталом и его представителями в лице тогдашней в целом прозападной русской буржуазии.*

Причина неэффективности марксизма в качестве революционной идеологии заключается именно в его типично западном мещанском характере, предпочтительности интересов перед принципами. Отсюда и неспособность марксизма выступать в качестве инструмента революционного преобразования мира и отсюда же, наконец, и фактический полный распад и крах марксизма, и покоящейся на нем современной версии научного коммунизма перед лицом нынешнего глобального кризиса западной и мировой капиталистической цивилизации.

Марксизм, будучи наиболее левой версией классического либерализма, уходит корнями в его фундамент, а именно – в различные формы так называемой «светской религиозности», которые были инспирированы гуманистически понятным христианством, особенно так называемый - «светский протестантизм». Как показывает историческая практика, традиционные европейские светски - философские версии христианства, то есть его переосмысление вне церковного контекста, могут иметь очень широкий теоретический разброс, вплоть до философии Просвещения. Поэтому, как показывает содержание «Капитала» - этой библии марксизма - находится в строгом соответствии с социальной и экономической логикой либерального класса, направлена и заострена, в первую очередь, против промышленного капитала. Сама марксистская идея, в её либеральной основе – это, прежде всего, псевдонаучное обоснование необходимости подчинения промышленного капитала мировым финансовым структурам. Поэтому, одна из отличительных черт работ Маркса и Энгельса – это, то ли элементарное невежество в области мировой истории, то ли её сознательная фальсификация в интересах тогдашнего европейского финансового капитала, который в то время выполнял глобальные функции. Одним из наглядных примеров этого была

позиция Маркса и Энгельса по поводу хронологии формирования на нашей планете мирового рынка. Вот что по этому поводу писалось в коллективной монографии «Первый Интернационал» - М.: «Мысль», 1964. – с.13 – 14: «В результате притока золота с новых месторождений в Калифорнии (открыты в 1848 году) и Австралии (1851 год), объем мировой торговли менее чем за 20 лет вырос в 3 раза. По этому поводу Энгельс писал, что в результате этого был создан мировой рынок, «существовавший до этого лишь в потенции» (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.22 – с.273.). В связи с этим, остается только поражаться степени, то ли невежества, то ли политической заангажированности основоположников марксизма, словно и не подозревавших о том, что мировой рынок был создан в почти на четыреста лет раньше в 1490 – 1560 годах, в ходе открытия Колумбом Америки, Васко да Гаммой – морского пути в Индию, а Магелланом – морского пути в Тихий океан и, в конечном счете, в Китай. Эти открытия привели к созданию в 16 веке Испанской и Португальской мировых колониальных империй, территории которых охватили половину земной суши, привели к открытию для европейской торговли рынков Южной, Центральной, а затем и Северной Америки, Индии, Китая. В Европу из испанских колоний в Латинской Америки хлынул поток золота ничем ни уступавший тому, каким в 19 веке был золотой поток из Калифорнии, Австралии и Аляски. Вот тогда-то и возник этот самый мировой рынок. Но этого Маркс и Энгельс признать не могли, ведь мировой рынок – это капитализм, а согласно их теории: в 16 веке в Европе продолжал царить махровый феодализм, пусть и находившийся в стадии разложения, и, значит, никакого мирового рынка в 16 веке быть не могло.

Первые гениальные догадки о том, что марксизм является производным от либерализма, созданным в свою очередь для идейного руководства и удовлетворения идейных потребностей широких масс европейского мещанства или, если по европейски, то – буржуа, появились вскоре после возникновения самого марксизма, причём появились именно на Западе. Так известный германский философ последней трети XIX века Фридрих Ницше в таких своих книгах, как «Так говорил Заратустра» и «Автобиография», немало места уделил рассмотрению проблем европейской (западной) версии коммунизма, которой являлся марксизм и предлагаемого им устройства будущего коммунистического общества.

В своём фундаментальном труде, каким был «Так говорит Заратустра», Ницше подверг резкой критике присущие марксистской (западной) версии научного коммунизма потребительско - мещанские черты. В связи с этим членов марксистской версии коммунистического общества Ницше называл **«последними людьми»**: «Смотрите! Я показываю вам последнего человека. Земля стала маленькой, и по ней скачет последний человек, который всё делает малым. Род его неустребим, как род земляной блохи. Последний человек живёт дольше всех. «Мы нашли своё счастье», - говорят последние люди и моргают. Они покинули страны, где было холодно жить: ибо им нужна теплота. Они любят соседа и трутся около него, ибо нуждаются в тепле. Быть больным и недоверчивым считается у них грехом: ходят осмотрительно. Дурак тот, кто ещё спотыкается о камни или о людей! Иногда им нужно немного яду; он вызывает приятные сны. И, в конце концов, много яду для приятной смерти. Ещё они работают, потому что работа – забава. Но заботятся о том, чтобы эта забава их не утомляла. Нет больше бедных и богатых. И то, и другое слишком затруднительно. Кто ещё хочет управлять? Кто ещё повинуется? И то и другое слишком затруднительно. Ни одного пастыря, одно только стадо. Каждый стремится к равенству, все равны: кто чувствует не так, тот добровольно идёт в сумасшедший дом. «Прежде мир был безумным», - говорят лучшие и моргают. Умные знают, что произошло: поэтому без конца смеются. Ещё происходят ссоры, но вскоре наступает примирение – иначе это вредно желудку. У них есть маленькая забава для дня и маленькая забава для ночи: но они

чтят здоровье. «Мы нашли счастье», - говорят последние люди и моргают. Здесь кончилась первая речь Заратустры, которую также называют предисловием: ибо на этом месте он был прерван криком и восторгом толпы. «Дай нам этого последнего человека, о Заратустра!» – так восклицали они – «Преврати нас в этих последних людей! Мы оставляем тебе сверхчеловека!»

Причиной изначальной коренной ущербности марксизма, как одной очередной разновидности идеологии мещанско-потребительской, торгашеской западной цивилизации, был публично провозглашенный его же основателями приоритет интересов над принципами. «Революция – неизбежна, но эта революция будет проводиться ради интересов, а не ради принципов, поскольку лишь из интересов могут развиваться принципы». (К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения – т.1 – с. 541.). Такое вот особо подчеркнутое превосходство интересов над принципами довольно быстро привело как основоположников марксизма, так и абсолютное большинство их последователей к забвению этих самых провозглашенных ими же высоких принципов в угоду, разного рода конъюнктурным, а зачастую и откровенно низменным интересам, потому что именно у нравственного человека интересы подчиняются принципам, а не наоборот. Если оставить в стороне моральные рассуждения и основываться исключительно на голом прагматизме, к которому призывает марксизм, то необходимость его уничтожения в России объясняется, прежде всего тем, что марксизм создает для России обций с Западом – культурно – цивилизационный код, который позволяет Западу манипулировать событиями в России и, следовательно, делает её крайне уязвимой перед традиционной к ней враждебностью Запада. В качестве конкретного и очень яркого примера этого тлетворного последствия влияния марксизма на русский народ и русское государство в 20 – 30 – годы XX века можно привести события начального периода Великой Отечественной войны. Именно, тогда имелись факты массового предательства сверху-до-низу, от генералов армии до красноармейцев. Их причинами было если не уничтожение, то, как минимум, серьезное ослабление под воздействием марксизма чувства национальности в русском народе. А когда уничтожено или серьезно ослаблено в народе чувство национальности, национальной солидарности, то процесс предательства облегчается до предела. Отсюда многие миллионы сдавшихся в плен в первые же полгода войны и миллионы предателей разных видов на временно оккупированной немцами территории. А поскольку связь марксистской идеологии с этими результатами так и не была осознана, и марксизм по прежнему продолжал оставаться официальной идеологией СССР, как во время Великой Отечественной войны так и после нее, то за этим последовал распад СССР.

©Владимир Оноприенко, 2014.

Внешний коммунистический блеск и внутренняя либеральная нищета марксизма

Константин Владимирович Колонтаев /*/ – книга

7. 3(0)

К 613

Содержание

Введение. Глобальный цивилизационный кризис капитализма начала XXI века и окончательный крах идеологии и политической практики марксизма

Глава I Возникновение и первоначальное развитие различных направлений идеологии европейского либерализма, как предыстории марксизма

Глава II Формирование основ теории и идеологии европейского научного коммунизма левыми младегегельянцами, при Марксе, но очень длительное время без его какого – либо непосредственного участия

Часть 1. Два источника и две составные части теории научного коммунизма, графа Цешковского

Часть 2. Мозес Гесс – первый в мире создатель теории «взаимного отчуждения» и путей его преодоления, посредством социальной революции

Часть 3. Арнольд Руге, как создатель первой в мире теории социалистической революции

Глава III Либеральная нереволуционность, и даже, первоначально откровенный теоретический антикоммунизм молодого Маркса

Глава IV Коренная контрреволюционность созданной Марксом и Энгельсом теории социалистической революции

Часть 1. Как Маркс и Энгельс отодвинули время революционных социалистических свершений практически в бесконечность

Часть 2. Социалистическая революция по Марксу и Энгельсу – революция без революционного класса и революционной партии

Часть 3. Революционные классы в реальной истории различных общественно – экономических формаций, а не в доктринерских фантазиях Маркса и Энгельса

Глава V Формирование основ марксистской доктрины по заказу европейских банкиров, как главная причина контрреволюционности марксизма

Глава VI Как европейские банкиры создавали Первый Интернационал, а затем сделали Карла Маркса его лидером

Глава VII Маркс и Энгельс против Русских, России и Русской Революции или глубинная русофобия марксизма, как одно из основных проявлений его столь же глубокой западной либеральной контрреволюционности

Глава VIII Теория о революционных и контрреволюционных нациях – как одно из немногих научных достижений Маркса и Энгельса, пригодных для новой русской

социалистической революции, если, разумеется, её очистить от патологической марксистской русофобии

Часть 1. Классовое и национальное в теории и практике социалистической революции

Часть 2. Позиции Маркса и Энгельса в вопросах о национальной революционности и контрреволюционности

Часть 3. Бакунин о подлинной революционности и контрреволюционности европейских наций в Европе 19 – го века

Часть 4. Теория и практика национальной революционности и контрреволюционности, в первые четыре десятилетия 20 – го века

Часть 5. Вторая Мировая и Великая Отечественная война – как момент истины в вопросе о реальной национальной революционности и контрреволюционности в XX веке

Часть 6. Невыученные уроки Второй Мировой и Великой Отечественной войны, в плане национальной революционности и контрреволюционности и последствия этого

Часть 7. Подводя итоги или о том, что интернационализм уместен только в отношении к интернационалистам, а национализм к националистам

Глава IX «Троцкизм» – как, логическое продолжение и закономерное завершение марксизма

Часть 1. Два источника и две составные части первоначального «троцкизма»

Часть 2. Теория «ультраимпериализма» Карла Каутского и Рудольфа Гильфердинга, как политэкономическая и политическая основа троцкизма

Часть 3. Теория «перманентной революции» Розы Люксембург и Александра Парвуса

Часть 4. «Троцкизм» Троцкого

Часть 5. Современный троцкизм (неотроцкизм) и его особенности в конце 20 – го – начале 21 – го веков

Заключение

Введение. Глобальный цивилизационный кризис капитализма начала XXI века и окончательный крах идеологии и политической практики марксизма

Начавшийся осенью 2008 года, грандиозным крахом множества ведущих структур западного мира – нынешний глобальный кризис капитализма, к исходу 2011 года стал не столько кризисом экономическим, сколько, прежде всего – кризисом цивилизационным. Причем, цивилизационным кризисом, не только для Запада, но, и для всего остального мира.

В результате, для всей нынешней земной цивилизации, в крайне острой форме, оказались поставлены, такие наши классические русские вопросы, как: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Внешне, ответы на эти два основополагающие для нынешней обстановки в мире, вопроса выглядят, достаточно просто: виноват мировой капитализм, и прежде всего финансовый, а в плане того, что делать, тоже вроде все ясно – надо этот мировой капитализм, уничтожить.

Но, к сожалению, как это часто бывает, простые ответы на сложные вопросы, не всегда приводят к простым решениям. Как говорится – не все так просто. И, не просто, прежде всего потому, что, до сих пор еще не сформулированы четкие ответы, на ключевой вопрос – вопрос о причинах.

Главный вопрос, сейчас, в том, почему, этот нынешний мировой цивилизационный кризис, показав, к настоящему времени, полнейшую несостоятельность капитализма как общественно – экономического строя, и насущную необходимость его замены социализмом, с целью элементарного выживания всего человечества, но, тем не менее при всем этом, до сих так и не привел, и прежде всего на Западе, к появлению четко сформулированной социалистической альтернативы и соответственно возникновению политических структур необходимых для ее реализации.

Данный парадокс, стал особенно четко виден на фоне прокатившихся во второй половине 2011 года по странам Запада, волнам массовых антикапиталистических протестов. Эти массовые и бурные волнения, очень четко, среди прочего показали, что под ударами нынешнего глобального цивилизационного кризиса потерпела крах, не только такая основная буржуазная идеология как либерализм, но и его, до этого главный противник – научный коммунизм, покоящийся на идеологии марксизма.

Подавляющее, если не абсолютное большинство коммунистических партий нынешнего мира, которые базируются, на созданной Марксом и Энгельсом, во второй половине 19 – го века идеологии марксизма, вступив в полосу кризиса и упадка в период, и особенно после распада Советского Союза, продолжают переживать кризисные процессы и, в настоящее время, когда, казалось бы, образ капитализма, окончательно и полностью, дискредитирован в глазах большинства жителей нашей планеты.

Но, при всей, этой глобальной дискредитации капитализма, коммунистические партии, в настоящее время, в большинстве стран мира продолжают, показывать свою полную несостоятельность и неспособность, не то, что возглавить, начавшееся в мире массовое антикапиталистическое движение, а хотя бы, как минимум воспользоваться им для своего политического и организационного возрождения.

В результате, этот, нынешний одновременный крах двух, казалось бы, противостоящих друг другу глобальных идеологий: либерализма и коммунизма – крах, который

происходит, по одной и той же причине – нынешнего глобального цивилизационного кризиса, заставляет задуматься о том, а не является ли на самом деле, лежащая в основе нынешнего коммунизма – идеология марксизма, разновидностью этого самого либерализма, так сказать, его левым крылом?

К сожалению, эта, очень актуальная для настоящего времени тема – тема глубокого и системного кризиса современного коммунизма, как теории, так и политического движения, до сих пор все еще не получила должного научного рассмотрения, как впрочем и тот факт, что главной причиной современного мирового кризиса коммунизма является, лежащая в его основе леволиберальная матрица, в виде марксизма.

Главная причина подобного явления до сих пор лежит в очень большой трудности любой позитивной критики марксизма и особенно его нынешней альтернативы – русского национального коммунизма.

Эта, сохраняющаяся до сих пор, даже не просто большая, а гигантская трудность, связана с тем ключевым обстоятельством, что марксизм, не смотря на некоторые, хотя порой и весьма существенные отступления от него в Советском Союзе, во времена Сталина, а точнее в период 1934 – 1953 годов, тем не менее, до конца существования СССР, продолжал оставаться основой, его государственной идеологии.

В результате, в этот период, любой открытый критик марксизма в СССР, даже если он позиционировал бы себя в качестве убежденного коммуниста, все равно предстал бы либо в роли врага, либо в самом лучшем для него случае - в роли богохульника. Поэтому, всякая попытка подвергнуть марксизм в Советском Союзе рациональному анализу, не говоря уже о критике, пусть даже в самой научно – академической форме была бы воспринята в Советском Союзе, как нечто вроде оскорбления религиозной святыни.

Поэтому, даже очень заметные факты генетической связи и родства между различными разновидностями европейского либерализма 19 – го века и марксизмом, упоминались советскими учеными обществоведами крайне неохотно и по возможности предельно кратко, без какого – либо анализа.

Например, такой весьма известный в СССР в 70 – 80 – е годы, исследователь марксизма, как профессор Харьковского университета Леонид Владимирович Гнатюк, в своей последней монографии на эту тему, под названием «Становление мировоззрения марксизма» - Харьков: издательство Харьковского государственного университета, 1988. – с.100 – 101, очень осторожно указывал на то, что одна из ключевых работ Маркса, а именно «Экономико – философские рукописи 1844 года», из которых в дальнейшем вырос «Капитал», свидетельствует о том, что по его словам: «К тому времени Маркс еще не освободился от влияния идей абстрактного гуманизма. Более того, в «Экономико – философских рукописях 1844 года», это влияние достигает своего апогея». Тут сразу же надо отметить, что в советском обществоведении, термин «абстрактный гуманизм» был политкорректным синонимом понятия «либерализм».

Другой, тогда же известный советский исследователь марксизма П. Н. Федосеев, в своей статье «Социалистический гуманизм», опубликованной в журнале «Вопросы философии» - 1988 - № 3 – с. 21, отмечал в качестве одной из особенностей происхождения марксизма, что – это происхождение представляло собой взаимодействие и синтез различных направлений тогдашнего европейского либерализма. По его мнению:

«Нельзя не видеть во – первых определенной преемственности марксистского подхода к проблеме гуманизма с учением предшественников марксизма, особенно немецкой классической философии и утопическим социализмом».

Уже упоминавшийся здесь Л. В. Гнатюк, так же отмечал большое сходство марксизма с различными формами тогдашнего европейского утопического социализма, и особенно в плане отношения к политической борьбе, как средству воплощения в жизнь своей идеологии: «Утопические социалисты были весьма лояльны по отношению к существующему строю. Они считали, что возможности осуществления ими своих идеалов заключены в том общественном строе, который они отрицали. По их мнению, стоило всем хорошенько уяснить суть дела, как обстоятельства радикально изменяться». (Л. В. Гнатюк Становление мировоззрения марксизма – Харьков, 1988. – с. 144.)

Аналогичных европейским социал – утопистам взглядов на капитализм придерживались и Маркс с Энгельсом. Их взгляды можно кратко сформулировать следующим положением: «Нужно всемерно укреплять и развивать капитализм, поскольку – это приближает конец господства капиталистов». Но чтобы меня не обвинили в том, что я придумываю за классиков марксизма их взгляды, то, по данному вопросу процитирую их самих: «Мы выступаем перед миром, не как доктринеры с готовым принципом. Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов». (Карл Маркс, Фридрих Энгельс Сочинения – т.1 – с.381.)

А, что касается приведенного выше мнения европейских социал – утопистов о том, их взгляды на дальнейшие пути общественного развития непременно победят по принципу: «стоит всем хорошенько уяснить суть дела, как обстоятельства радикально изменяться», то практически дословная фраза, причем очень известная и даже знаменитая, содержится у Маркса в его статье «К критике гегелевской философии права» (1844 год, и она звучит, так: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

Более конкретно и развернуто, эту, либеральное содержание и происхождение марксизма раскрыл и объяснил Алексей Лапшин, написавший статью «Традиции либерализма», которая была опубликованной в известной в свое время московской газете «Лимонка» - 2006 - № 297 – с.3.

В этой своей статье, А. Лапшин, по данному поводу отмечал следующее: «Вопреки мнению ортодоксальных либералов 19 – го века политические и экономические свободы не только не дополняли друг друга, но и находились в постоянном противоречии. Чем больше преуспевала буржуазия, тем сильнее она склонялась к консерватизму. Не удивительно, что в либеральной идеологии появились «левые» и «правые» направления. «Левые» либералы становились сторонниками экономического равенства и сближались с социалистами. «Правые» либералы, все больше сближались с консерваторами».

Продолжая эту мысль Алексея Лапшина, можно добавить, что первым заметным леволиберальным направлением в Европе были, так называемые «младогегельянцы», из рядов которых в дальнейшем начало эволюционировать влево та их часть, к которой принадлежали Маркс и Энгельс.

В результате наличия в марксизме, основополагающей либеральной сердцевины, неуклонное следование марксистским догмам, в любой сфере, неизбежно рано или поздно приводит на чисто буржуазные позиции в политике и идеологии.

Одним из самых наглядных примеров этого был режим грузинских социал – демократов, существовавший в виде так называемой Грузинской Демократической Республики, в период 1918 – 1921 года.

Президент этого государства, являвшийся до революции одним из видных российских левых социал – демократов Ной Жордания, в своем выступлении 16 января 1921 года, за месяц до разгрома своего режима частями Красной Армии, среди прочего отмечал следующее: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому, я должен сказать со всей решительностью, что мы предпочитаем империализм Запада, фанатикам Востока.». (Теодор Шанин Революция, как момент истины – М., 1997. – с.533.)

В результате, таких вот, связанных с марксизмом либеральных закономерностей, Сталин, начав в 20 – 40 – е годы прошлого века практическое строительство экономической и культурно – политической (цивилизационной) базы социализма в Советском Союзе, для успешного его завершения был объективно вынужден, что называется волей – неволей, приступить к достаточно глубокой ревизии марксистского учения применительно к тогдашним советским условиям.

Вот, что об этом писал, несколько десятков лет, спустя профессор Гарвардского университета в США, историк Адам Улам: «Сталин умел учиться и обладал чувством времени. Он был типичным ленинцем, но без тех внутренних противоречий и следов западных социалистических традиций, которые до конца жизни преследовали Ленина». (А. Улам «Большевики. Причины и последствия переворотов 1917 года – М.: Центрполиграф, 2004, А. Бушков «Сталин. Схватка у штурвала» - СПб.: «Нева», 2005. – с. 103.)

Однако, ревизия марксизма, даже если ее предпринимает личность масштаба Сталина – это все же не отказ от данного учения. В результате, марксизм и концу жизни Сталина и, тем более после него, оставался основой государственной идеологии Советского Союза, отравляя его трупным ядом западного либерализма, пока, наконец, СССР, в результате этого своего идеологического отравления не прекратил существования в 1991 году.

Вот, что по этому поводу отмечал, довольно известный современный российский публицист Сергей Георгиевич Кара – Мурза, в своей известной книге «Маркс - против Русской революции» - М.: «Яуза», «Эксмо», 2008. – с. 142 – 143: «Из – за, того, что марксизм являлся официальной идеологией СССР, присущий марксизму европоцентризм, настолько глубоко проник в массовое сознание советского народа и особенно советской элиты, что привело к нелепому восхищению в 60 – 80 – е годы различными достижениями западной цивилизации».

К сожалению, как уже подробно говорилось, эта тема нынешнего глубокого системного мирового кризиса марксистской версии научного коммунизма, кризиса именно по причине, лежащего в его основе марксизма, до сих пор еще не получила своего должного научного рассмотрения. Поэтому, автор надеется, что именно эта его работа станет первым шагом на этом пути.

Однако вернемся к существующему состоянию научной разработки данной идейно – политической проблемы. К настоящему времени, первой и пока единственной попыткой, по настоящему, глубокого и по возможности всестороннего рассмотрения и осмысления

данной темы, стала пока только, изданная в 2008 году в Москве, книга, ставшего известным за последние примерно 15 лет, политического публициста Сергея Георгиевича Кара – Мурзы «Маркс – против Русской революции».

Хотя справедливости ради следует отметить, что в плане развернутой, и что самое главное – доказательной критики марксизма у С. Г. Кара – Мурзы был в последнее десятилетие существования СССР, довольно – таки известный предшественник в лице Федора Федоровича Нестерова, написавшего на эту тему книгу «Связь времен».

Эта книга, вышедшая первым изданием в 1980 году, в издательстве «Молодая гвардия», достаточно скромным по тем временам тиражом – всего 100 тысяч экземпляров, очень быстро стала очень популярной. В результате на следующий год, в 1981 году, она была удостоена «Первой премии» и Диплома 1 – й степени на Всесоюзном конкурсе Всесоюзного общества «Знание», с формулировкой: «За лучшее произведение научно – популярной литературы, раскрывающей своеобразие исторического пути нашей страны – родины Октября». Из – за, продолжавшейся сохраняться, в то время, своей популярности среди читателей в СССР, данная книга, в дальнейшем переиздавалась вторым и третьим изданием в 1984 и 1987 годах. В результате ее общий тираж составил порядка полумиллиона экземпляров.

Автор этой книги Ф. Ф. Нестеров, на момент ее выхода в свет – кандидат филологических наук, был преподавателем ряда московских высших учебных заведений. В этой книге, он сумел, обходя преграды, тогдашней официальной цензуры подвергнуть острой критике основные мифы марксизма и его русофобию столь присущие ему как порождению западной цивилизации. Он показал происхождение марксизма из глубинных традиций и культурного наследия западной цивилизации, которые были сугубо враждебны России, и ее народу, и которые передали эту русофобию марксизму, как своему органическому порождению, и самое главное - продолжению.

Помимо разного рода чисто цивилизационных пороков марксизма, Ф. Ф. Нестеров, в этой своей книге, так же наглядно и на множестве примеров показал моральную и от этого и политическую порочность рабочего класса западных стран особенно, таких как США, Англия и Германия, которую и выразил марксизм, став именно поэтому идеологией западного рабочего класса.

Вот несколько основных развернутых положений из этой книги Ф. Ф. Нестерова, по данному вышеуказанному мной вопросу: **«Ныне на Западе любят противопоставлять беспросветную нищету, каторжный труд, бесправие и, конечно, «темноту» и «бескультурье» русского дореволюционного пролетария относительно благосостоянию, социальным правам, достаточно высокому уровню образованности рабочих в высокоразвитых капиталистических странах Европы. Первому, дескать, не оставалось ничего иного, кроме вооруженной борьбы, насилия и установления диктатуры, а перед вторым раскрываются другие, более заманчивые перспективы...**

Впрочем, не только ныне. В 1920 году один из непризнанных предтеч «еврокоммунизма», Криспин, от имени представляемой им Независимой социал-демократической партии Германии с трибуны II конгресса Коминтерна рассказывает делегатам, насколько более высокую заработную плату получают и вообще лучше живут немецкие рабочие по сравнению с русскими. Революцию, продолжает он, можно в Германии произвести лишь в том случае, если она «не

слишком» ухудшит экономическое положение пролетариата. Конечно, он сторонник завоевания рабочим классом политической власти, но демократическим путем, а не посредством диктатуры. «Евросоциализм» от имени высокоразвитого пролетариата Запада пытался учить оппортунистскому уму-разуму «неразвитых» русских рабочих.

Отвечая на одну из таких выходок, В. И. Ленин заметил западноевропейским товарищам: «У нас правое крыло не получило развития, и это было не так просто, как вы думаете, говоря о России в пренебрежительном тоне». В России «экономизм» был отсечен от рабочего движения еще «Искрой» до создания партии большевиков». И если «независимцы» в Германии или последователи Отто Бауэра в Австрии с успехом сходили за «левых», то соответствующий им в России меньшевизм занимает крайне правое место в рабочем движении. Дух антиревизионизма в российском рабочем движении, в большевистской партии, бескомпромиссность революционности - характерные особенности нашей революции. Астрономам известен «эффект красного смещения» в спектре лучей звезды, удаляющейся от Земли с огромной скоростью. Подобный же эффект западные наблюдатели отмечали и в российском политическом спектре, где алая полоса большевизма все более и более вытесняла собой нежно-розовый цвет стыдливо прикрытого реформизма: Россия неустойчиво, с астрономической скоростью устремлялась к социализму.

Либо классовый мир угнетенных с угнетателями и война между народами, либо мир между народами и классовая война - эта решающая для судеб социалистической революции альтернатива встала перед всеми воевавшими странами Европы и Америки в 1914–1918 годах, но только Россия сделала правильный выбор. И только в России — среди всех разваливавшихся империй - многонациональные трудовые массы пожелали сохранить или, вернее, воссоздать государственное единство для отпора классовому врагу и новой общей жизни. Революционность России не может быть понята полностью, если игнорируются ее исторические особенности в многовековых отношениях между народами.

«Что касается Англии и Германии, - утверждает в своем исследовании «Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг.» академик Е. В. Тарле, - то при всем различии их политического строя в указанный период решительно невозможно вообразить себе, что в вопросах колоссальной важности, могущих поставить страну перед опасностью войны, английское или германское правительство могло бы годы и годы вести политику, решительно осуждаемую большинством рабочего класса».

Победа оппортунизма в пролетарском движении на Западе и привела к тому, что большинство рабочего класса оказалось жертвой шовинистической демагогии и поддержало политику «своих» правительств. Затем, уже в годы войны, сходной моральной цели послужил лозунг «защиты отечества», но в понятие «отечества» британский солдат вкладывал, помимо Англии и Шотландии, также Ирландию и всю «свою» колониальную империю, а германский «защитник отечества» не только настоящую, но и будущую, еще более великую Германскую империю.

На заседании одной из комиссий II конгресса Коминтерна Квелч, представлявший Британскую социалистическую партию, сказал, что рядовой английский рабочий считал бы за измену помогать поработенным народам в их восстаниях против английского владычества. Рядовой английский обыватель считал справедливым то, что Англии принадлежат Ирландия, Индия, Египет, и не видел ничего

предосудительного в том, чтобы ей принадлежали также и Ирак, и Палестина, и многое другое. А рядовому германскому мещанину все это казалось, напротив, крайне несправедливым. Он чувствовал себя и своих детей обделенными куском колониального пирога, ему также не терпелось взвалить на плечи «бремя белых» и заняться «культуртрегерством» среди цветных на островах Океании и на Африканском континенте, на Востоке Ближнем и Дальнем... но, для того чтобы получить право на белый пробковый шлем, приходилось надевать пока островерхую стальную каску защитного цвета.

Именно то, что психологический комплекс своей принадлежности к «народу-господину», едва прикрытый «интернационалистской» фразой как фиговым листком, всегда сохранял свою власть над сознанием обыкновенного, рядового западноевропейского труженика, именно это дало возможность идейно развращенной и прямо подкупленной «рабочей аристократии» выполнить свою задачу барана - провокатора и повести послушные массы на кровавую империалистическую бойню. Ведь обмануть можно только тем, во что жертва обмана хочет верить». (Ф. Ф. Нестеров «Связь времен» на сайте <http://www.litmir.net/br/?b=135215&p=50> - страницы 44 – 50.)

Одновременно с этим, Нестеров, в этой своей книге, убедительно показал, глубочайшее коренное моральное и как следствие политическое превосходство русского народа и русского рабочего класса, над населением и рабочим классом западных стран, что и позволило России стать родиной первой в мире победоносной социалистической революции и привело к превращению русифицированной версии научного коммунизма в национальную идеологию русского народа.

Да, социалистическая революция в России совершилась не по Марксу и Энгельсу, а вопреки их учению. Русские революции 1905 – 1906 и 1917 годов, своим ходом и достигнутыми результатами нарушили все марксистские догмы, и, прежде всего, такую главную догму марксизма – о чуть ли не природной контрреволюционности русской нации, которую Маркс и Энгельс пропагандировали до конца своей жизни. Как показал вскоре исторический процесс – контрреволюционными на самом деле являлись западные нации и их рабочий класс.

Так же последующий исторический процесс показал, что все эксцессы, в нашей стране последовавшие после Октябрьской революции, были связаны именно с попытками неуклонного следования марксистским догмам.

Социалистические революции, производившиеся в Европе в 1919 – 1923 годах по марксистским рецептам, не смогли, да и не могли победить именно из – за господства, там глубоких марксистских традиций. Собственно сам Энгельс, сам того не ведая в свое время очень четко объяснил причину неудач попыток самостоятельных социалистических революций в Европе, вот его высказывание по этому поводу: «Революция – неизбежна, но эта революция будет проводиться ради интересов, а не ради принципов, поскольку лишь из интересов могут развиваться принципы». (К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения – т.1 – с. 541.)

Вот это западное мещанство, получившее столь наглядное определение в этом высказывании Энгельса, и воплотившиеся в марксизме и привело к краху все попытки социалистических революций на Западе. Или как деликатно отмечал в своей уже

упомянутой книге С. Г. Кара – Мурза «марксистской доктрине, присущ крайний экономизм, и в силу этого марксизм любую политическую борьбу сводит к экономическим причинам». Сам же Энгельс, по этому же поводу в своей работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», писал следующее: «По крайней мере для новейшей истории доказано, что всякая политическая борьба, есть классовая, а всякая классовая борьба ведется для освобождения экономического» (К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения – т. 21 – с.310.)

Однако подобные представления об общественных противоречиях, являются крайней, очень, мягко, говоря – абстракцией. В действительности мировая история и особенно история 20 – го века показала, что конфликты на экономической почве не являются господствующей причиной общественно – политических столкновений. Основная масса политических конфликтов, чаще всего происходит по причинам цивилизационных и этнических различий, что очень наглядно показал ход боевых действий Первой и Второй Мировых войн.

Исходя из своего вышеописанного тезиса о том, что: «революции происходят ради интересов, а не принципов», Энгельс считал, что социалистические революции и последующие социалистические преобразования могут совершаться силами не имеющими отношения к рабочему классу, то есть, по сути, отрицал диктатуру пролетариата: «Мы можем пополнить наши ряды, лишь из тех слоев, которые получили довольно хорошее образование. То есть из университетских и коммерческих кругов». (К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения – т.1 – с. 540.)

Эти вопиющие противоречия в марксизме с достаточно давних времен бросались в глаза многим. И, в том числе, например, то что, марксизм, отнюдь не означает тождества с коммунизмом, признавали, так же весьма известные и признанные в свое время марксисты. Например, один из последних, и самых молодых учеников Энгельса – Рудольф Гильфердинг, в своем основном научном труде «Финансовый капитал», касаясь вопроса, несовпадения содержания марксизма и коммунизма, отмечал следующее: «Нельзя не признать ложным, тот широко распространенный внутри и вне марксизма взгляд, который безоговорочно отождествляет марксизм, с социализмом. Рассматриваемый, как научная система, то есть независимо от его исторического влияния, марксизм представляет собой просто теорию законов движения общества. Марксистское понимание истории, дает этой теории общую формулировку, а политическая экономия марксизма применяет ее к эпохе товарного производства». (Рудольф Гильфердинг «Финансовый капитал» - М.: Соцэкгиз, 1959. – с.43 – 44.)

Ленин, в свою очередь, так же признавал, что: «На момент своего возникновения и достаточно долгое время затем, марксизм был, лишь одной из многочисленных фракций или течений европейского социализма». (В. И. Ленин Полное собрание сочинений – т. 23 – с.1.)

Такой всемирно известный английский писатель 50 – 70 – х годов прошлого века, как Грэм Грин, будучи по своим убеждениям марксистом, тем не менее, в своем романе «Комедианты», устами одного из его героев заявляя: «Коммунизм шире, чем марксизм. В коммунизме есть мистика и политика. Слово «марксист» мне все меньше и меньше нравится. Слишком часто, под марксизмом подразумевают только экономическую программу». (Грэм Грин «Комедианты» - Кишнев, 1981. – с.600 – 601.)

По поводу демонстративного игнорирования Марксом и Энгельсом, «принципов» в пользу «интересов» и прежде всего интересов экономических, уже упоминавшийся здесь С. Г. Кара – Мурза отмечал, что: «В случае радикальных революций, сопровождающихся гражданскими войнами, конфликт на экономической почве не является главным». (С. Г. Кара – Мурза «Экспорт революции» - М.: «Алгоритм», 2005. – с.12) И, далее он же по этому поводу цитирует дореволюционного марксиста и социолога П. А. Сорокина: «Гражданские войны возникают от резкого несоответствия жизненных ценностей у революционеров и контрреволюционеров». (П. А. Сорокин «Причины войн и условия мира» - журнал СОЦИС – 1993 - № 12.)

Продолжая, эту тему Кара – Мурза отмечал, что в современной научной и публицистической литературе понятие революции до сих пор продолжает трактоваться согласно теории пролетарской революции разработанной Марксом и Энгельсом еще в середине 19 – го века. Это, по его словам узкое и ограниченное, марксистское понятие классовых причин любой революции является в настоящее время преградой, не позволяющей увидеть - реальные типы революций, которые в настоящее время определяют судьбы народов. (С. Г. Кара – Мурза «Экспорт революции» - М.: «Алгоритм», 2005. – с. 9.)

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно отметить, что причина неэффективности использования марксизма в качестве революционной идеологии, заключается именно в его, типично западном мещанском характере, столь ярко выраженном в уже упоминавшейся знаменитой фразе Энгельса о предпочтительности интересов перед принципами. Отсюда и неспособность марксизма выступать в качестве инструмента революционного преобразования мира и отсюда же, наконец, и фактический полный распад и крах марксизма, и покоящейся на нем современной версии научного коммунизма перед лицом нынешнего глобального кризиса западной и мировой капиталистической цивилизации.

Глава I Возникновение и первоначальное развитие различных направлений идеологии европейского либерализма, как предыстории марксизма

К моменту завершения в Европе периода, так называемых наполеоновских войн (1799 – 1815 годы), полностью исчерпала себя и стала достоянием истории идеология и философия «Просвещения», которая была создана по заказу европейских банкиров во второй половине 18 – го века.

Таким образом, к концу второго десятилетия 19 – го века, в условиях коренных изменений в политической и экономической жизни европейских стран евробанкирам понадобилось, создание новых идеологических и философских систем, которые бы эффективно оправдывали и обосновывали их господство, в тогдашнем мире.

В связи, с этой потребностью, в Европе, а точнее, прежде всего во Франции, в начале 20 – х годов 19 – го века появилась на свет идеология либерализма, а спустя некоторое, не очень продолжительное время, там же во Франции появилось и философская основа

либерализма, в лице так называемой «позитивной философии» или, короче говоря – «позитивизма», созданной первоначально Огюстом Контом.

Вот, что писал о создании по заказу евробанкиров идеологии либерализма, известный в 60 – е года 19 – го века известный российский мыслитель и один из идеологов русского коммунизма Дмитрий Иванович Писарев, в своей фундаментальной статье «Генрих Гейне»: «Под влиянием разочарования и реакции в Европе распустился чахлый цветок либерализма. Наши надежды разбиты, думали искренние либералы, потому что, эти надежды вообще не осуществимы. Земля слишком мала и бедна. Люди слишком многочисленны. Страсти их слишком пылки и разнообразны. Вечная борьба между людьми неизбежна. Поэтому, надо, заботится, только о том, чтобы борьба всегда и везде решалась личными достоинствами, а не преимуществами рождения. Надо твердо стоять на той почве, которую расчистили для нас великие принципы 1789 года. С одной стороны надо отстаивать приобретения великого переворота против отвратительных замыслов реакционеров, с другой стороны держать в ежовых рукавицах тех сумасбродов, которые стремятся увлечь общество в бездну анархии. Так рассуждали либералы».

Далее, Писарев, в этой своей продолжал, отмечать следующее: «Искренние либералы составляли незначительное меньшинство. Настоящая боевая армия либерализма состояла из людей, которые жадно собирали плоды переворота и нисколько не желали, чтобы число счастливых собирателей увеличилось. На развалинах старого феодализма утвердилась новая плутократия. Бароны финансового мира, коммерсанты, фабриканты. Вовсе не были расположены делиться с народом выгодами своего положения. Немногие искренние либералы очутились в компании самого сомнительного достоинства. Рыхлая и бессвязная политическая партия, составленная из близоруких лавочников, честолюбивых шарлатанов, уклончивых юристов, могла иметь некий смысл и кое – какую энергию, когда надо было осаживать и обуздывать шальных реакционеров, потерявших последние остатки человеческого рассудка. Но, как только пылкие обожатели средневековых порядков вымерли и перестали быть опасными, так тотчас либеральная партия расплзлась на составные части. Честные и умные люди отошли от нее прочь, а легион пройдох и торгашей, осененных знаменем «великих принципов», обнаружил настолько смешное зрелище, что появилась настоятельная необходимость выставить новый штандартик, на котором вместо крикливых слов «свобода, равенство, братство» была написана просьба не воровать носовые платки и не ломать мостовую». (Д.И. Писарев Полное собрание сочинений – СПб.,1894. – т. 5 – с. 389.)

Несмотря на политическую влияние европейского либерализма, подкрепленную, так же и соответствующими финансовыми ресурсами европейских банкиров, продолжалось, обострение политической и классовой борьбы в Европе в 20 – 30 – е годы 19 – го века, в связи с выходом на политическую арену, тогдашнего европейского пролетариата. Европейский пролетариат, к тому времени уже не удовлетворяли проповеди абстрактного юридического равенства, столь присущие классическому либерализму, и это, самым наглядным образом продемонстрировали многочисленные рабочие восстания во Франции в 30 – е годы 19 – го века, а так же появление, организованного рабочего движения в Англии («Движение чартистов»).

Всё, это заставило евробанкиров задуматься о необходимости установления идеологического и философско – мировоззренческого контроля над набирающим силу в различных европейских странах, но прежде всего Франции и Англии, рабочим

движением. Первой попыткой в этом направлении, стало создание того, что в советской научной литературе получило наименование «утопический социализм».

Эта идеология была первоначально представлена учением «сенсимонизм», которое начал создавать еще в начале 20 – х годов 19 – го века во Франции граф Клод – Анри де Сен – Симон. Созданию первой в мире идеологии позже названной «утопическим социализмом» у Сен – Симона предшествовала очень бурная и насыщенная, участием в политических интригах и финансовых спекуляциях – жизнь. Он был активным участником сначала североамериканской, а затем и французской революций. После победы революции во Франции. Будучи тесно связан со многими банкирами Сен – Симон успешно занимался финансовыми и земельными спекуляциями.

Эта связь Сен – Симона с евробанкирами, как минимум со времен Французской революции и определяло в дальнейшем содержание созданной им идеологии, получившей название – «сенсимонизм». И, в частности такой ее ключевой элемент, как постоянная проповедь экономического всемогущества и абсолютной необходимости банковского кредита для успешного развития экономики.

Любовь Сен – Симона к банкам и банкирам была, очевидно, связана с тем, обстоятельством, что во времена Французской революции, и затем, в период «Первой империи», он был младшим партнером по земельным и финансовым спекуляциям Талейрана, имевшего тесные связи со многими банкирскими домами, тогдашней Европы. (Ю. В. Борисов «Талейран» - М, 2005. – с. 19 – 20, 33 – 35, 126.)

Осуждая систему противоречий современного ему капитализма Сен – Симон, в своих работах постоянно доказывал необходимость создания, такой общественно – экономической формации, в которой личные и общественные интересы находились бы в полном согласии.

Этот предлагаемый им новый тип общества, Сен – Симон именовал «Новой промышленной системой». Руководящую роль в этой нвой общественно – экономической формации он отводил **банкирам** и ученым. Философско – моральной основой этого нового общества он видел, так называемое «Новое христианство», основанное на принципе – «Все люди – братья». (Рецензия Ю.А. Петрова на книгу Б. В. Ананьича «Банкирские дома в России» - журнал «Отечественная история» - 1992 - № 6 – с. 179.)

Среди прочих течений либеральной мысли, учение Сен – Симона и его последователей выступило предшественником марксизма, в плане создания и проповеди идеологии интернационализма. Сам лично, Сен – Симон разработал теорию уничтожения в тогдашнем мире национальных государств, и создания вместо них некой аморфной массы, под названием – «Всемирная ассоциация народов». («Первый Интернационал» - М.: «Мысль», 1964. – с.33 – 34.)

Если подвести итог социально – политическим воззрениям Сен – Симона и его проектам общественного переустройства, то мы увидим, что он для преодоления противоречий современного ему капитализма призывал тогдашних европейских банкиров, что называется выйти из подполья, после чего, прямо, и открыто взять на себя все функции общественного и экономического управления, с использованием всех достижений, тогдашней науки. Поэтому слово «социализм», даже в виде сочетания «утопический социализм» для характеристики сенсимонизма совершенно не подходит. И,

кстати сам Сен – Симон его никогда не употреблял, хотя этот термин был в Европе, уже известен.

Все, это были вынуждены иногда признавать и представители советского обществоведения. Так, например авторы учебника для высших учебных заведений «Новая история» - М.: «Просвещение», 1978. – часть 1 – с. 279, отмечали, что: « Сен – Симон не делал непосредственных социалистических выводов из своих проектов общественного переустройства».

Сам Сен – Симон называл свое новое общество – «индустриализм». Именно оно, по его мыслям, должно было преодолеть главные, по его мнению, пороки капитализма, а именно – анархию производства и конкуренцию.

Несмотря на смерть Сен – Симона в 1825 году, его учение продолжало распространяться и пропагандироваться на протяжении двух последующих десятилетий. При крупномасштабной денежной поддержке двух крупных французских банкиров – братьев Исаака и Эмиля Перейра. (К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения – т. 12 – с. 29, т.15 – с. 773.)

В 1833 году 12 известных французских сенсимонистов выехали из Парижа и направились в страны Восточного Средиземноморья для пропаганды там своего учения. Среди них были, ставшие затем весьма известными личностями Фердинанд Лессепс – впоследствии руководитель строительства Суэцкого канала, Давид Фелисьен – в дальнейшем ставший известным во Франции композитором, Эмиль Барро – ставший вскоре известным французским политиком. Капитаном судна, на котором они отправились от берегов Франции, был Джузепе Гарibaldi – в то время уже ставший членом тайной масонской организации «Молодая Италия». За время, этого плавания, он, так же стал убежденным сенсимонистом. (С. М. Степняк – Кравчинский Сочинения в 2 – х томах – М.: «Художественная литература», 1987. – т. 2 - с. 412, 458.)

В дальнейшем, идеи и социально – политические проекты Сен – Симона, в частности о необходимости постоянного государственного регулирования капиталистической экономики, были в значительной степени воплощены во Франции, в эпоху «Второй империи» Наполеона III.

Органом подобного государственного регулирования, французской экономики, по рецептам Сен – Симона, в эпоху «Второй империи» Наполеона III, стал государственный банк «Креди Мобилье», созданный и управляемый уже упоминавшимися финансовыми покровителями Сен – Симона, братьями – банкирами Перейра. (журнал «Отечественная история» - 1992 - № 6 – с. 179.)

Однако, по мере начала нарастания в 20 – е годы 19 – го века в Западной Европе и прежде всего в Англии и во Франции рабочего движения, потребовались идеологии более пригодные для их восприятия тогдашними западноевропейскими рабочими массами. И, вот, тогда, и появился, наконец – то, классический «утопический социализм», созданный англичанином Роберта Оуэном и французом Франсуа – Мари – Шарлем Фурье.

Что, касается Роберта Оуэна, то свою деятельность в качестве утопического социалиста он начал в 1817 году, когда направил в комитет по борьбе с безработицей английского парламента, свой план создания в стране сети трудовых коммун.

В дальнейшем основой идеологии Оуэна стали требования и различные проекты общественного переустройства, с целью обеспечить рабочим продукта их труда в полном объеме. Кроме того, задолго до Маркса и Энгельса, Роберт Оуэн, так же разработал и основы теории «пролетарского интернационализма», которая по его мнению основывалась на том, что у рабочих всех стран одинакова тяжелая участь, в следствии их практически одинаковой эксплуатации капиталистами. («Первый Интернационал» - М.: «Мысль», 1964. – с. 33 – 34.)

Родоначальник французского социал – утопизма Шарль Фурье, опять – таки задолго до Маркса и Энгельса, разработал теорию последовательной смены общественно – экономических формаций в зависимости от достигнутого уровня производительных сил.

Несмотря, на достигнутые евробанкирами успехи в деле развития европейского утопического социализма в 20 – 30 – е годы 19 – го века, в целом европейский рабочий класс, продолжал оставаться вне сферы их идеологического контроля.

И, одновременно, при отсутствии влияния утопического социализма в рабочей среде, продолжали усиливаться после Революции 1830 года во Франции революционные настроения в рабочем классе этой страны, продолжало нарастать чартистское движение в Англии. Кроме того, в это же самое время шел, и общий непрерывный рост повышения уровня самоорганизации западноевропейского пролетариата, в виде появления влиятельных тайных рабочих обществ во Франции, особенно возглавляемых Огюстом Бланки, и усиливался рост влияния профессиональных союзов среди рабочего класса Великобритании.

Особенно сильным раздражителем для евробанкиров стали, совершенно неожиданные для них крупномасштабные рабочие восстания во Франции в 30 – е годы 19 – го века организованные уже упомянутыми тайными рабочими обществами.

Все, это показало евробанкарам, сначала ограниченность, а затем и полную неэффективность созданной ими идеологии утопического социализма, в качестве средства контроля и манипулирования европейским рабочим движением.

Поэтому, в связи со всеми этими обстоятельствами, перед европейским финансовым капиталом встала необходимость создания новой более радикальной псевдореволюционной идеологии, чем прежний утопический социализм, с тем чтобы вновь установить над европейским рабочим движением, полный сначала идеологический, а затем и партийно – организационный контроль.

В результате подобного осознания, в первой половине 40 – х годов 19 – го века, задача выработки подобной идеологии взамен обветшавшего социал – утопизма, была возложена, на уже довольно известного к тому времени во Франции публициста и интеллектуала Пьера Прудона, который к тому же в юности был рабочим и выходцем из среды простого народа.

Выполняя, возложенную на него евробанкарами задачу, Прудон пишет фундаментальный труд под названием «Система противоречий или философия нищеты», который был издан в 1846 году.

В этой книге, Прудон сформулировал основные положения созданной им новой идеологии – анархизма. В связи с чем, он эпиграфом к этой своей книге взял фразу из евангелия: «Разрушу и воздвигну», которая в дальнейшем стала одной из главных анархистских девизов. (С. Н. Канев «Революция и анархизм» - М.: «Мысль», 1987. – с. 3, 36 – 37.)

Изложенные в «Философии нищеты», взгляды Прудона, на самом деле, ничего революционного, кроме демагогической фразеологии не содержали. Главной его идеей была реформа кредита и денежного обращения, с целью некоторого повышения жизненного уровня трудящихся слоев населения. При этом, Прудон, крайне резко выступал против участия рабочих в политической борьбе, вплоть до того, что требовал от них не вступать в профсоюзы, под предлогом того, что членство в профсоюзе нарушает право каждого конкретного рабочего распоряжаться своей личностью и своим трудом.

По этому поводу, можно добавить, что если Прудон, прямо запрещал рабочим всякое участие в политической борьбе, то Маркс и Энгельс, внешне выглядели на его фоне более «революционно», поскольку, они разрешали, и даже требовали от рабочих политической борьбы, но одновременно, основоположники марксизма, под самыми различными предложениями, фактически запрещали переводить эту политическую борьбу в насильственные формы, и тем более вести её вооруженным путём, а так же создавать для этой цели нелегальные, и тем более тайные (подпольные) рабочие организации.

В изложенных Прудонем основах анархизма, очень четко проявлялась его генетическая связь с классическим либерализмом, прежде всего в виде, такого классически – либерального постулата, как «свобода личности». Причем, этот главный либеральный принцип был развит анархизмом до самых крайних пределов, вплоть до нелепости.

Опираясь, на одну из ключевых либеральных идей – идею «свободы личности», Прудон вслед за Сен – Симоном, Оуэном и Фурье, отрицал необходимость участия в политической борьбе. Так же, принципом «свободы личности», Прудон обосновывал и необходимость сохранения частной собственности, и свою проповедь необходимости сотрудничества классов в капиталистическом обществе.

В связи с этим, весьма характерно у Прудона то, что, проклиная в своей основной книге «Философия нищеты», капиталистическую эксплуатацию, он вскоре после нее написал и издал новую книгу «Руководство биржевого спекулянта», которая гораздо более точно выражала его истинные политические взгляды и роль в обществе.

О том, насколько тесно был связан Прудон со своими хозяевами – европейскими банкирами, очень наглядно свидетельствует его поведение в период Французской революции 1848 года, а затем и в период «Второй империи» 1851 – 1870 годов.

Сразу же после Февральской революции 1848 года во Франции, Прудон выдвинул свою программу «анархистской революции». В ней, он выступал категорически против не только национализации независимого в то время от государства «Французского банка» (Центральный банк, тогдашней Франции), но, и против даже хотя бы государственного регулирования его деятельности.

Прудон, в то время, демагогически призывал, вместо национализации, преобразовать этот частный акционерный банк, контролировавший практически всю финансовую

систему страны, в некий «Народный банк», при этом, старательно обходя вопрос, о том, кому этот самый «народный банк», будет реально принадлежать, и, кто им будет управлять.

Другим важным для Прудона, вопросом, в его идейно – политическом отстаивании интересов европейских банкиров был национальный вопрос. Поскольку, в принципиальном плане финансовый капитал негативно относится к существованию национальных государств, то и Прудон последовательно формулировал различные принципы нигилистического отношения к нациям и создаваемым ими национальных государств.

Так, в своей брошюре «Перестали ли существовать договоры 1815 года? Акты будущего конгресса», написанной им, в 1863 году, Прудон, категорически отрицал право народов на создание своих национальных государств. Это свое несогласие, он аргументировал тем, что создание национальных государств, противоречит интересам развития мировой цивилизации и подрывает равновесие в мире.

Отражая интересы евробанкиров по национальному вопросу, Прудон с самого начала заложил в свою теорию анархизма, идею крайнего федерализма, который должен был развалить все государства мира на аморфные скопища, так называемых «сообществ свободно самоуправляющихся общин», подверженных практически любому внешнему военному или экономическому воздействию. По поводу этой созданной Прудоном анархистской концепции, В. И. Ленин, в частности отмечал, следующее: «Из воззрений анархизма – федерализм, вытекает принципиально. В то время, как коммунисты – это централисты». (В. И, Ленин ПСС – т.33 – с. 53.)

Глава II Формирование основ теории и идеологии европейского научного коммунизма левыми младогегельянцами, при Марксе, но очень длительное время без его какого – либо непосредственного участия

Часть 1. Два источника и две составные части теории научного коммунизма, графа Цешковского

Среди наиболее, малоизвестных фактов, создания в Европе, во второй четверти 19 – го века основ идеологии научного коммунизма, наиболее малоизвестным является, тот факт, что данные основы весьма длительное время закладывались без какого – либо участия Маркса и Энгельса, которые вскоре после создания этих самых основ, их, попросту украли у их многочисленных создателей. Ну, а, в дальнейшем, Маркс и Энгельс, для маскировки этого своего идейно – политического воровства просто начал систематически поливать грязью тех многочисленных европейских мыслителей, которых он обокрал.

Эта кража научных достижений своих коллег, и составила первоначально основной научный багаж Маркса и Энгельса, и позволила им, в дальнейшем столь стремительно продвинуться сначала в создании, а затем распространении своего учения.

Первоначальным европейским создателем теории научного коммунизма стал в конце 30 – х – начале 40 – х годов 19 – го века левый гегельянец граф Август Цешковский, проживавший польском городе Познани, захваченным в конце 18 – го века германским королевством Пруссия.

В 1838 – 1839 годах Цешковский, будучи тогда в возрасте 24 - 25 лет, написал на немецком и польском языке несколько фундаментальных работ, в которых подверг резкой критике реакционность политических и философских взглядов своего бывшего учителя Гегеля. В связи с этим он отмечал, что главный недостаток диалектики Гегеля, помимо идеализма его философии в целом, так же заключается в том, что эта философия занимается только познанием прошлого и завершается на настоящем, не пытаясь показывать перспективу дальнейшего развития человечества.

По мнению Цешковского, именно познание будущего помогает реализации философских понятий в окружающую действительность, обеспечивает их воплощение в жизнь. Все это, Цешковский, называл «философией знания».

Главный путь создания «философии знания», Цешковский видел в соединении немецкой классической философии с тогдашним утопическим социализмом или как его впервые назвал он сам – «французским социализмом».

Как считал Цешковский, результатом подобного соединения должно было стать разрешение всех социальных и экономических противоречий, тогдашнего капиталистического общества. По словам самого Цешковского: « Истина жизни и истинное разрешение социальных противоречий, в действительности есть требование, которое мы предъявляем будущему». (Антология мировой философии – М., 1971. – т.3 – с.424 – 428.)

Часть 2. Мозес Гесс – первый в мире создатель теории «взаимного отчуждения» и путей его преодоления, посредством социальной революции

Работы Цешковского, конца 30 – начала 40 – х годов 19 – го века по соединению гегелевской диалектики с французским социализмом, которые стали, по сути, первой попыткой создания философских основ научного коммунизма, в виде диалектического и исторического материализма, а так же и собственно теории научного коммунизма, оказали очень большое влияние на другого левого гегельянца – Мозеса Гесса.

Оказавшись, под влиянием работ Цешковского, Гесс, пришел к выводу, что философские идеи о справедливом устройстве мира может воплотить в жизнь только социалистическая революция, которая уничтожит основу социальную основу эксплуататорского общества – взаимное отчуждение людей.

При этом, Мозес Гесс, практически сразу, очень четко отделил понятие «социальная революция» от понятия «политическая революция». По его мнению, просто политическая революция происходит, когда в ее результате меняются лишь форма эксплуататорского государства, а не его суть. Он считал, что в результате просто политической революции, провозглашаются лишь иллюзорные формальные свободы, но при этом сохраняется в неприкосновенности частная собственность – главный источник порабощения человека человеком.

Более подробно, вопрос о понятии «политическая революция» - Гесс, рассматривал следующим образом: «Так, что же совершила революция? Ее свобода и равенство, ее абстрактные права человека, оказались, только другой формой рабства. Тираны сменились, тирания осталась».

Далее, он, там же отмечал, следующую главную причину совершенной недостаточности для освобождения человека и человечества от гнета эксплуатации: «Деньги – это продукт взаимной отчужденности людей. Торгашеский мир – это мир видимости и лжи. Под видом абсолютной независимости – абсолютная нужда, под видимостью живейшего общения – смертельная замкнутость каждого человека от своих ближних, под видом гарантированной для всех индивидов неприкосновенной собственности, у них в действительности отобрали все их достояние, под видимостью всеобщей свободы – всеобщее рабство. История возникновения общества закончена, скоро пробьет последний час социального животного царства. Истекло время машины денег, и напрасно пытаются наши государственные ловкачи прогресса и регресса поддерживать ее ход». (Антология мировой философии – М, 1971. – т. 3 – с.421 – 422.)

Приоритет Мозеса Гесса в разработке понятия «взаимное отчуждение людей при капитализме», и последовавшая вскоре, фактическая кража этой разработки у него Марксом, в общем и целом не являлись большой тайной для советского обществоведения. Единственное, что советские ученые – обществоведы пытались в связи с этим, крайне неприятным для них фактом делать – это, всячески принижать степень данной разработки со стороны Гесса, пытаясь доказать, что Гесс об этом только размышлял, а разработал ее именно Маркс: «И, все же, не смотря на то, что Гесс, много говорил о превращении мысли в дело, он не сумел выйти за рамки умозрительных решений. Характер его мировоззрения, не позволил ему увидеть, те пути, которые действительно ведут к практическому воплощению идей в жизнь. И, это не удивительно. Его идеи носили характер чистой дедукции, ориентировались на априорно выработанный идеал, а не были результатом научного анализа действительного положения вещей. Закономерно, что в 1846 году, в период формирования зрелого марксизма, Маркс и Энгельс, решительно и навсегда порвали с Гессом». (Л. В. Гнатюк Становление мировоззрения марксизма – Харьков, 1988. – с.13 – 14.)

По поводу, этой последней фразы данной цитаты, можно в действительности сказать только одно – Маркс и Энгельс, порвали с Гессом, только после того как украли у него, эту, одну из фундаментальных основ для своего будущего учения, которой являлась созданная Гессом «теория отчуждения»

Часть 3. Арнольд Руге, как создатель первой в мире теории социалистической революции

Одним, из самых радикальных деятелей, среди левых гегельянцев в период конца 30 – х – первой половины 40 – х годов 19 – го века был - Арнольд Руге. Он на страницах созданных им самим альманахов, таких как: «Галлеский ежегодник» (1838 – 1840 годы издания), «Немецкий ежегодник» (1841 – 1845 годы издания), энергично призывал левых гегельянцев активно участвовать в политике и проповедовал необходимость энергичных политических действий для реализации ими своих философских и общественных взглядов.

В своих статьях написанных по данному поводу, Руге писал о необходимости постоянного развития и совершенствования идей социального и, прежде всего экономического освобождения человека и человечества, которые должны находить свое воплощение в реально политической борьбе. По его мнению, всякие попытки врагов освобождения человека от гнета эксплуатации, противодействовать этому процессу, будут лишь ускорять приближение социалистической революции.

Когда же, как считал Руге, данная революция начнется, то должна будет сказать свое слово философия, обогащая участников и особенно руководителей данного процесса знанием законов разума. Только философия может указать правильные пути воплощения идей освобождения человека от гнета эксплуатации в новом государстве, рожденном социалистической революцией. (Антология мировой философии – М, 1971. – т.3 – с.414 – 416.)

Своими работами, особенно периода 1838 – 1840 годов, Руге фактически создал на тот момент движение левых гегельянцев и, самым заметным образом оживил идейно – политическую жизнь сначала Германии, а затем и всей Европы.

В результате, именно под его непосредственным влиянием, в 1843 – 1844 годах начался процесс полевения взглядов тогдашних Маркса и Энгельса, которые до этого были практически чистыми либералами.

Результатом этого воздействия Руге на Маркса и Энгельса, стало их участие в издании последнего номера альманаха Руге – «Немецкого ежегодника», вышедшего в 1844 году. В нем Маркс поместил свою статью «Введение в критику гегелевской философии права», а Энгельс, опубликовал там же свои «Наброски к критике политической экономии».

Глава III Либеральная нереволуционность, и даже, первоначально откровенный теоретический антикоммунизм молодого Маркса

Наиболее явно, эта, общая нереволуционность, и даже более того - первоначальный теоретический антикоммунизм молодого Маркса, особенно ярко, проявлялись в начальный период его политической карьеры, когда в октябре 1842 года, в возрасте 24 лет, он стал главным редактором, одной из самых влиятельных для того времени германских газет – «Рейнской газеты».

Вскоре, после прихода Маркса в качестве руководителя этой, самой левой из числа либеральных газет, тогдашней Германии, данный печатный орган начал заметно править в содержании публикуемых материалов. Причиной, этого стремительного и заметного поправения «Рейнской газеты», стало то обстоятельство, что практически сразу после своего прихода в нее Маркс изгнал из числа ее авторов, целую группу радикальных левых гегельянцев, в лице братьев Бауэр, М. Штирнера, Э. Мейена и целого ряда других, калибром поменьше.

Официальное советское обществоведение, не в силах скрыть данное обстоятельство, пытаясь оправдать или, по меньшей мере хоть, как – то объяснить подобные действия Маркса в «Рейнской газете», постоянно сбивалось на какой – то прямо – таки детский лепет. Вот, например, наиболее классическая аргументация советского обществоведения по данному вопросу: «В октябре 1842 года, Маркс, становится редактором «Рейнской газеты». Под его руководством «Рейнская газета», становится ведущим оппозиционным органом Германии. В условиях, жесткой цензуры, Маркс, придал газете революционную направленность. Глубокая и принципиальная постановка вопросов, сочеталась с умением обходить официальные цензурные запреты. Но, для того, чтобы поднять газету на такой уровень, Марксу было необходимо избавить ее от группы сотрудников известных шумливой претенциозностью, мнимой революционностью, и ниспровергательством, всего и вся. Эта группа, не выдвигая, никакой позитивной программы, провоцировала официальные власти, вызывала их подозрительность. Типичными представителями, такой

«левой фразы» были, так называемые «свободные» - кружок берлинских левых гегельянцев, самыми влиятельными из которых были братья Б. Бауэр и Э. Бауэр, Э. Мейен, М. Штирнер и ряд других. В «Рейнской газете» - «свободные», привыкли видеть свой орган, но Маркс, став редактором, решил положить конец их своеволию, во имя действительно серьезной пропаганды революционных идей». (Л. В. Гнатюк Становление мировоззрения марксизма – Харьков, 1988. – с.28 – 29.)

Сам же Маркс, об изгнании им радикально настроенных левых гегельянцев из «Рейнской газеты», в письме Руге, от 30 ноября 1842, писал, следующие: «Но, и я сам позволил себе забраковать не меньше статей, чем цензор, ибо Мейен и компания присылают нам кучу вздора, лишённого всякого смысла и претендующего на то, чтобы перевернуть мир. Всё, это приправлено атеизмом и коммунизмом, которого эти господа не изучали». Далее, в этом же письме, Маркс завершает свое обоснования изгнать радикалов из «Рейнской газеты», следующим образом: « Для спасения политического органа, можно пожертвовать, несколькими берлинскими вертопрахами». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.27 – с.368, 370.)

В это же самое время, в 1842 году, уже, будучи редактором «Рейнской газеты», Маркс, демонстрирует, не только свое враждебное отношение к тогдашнему германскому левому радикализму, но, и практически, откровенный антикоммунизм в области политической теории. Так, в ответ, на обвинение его консервативной «Всеобщей газетой», в коммунизме и атеизме, Маркс, со страниц, возглавляемой им «Рейнской газеты», отвечал на эти обвинения, следующим образом: «За коммунистическими идеями, нельзя признать теоретической реальности». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.1 – с.118.)

То есть, таким образом, в 1842 году, Маркс, публично отказывал коммунизму в праве на существование, даже в виде теории.

А, что же, Маркс, предлагал читателям «Рейнской газеты», вместо прежнего атеизма и коммунизма, группы берлинских левых радикалов? А, предлагал он, вести политическую борьбу в либеральной, философско – обличительной плоскости: «Война немецким порядкам! Непременно война! В борьбе с ними, критика – не анатомический нож, она оружие. Её объект есть враг, которого она хочет не опровергнуть, а уничтожить. Критика выступает уже, не как самоцель, а только, как средство. Её основной пафос – негодование, её основное дело – обличение». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.1 – с.416 – 417.)

Глава IV Коренная контрреволюционность созданной Марксом и Энгельсом теории социалистической революции

Часть 1. Как Маркс и Энгельс, отодвинули время революционных социалистических свершений, практически в бесконечность

Основным содержанием данной части, станет очень простое доказательство того, что если пытаться следовать созданной Марксом и Энгельсом теории социалистической революции, то она должна будет произойти, как, это по - русски говорится – «После дождичка в четверг», то есть, по сути - никогда.

Основным, можно сказать ключевым положением марксистской версии теории социальной революции, вообще и теории социалистической революции, в частности,

является тезис о том, что главная причина любой социальной революции, и в том числе революции социалистической заключается, в таком основополагающем противоречии развития общества, как ставшее неразрешимым противоречие между достигнутым уровнем развития производительных сил и существующими на тот момент в обществе производственными отношениями.

Согласно Марксу и Энгельсу, когда разрешение подобного коренного противоречия становится невозможным в рамках данного типа общественного устройства (общественно – экономической формации), то происходит политическая революция, ломающая, эту, прежнюю общественно – экономическую формацию.

После этой закономерной ломки, как итог данной политической революции, создается новая общественно – экономическая формация, которая соответствует ранее достигнутому уровню развития производительных сил. То есть по Марксу и Энгельсу, базис – всегда и непременно определяет надстройку.

Исходя из этого, Маркс и Энгельс, постоянно, на протяжении всей своей общественно – политической жизни, утверждали, что является реакционной, любая попытка произвести, в том или ином обществе социалистическую революцию, до того, как в нем, уровень развития производительных сил, вступит в неразрешимое противоречие, с существующими в данном обществе производственными отношениями.

В результате, подобного сценария развития событий, согласно взглядам основоположникам марксизма, такая «преждевременная» социальная революция, в лучшем случае задержит дальнейшее развитие производительных сил, а в худшем приведет к их регрессу, и, как следствие, к регрессу общества.

Вот, таким образом, и возник один из основополагающих принципов общей контрреволюционности марксизма, суть которого заключается, в том, что является, безусловно реакционной, любая попытка уничтожить капитализм, до того как он достигнет вершины своего развития, и тем самым, господствующая в нем частная собственность, исчерпает все свои возможности по дальнейшему развитию существующих производительных сил, а все или почти все трудящиеся станут пролетариями.

Данный основополагающий постулат был выработан Марксом, еще в самом начале создания им своего варианта теории европейского научного коммунизма. Произошло, это в 1844 году, когда он написал свою первую фундаментальную работу по данному вопросу – «Экономические рукописи 1844 года», из которой в дальнейшем вырос первый том «Капитала».

По поводу, неперменной высокоразвитой капиталистической основы для социалистической революции Маркс, в своих «Экономических рукописях 1844 года», в частности писал, следующее: «Нетрудно усмотреть необходимость того, что всё революционное движение, находит себе, как эмпирическую, так и теоретическую основу, в движении частной собственности». И, там же в ответ на вопрос, до какой именно степени должно прийти, это «движение частной собственности», чтобы, наконец произошла социалистическая революция, он, мягко говоря, очень лаконично и при этом крайне неопределенно, чтобы не сказать большего, отвечал: «до своего полного исчерпания». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.42 – с.117.)

Второе главное объективное условие для возможности социалистической революции по Марксу и Энгельсу – это, то что она должна быть мировой, а для этого необходим мировой характер господства капиталистического способа производства.

По Марксу, а точнее по таким его фундаментальным трудам, как «Немецкая идеология» и «Экономические рукописи 1844 года» дальнейшее развитие капитализма перестанет быть прогрессивным, только тогда, когда капитализм и сопутствующий ему пролетариат, приобретут всемирный характер. Без достижения капитализмом всемирного господства, когда еще, не все трудящиеся Земли станут пролетариями, а развитие капитализма и сопутствующих ему производительных сил еще не наткнется на непреодолимые барьеры, означает отсутствие необходимости устранять порождаемое частной собственностью отчуждение посредством пролетарской революции. Если короче, то, по Марксу: «Пролетариат может существовать, только во всемирно – историческом смысле, подобно, как коммунизм – его деяние – возможен лишь, как всемирно – историческое существование». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.3 – с.33 – 34, т.42 – с.117.)

Из этого основного положения марксизма так же следует, что попытка произвести социалистическую революцию в отдельно взятой стране, до того, как капитализм исчерпает себя во всемирном масштабе, является, безусловно реакционной. По этому поводу, резко критикуя теорию русской социалистической революции созданную Петром Никитовичем Ткачевым и опубликованную им в 1875 году в статье «О социальном вопросе в России», Энгельс писал следующее: «Только на известной и даже для наших условий, очень высокой ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять, производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий, стала действительно прогрессом, но такой степени развития производительные силы достигают лишь в руках буржуазии». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.18 – с.537.)

Ну и в этих же «Рукописях» Маркса содержится и достаточно откровенный антикоммунизм, лишь слегка, для приличия прикрытый историко - материалистической софистикой: «Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности – грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.42 – с.114 – 115.) Да, от такой марксистской диалектики, самые изощренные и бесстыжие софисты, эпохи позднего эллинизма, выражаясь по - современному, – нервно курят в сторонке.

Поскольку Энгельс, как человек по сравнению с Марксом был более простой, то, аналогичную «диалектику», он и выражал, гораздо проще. И, в этой своей простоте, дошел даже до апологии прогрессивности, не только капитализма, но и рабовладения. Вот, например, что он по этому поводу писал в «Антидюринге»: «Рабство было открыто. Оно, скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше родовой общины. Мы, вправе сказать, что без античного рабства, не было бы, и современного социализма». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.20 – с.185 – 186.)

Вообще – то, гениальному товарищу Энгельсу следовало бы, для начала знать, что античное рабство охватывало небольшую часть тогдашнего цивилизованного мира и даже в Римской империи, имело распространение на меньшей части ее территории. Тем более, что эти данные не были тайной даже для тогдашней европейской исторической науки.

В дальнейшем, спустя четыре года, после создания «Экономических рукописей 1844 года», этот, основополагающий марксистский принцип, насчет реакционности борьбы с капитализмом, пока тот еще, якобы, не исчерпал потенциала своего прогрессивного развития, был подчеркнут, в написанном совместно Марксом и Энгельсом – «Манифесте Коммунистической партии».

В этой популярной, рассчитанной на массовое распространение работе Маркса и Энгельса, по данному поводу было заявлено следующее: «Сословия, которые борются с буржуазией, чтобы спасти свое существование от гибели, реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.4 – с.434.)

При этом в «Манифесте» Маркс и Энгельс, считали реакционной любую борьбу с частной собственностью и капитализмом, если они не достигли «своего полного исчерпания», даже если эта борьба носила бы и теоретический характер. По этому поводу они в этой своей работе писали следующее: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение в следствии неразвитости самого пролетариата, а так же, в следствии отсутствия материальных условий для его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая, эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует, всеобщий аскетизм и грубую уравнивательность». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.4 – с.455.)

Таким образом, как уже не раз отмечалось многими – политической доктрине марксизма, присущ, самый крайний доходящий до вульгарности – экономизм. В марксистской доктрине, не только революции, но, и практически все, сколько –нибудь заметные формы политической борьбы, сводятся исключительно к экономическим причинам. Любые другие причины политической борьбы и даже действий при этом отрицаются, напрочь. По этому поводу – Энгельс, в своей известной работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», четко указывал на то, что: «По крайней мере для новейшей истории доказано, что всякая политическая борьба есть классовая, и что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и, ведется за освобождение экономическое». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.1 – с.310.)

Но реальная история человечества, как при жизни Маркса и Энгельса, так и с еще более нарастающей силой после них, в 20, и особенно начале 21 – го века, показывала и продолжает показывать, что большинство политических конфликтов, вплоть до их высшей – вооруженной стадии, происходит либо внутри одного правящего класса, либо между нациями, имеющими одинаковую в классовом отношении правящую политическую элиту.

Эта, отрицаемая марксизмом и его адептами закономерность, особенно хорошо видна на примере войн которые вело человечество в период до конца 18 – го века нашей эры, которые носили в основном религиозный характер, и шли между одинаковыми в классово – экономическом отношении странами. А, начиная с 18 по начало нынешнего 21 – го века, абсолютное большинство войн носили национальный характер. Особенно наглядно, это показали Первая и Вторая Мировые войны.

Разумеется, что при этом, во многих случаях политической борьбы и ее высшей стадии – вооруженных конфликтов, экономические интересы и причины играют достаточно

важную роль, но при этом они, не абсолютны, и так тесно переплетены с совершенно неэкономическими факторами, что их никак нельзя свести и объяснить с помощью марксистской политэкономии.

В связи с тем, что в марксизме главным принципом – критерием для свершения социалистической революции является соответствующий уровень развития производительных сил, вполне логичным является вопрос: по каким, именно конкретным показателям должен определяться этот, необходимый для социалистической революции уровень развития производительных сил при капитализме? Когда именно он, начинает вступать, в эти самые неразрешимые противоречия?

И, в результате постановки подобных вопросов, практически сразу выясняется, что таких научных и объективных критериев работ Маркса и Энгельса, просто нет! Ну не считать же за такие критерии, вот такое, например, весьма путаное рассуждение Маркса: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают, такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов, экспроприируют. Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание, отрицания». (книга «Капитал» - 1 – й том - К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.23 –с.772 – 773.)

Довольно скоро, вопрос об экономических критериях социальной революции, приобрел для марксизма столь скандальный характер, что его создатели, например, в лице Энгельса, сами того, не желая, были вынуждены, в конце концов, пусть и завуалированной форме, но все же начать признавать, это обстоятельство.

Одним из таких публичных примеров, завуалированного признания Энгельсом, фактической несостоятельности марксистской теории социалистической революции, стало написанное им в 1893 году, за два года до своей смерти, предисловия к итальянскому изданию «Манифеста коммунистической партии». В этом предисловии, Энгельс писал о восстании французских рабочих в Париже, в июне 1848 года, следующим образом: «Ни экономическое развитие страны, ни духовное развитие массы французских рабочих, не достигли, тогда еще, того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.22 – с.381.)

И, эти строки, написаны в предисловии, к тому самому «Манифесту коммунистической партии», в котором Маркс и Энгельс, за четыре месяца, до того самого рабочего восстания в Париже, июне 1848 , твердо заявляли, что в таких передовых странах тогдашней Европы, как Англия и Франция есть все предпосылки для успешной социалистической революции.

В связи с таким, просто скандальным несоответствием содержания предисловия и той работы, к которой, оно было написано, при том, что как предисловие, так и сама, эта работа, написаны одним и тем же человеком, с промежутком времени в 45 лет, то есть вполне достаточным для осознания подобного вопиющего конфликта политических смыслов, то, у думающего читателя, неизбежно начинают возникать к данному автору разного рода неллицеприятные вопросы.

Ну, например, если в 1893 году, спустя 45 лет после выхода в свет в феврале 1848 года «Манифеста коммунистической партии», Энгельс, как один из двух его авторов считает, что Европа в 1848 году не созрела для социалистической революции, то тогда столь прославляемое им, спустя 45 лет в предисловии восстание парижских рабочих в июне 1848 года, с точки зрения марксистской теории, является преждевременным и значит с его же политической точки зрения – реакционным и соответственно подлежит всяческому осуждению. Если же, оценки данные в предисловии, правильные, а манифест за прошедшие 45 лет, устарел и изложенные в нем взгляды и принципы являются ошибочными, то следовало бы в этом, в том же предисловии и признаться, чтобы не вводить в самое, что ни на есть историческое и политическое заблуждение своих последователей.

Поскольку, неизбежно, должен возникнуть, вполне обоснованный вопрос – если в 1893 году, с момента написания этого манифеста прошло 45 лет и производительные силы европейских стран, а так же «духовное развитие» европейских рабочих за это время должны были развиваться самым гигантским образом по сравнению с 1848 годом, то где же в Европе, обещанная этим манифестом еще 45 лет назад, социалистическая революции?

И, так, поскольку, в теории научного коммунизма вопрос, о критериях объективной необходимости совершения социалистической революции, является одним из самых основных, а Маркс и Энгельс, как показал исторический процесс еще при их жизни, так и не смогли создать систему объективных, научных показателей для обнаружения наступления времени для совершения социалистической революции, то есть того момента, когда развитие капитализма достигло своего предела и наступило время его уничтожить посредством социалистического переворота, то это означает, только одно, а именно, то, что не только их теория революции, но вся их политическая теория в целом, не имеет права претендовать на научность и тем более иметь императивный (повелительный) характер.

Таким образом, главный порок марксизма, с точки зрения революционного коммунизма, заключается в том, что марксизм фактически утверждает следующий постулат – если капитализм сможет исправиться и преодолеть свои коренные пороки, то истинные приверженцы марксизма должны выдать ему «кредит доверия», и согласиться продлить его существование, до тех пор, пока это самое выданное в кредит доверие не будет, капитализмом, полностью исчерпано.

Именно, это и произошло на западе после 1917 года, когда тогдашние ортодоксальные марксисты сохранившие свои социал – демократические и социалистические партии, этот самый «кредит доверия», своему западному капитализму выдали.

И, западный капитализм, надо признать почти на столетие, а точнее на период около 90 лет, до начала в 2008 году глобального цивилизационного кризиса, этот кредит оправдал. Сначала было отведено обвинение в эксплуатации трудящихся, когда почти одновременно в таких столь в то время различных государствах, как гитлеровская Германия, США в период «Нового курса» Рузвельта и Франция в эпоху «Народного фронта», приступили к созданию так называемого «социального государства», которое, правда из – за Второй Мировой войны, завершилось только к началу 70 – х годов 20 – го века.

Кроме создания «социального государства» в качестве опровержения прежнего марксистского обвинения капитализма в эксплуатации человека, западный капитализм после 1917 года, сумел опять таки до начала 21 – го века успешно опровергать мнение, о своей, в конечном счете, экономической неэффективности и торможении всех видов прогресса, и прежде всего экономического.

В результате всего этого, постоянно предсказываемая Марксом и Энгельсом до последних дней своей жизни социалистическая революция ни в одной из стран Запада так и не произошла.

Часть 2. Социалистическая революция по Марксу и Энгельсу – революция без революционного класса и революционной партии

Помимо, фактического отсутствия в марксизме научного понятия социалистической революции, и прежде всего, объективных критериев уровня развития производительных сил необходимых для ее успешного совершения, в учении Маркса и Энгельса, так же отсутствуют и научные понятия революционного класса и революционной партии социалистической революции.

В результате, даже при элементарном анализе марксистской доктрины бросается в глаза, полное неумение, или возможно, что и нежелание Маркса и Энгельса правильно определить, какие именно социальные группы капиталистической общественно – экономической формации, наиболее заинтересованы в уничтожении капитализма и значит, являются революционными.

Это, как минимум неумение со стороны основоположников марксизма выявить реальные революционные силы внутри капиталистического общества, связано с тем, что марксистское понятие, не только социалистической, но и политической революции вообще, страдает, тем глубоким изъяном, что сразу отсылает к понятию «общественный класс», тогда как в реальной жизни – это понятие, оказалось весьма неопределенным.

Эта, неопределенность данного понятия, связана с тем, что как показал опыт более чем ста последних лет, основанием для отнесения той или иной большой группы людей, к тому или иному общественному классу, является не только их отношение к собственности, но так же и культурно – ценностные ориентации. (С. Г. Кара – Мурза «Экспорт революции» - М.: «Алгоритм», 2005. – с.12 – 13.)

В целом, порочность марксистского определения в качестве революционного класса, исключительно пролетариата, наглядно показала, реальная политическая и революционная практика 20 – го века, в самых разных странах мира.

Продолжая рассмотрение данной темы, необходимо, отметить, что согласно Марксу и Энгельсу, единственно революционным классом в капиталистическом обществе является – пролетариат. Из этого, следует логический вывод, который много раз подчеркивали сами, основоположники марксизма, а именно, что в тех странах, где пролетариат составляет меньшинство населения – социалистических революций, не только быть не может, но, и быть, не должно, поскольку это будет, насквозь реакционно.

Однако, реальные социалистические революции 20 – го века, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года в России, последующей Кубинской

1959 года и завершившими этот процесс в 20 веке, революциями в Индокитае 1975 года, оказались в полном противоречии с теорией социалистической революции Маркса и Энгельса. Правда, ради полной точности можно добавить, что, все же одна социалистическая революция прошла строго по Марксу и Энгельсу – это социалистический переворот в Чехословакии в феврале 1948 года. Но, с учетом, тех очень уж специфических исторических условий, в которых проходила эта революция, перед нами, как раз тот случай, когда, данное исключение, служит подтверждением реального общего правила.

Отсутствие, подлинной научности в марксистской теории социалистической революции, наглядно показывает, так же и тот факт, что Маркс и Энгельс, считая и постоянно обосновывая роль пролетариата, в качестве единственного класса, способного к свершению социалистической революции, практически ничего внятного не сказали, о том, какая именно политическая революционная партия и какого типа, должна быть создана, чтобы возглавить пролетариат для проведения социалистической революции, и какой должна быть та пролетарская власть, пролетарское государство, которое возникнет в результате социалистической революции и должно будет начать строительство социализма.

Если говорить, более определенно, по данному поводу, то в марксистской теории, как в разделе, касающемся собственно социалистической революции, так и в плане, последующего создания социалистического строя – полностью отсутствует такое важнейшее понятие, как «диктатура пролетариата».

Если, говорить совсем уж точно, то понятие «диктатуры пролетариата», в марксизме не просто отсутствует, оно марксизмом, по сути, прямо отрицается. Так, в разработанном Марксом, основополагающих документах Первого Интернационала, таких как «Учредительный Манифест» и во Введении к «Временному Уставу», сам принцип диктатуры пролетариата, очень четко отрицается: «Борьба за освобождение рабочего класса, означает не борьбу, за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности, и уничтожение всякого классового господства». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.16 – с.9.)

Аналогичным, то есть фактически контрреволюционным образом Маркс и Энгельс, подошли, и к вопросу, о создании революционной политической партии, которая бы возглавила революционный класс для свершения им социалистической революции. По, их взглядам проектируемая ими партия рабочего класса должна быть легальной и ее политическая деятельность должны была бы носить максимально открытый, и что самое для по их мнению, главное – исключительно мирный характер.

На протяжении, всей своей научной и общественно – политической деятельности, Маркс и Энгельс, во всех своих работах, выступали категорически против создания подпольных революционных партий, ведущих вооруженную борьбу за власть.

В связи с этой своей политической позицией, Маркс и Энгельс, на протяжении всей своей общественно - политической и научной жизни, постоянно выступали, с яростными нападками, на деятельность, известного в тогдашней Европе, французского пролетарского революционера Луи Огюста Бланки, который, в период 30 – 40 – х годов 19 – го века, несколько раз создавал очень влиятельные подпольные революционные рабочие организации, посредством, которых, он затем организовал, целый ряд мощных рабочих

восстаний, направленных на свержения правившего тогда во Франции, режима короля Луи Филиппа, являвшегося откровенным ставленником европейских и французских банкиров.

В общем, если один из отцов европейского анархизма Прудон, проявлял явную контрреволюционность, под различными предлогами открыто выступая, против участия рабочих в политической борьбе, то Маркс и Энгельс, столь же последовательно и энергично, выступали против участия рабочих в насильственной политической борьбе.

Часть 3. Революционные классы в реальной истории различных общественно – экономических формаций, а не в доктринерских фантазиях Маркса и Энгельса

Вопрос о революционном классе и подлинной движущей силы любой политической революции, сейчас, в начале 21 века стал, как никогда актуальным. Но, к сожалению, данный вопрос, как, здесь уже, неоднократно отмечалось, к настоящему времени донельзя запутан либо марксизмом, либо его остатками в сознании и идеологии большинства коммунистов.

Согласно марксизму, и его схеме периодизации общественного развития – революционная борьба внутри классовых общественно – экономических формаций, всегда происходит между четко выраженными антагонистическими классами, противостоящими друг другу, прежде всего по экономическим причинам. Например, при феодализме борьба идет между различными группами класса феодалов, с одной стороны и крестьянством, вместе с нарождающейся в городах буржуазией, с другой. Соответственно, что при капитализме, классовая борьба происходит между буржуазией и пролетариатом.

Однако, самый элементарный анализ классовой борьбы, не в абстрактно – теоретических, а, во - вполне реальных революциях происходивших за последние пятьсот лет в Европе и России, начиная с «Крестьянской войны» в Германии в начале 16 века, очень четко показывает, что политическая борьба в классовом обществе ведётся не между, четко выраженными классами, а между господствующими политически и экономически, различными элитными слоями, того или иного общества, с одной стороны а с другой стороны с этими слоями правящей элиты, ведет борьбу за власть, не какой – то четко выраженный эксплуатируемый на данный момент класс или классы, а деклассированная (она же маргинальная или разночинная, если по - русски) общественная прослойка, состоящая из числа выходцев из различных угнетённых классов, к которым присоединяются по различным причинам отдельные представители или небольшие группы представителей из числа господствующего класса (классов).

Например, уже упоминавшаяся здесь, так называемая «Крестьянская война» в Германии в первой четверти 16 века, по своему реальному классовому составу, не являлась по сути крестьянской. В этой, первой буржуазной революции против крупных феодалов, а так же и некоторых слоев крупной буржуазии, кроме крестьян участвовало большое количество мелкой городской буржуазии (бюргеры), и отчасти средней городской буржуазии, а так же и значительное количество мелкого дворянства из числа, обнищавшего рыцарства. Именно это деклассированное сообщество было руководящей и движущей силой в так называемой Крестьянской войне в Германии. А сами крестьяне в лучшем случае военно-политической массовкой.

В Английской Революции 17 века противоборствующие силы были так же весьма, деклассированными. Среди сторонников королевской власти, помимо крупной и средней земельной аристократии было, так же много крупной буржуазии, а среди революционеров кроме буржуазии и зажиточного крестьянства присутствовала значительная часть дворянства.

В крестьянских войнах (революциях) в России 17-18 веков основной иницирующей, организующей и движущей силой, являлась такая разночинная (маргинальная) общественная прослойка, как казачество. Казаки, сочетали в себе черты, как крестьянства, будучи в большинстве выходцами из него, и занимаясь частично земледелием и ремеслами, так же несли в себе, и, очень заметные, черты профессионального воинского сословия, напоминая этим дворян. Именно казаки были зачинщиками всех гражданских войн в России. 17 – 18 веков втягивая в них затем крестьянство и зарождавшийся промышленный пролетариат (уральские рабочие во время крестьянской войны Пугачева 1774 -1 775 годов).

Именно, поэтому, в силу своей деклассированности в сочетании со знанием военного дела, казаки, в период 17 – 18 веков, организовали и возглавили несколько крестьянских и одну чисто казачью войну (восстание Булавина) против царизма.

Все крестьянские войны в России, начинались, как чисто казачьи восстания и только затем в них втягивалось крестьянство, а во время казачьего восстания Пугачева, так же и сформировавшийся к тому времени промышленный пролетариат, в лице рабочих, тогдашних уральских заводов.

Французская Революция 1789 года началась тогда, когда политические требования буржуазии («третьего сословия») поддержали в «Генеральных штатах» (тогдашнем французском парламенте) значительная часть депутатов от дворянства и даже аристократии, а так же духовенства (соответственно «первого» и «второго» сословий).

В России, в Великой Октябрьской социалистической революции роль революционного маргинального разночинного класса сыграли, тогдашние вооруженные силы, в лице солдат и матросов, а так же значительная часть рабочих – недавних на тот момент, выходцев из числа крестьян и городской мелкой буржуазии.

Возглавляла этот общественный маргинальный революционный класс - партия большевиков, которая на тот момент так же имела, крайне маргинальный характер, объединяя в своих рядах почти весь срез тогдашних классов и общественных прослоек: все группы дворянства (за исключением титульной аристократии), духовенства (семинаристы), чиновничества, интеллигенции, средней и мелкой буржуазии, рабочих крестьян. Причем выходцев из рабочих среди большевиков было меньше половины.

Вот, что по этому поводу писал известный английский историк, и, прежде всего специалист по политической истории первой половины 20 века А.Тойнби: «Пролетарий это скорее состояние души, чем нечто обусловленное внешними обстоятельствами. Истинными праздниками пролетария является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворённости, подогреваемое отсутствием законно унаследованного места в обществе и отторжения от своей общины» (С.Кара-Мурза «Советская цивилизация» - М.: «Алгоритм», 2002. – с. 43 – 44).

Германский историк Э.Вольф об этом писал следующее: «Революционная активность является результатом не столько роста промышленного пролетариата, как такового, а расширением промышленной рабочей силы сохраняющей связи с деревенской жизнью» (С.Кара-Мурза «Советская цивилизация»... – с. 59.)

Творивший, в третьей четверти 19 – го века, русский революционный мыслитель Д. И. Писарев называл данный слой политически неудовлетворенных маргиналов – «Критически мыслящие личности», и считал их главной силой будущей русской революции.

Современный революционный политик, лидер Национал - большевистской партии Эдуард Лимонов по этому поводу отличает следующее: «Революционных классов не бывает. Революционерами являются или не являются личности. Наиболее революционным типом является маргинал – странный неустроенный человек, живущий на краю общества. Не следует думать, что таких немного. Их достаточно для революционной партии. Это целый социальный слой. (Э.Лимонов «Другая Россия» - М, 2004 – с.101 – 102.)

Таким образом, по мнению многих, владеющих данной темой экспертов - революционный класс состоит из разночинцев (маргиналов), так называемых «критически мыслящих личностей или по современной терминологии - «хомокреативус» (в переводе с латыни «люди творческие»).

Историческим подтверждением этого факта, является, то, что, как минимум с 50 – х годов 20 – го века, в развитых странах, а в некоторых наиболее развитых из них, даже раньше, у рабочих появляется значительное количество движимого и недвижимого имущества (земельные дачные участки, квартиры, автомобили), в результате чего, им, в отличие от пролетариата 19 – го века, становится есть что терять. Из-за этого современный рабочий класс развитых стран боится участвовать в революционной политической борьбе, и, тем более, насильственной. Впрочем, аналогичная ситуация, всегда складывается подобным образом, и с другими устойчивыми угнетёнными классами любого общества.

Даже, писавшие в русле официальной марксистской идеологии авторы изданного в основой для рабочего класса является только экономическая борьба: «Экономическая борьба – это борьба за профессиональные интересы, повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, улучшения условий труда и так далее. В этой борьбе выросли профессиональные союзы, объединяющие трудящиеся массы и защищающие их интересы». («Философский энциклопедический словарь» - М.: «Советская энциклопедия», 1983. – с.258).

Таким образом, в этом фундаментальном и советском академическом издании, вполне официально признавался тот факт, что потомственный, исторически сложившийся и устоявшийся рабочий класс, интересуется, прежде всего, экономической, а отнюдь не политической борьбой. И именно для этой своей борьбы, для защиты своих подлинных, а не вымышленных Марксом и Энгельсом интересов, он и создаёт именно профсоюзы, а не политические партии.

Поэтому, социалистическая революция, первой в мире произошла именно в России, только потому, что: «Рабочий класс России, не пойдя через горнило протестантской

реформации и длительного раскрестьянивания, не приобрёл мироощущения класса утративших корни индивидуалов, торгующих на рынке своей рабочей силой. В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами. В 1905 году половина русских рабочих имела в деревне землю и возвращалась туда на период уборки урожая. Многие рабочие, живя в городах, имели семьи в деревне. В городе они ощущали себя на временных заработках (С.Кара-Мурза «Советская цивилизация»... - с. 84).

Далее С.Кара-Мурза отмечает, что в период 1903 – 1917 годов большинство потомственных русских рабочих («истинных пролетариев») были противниками большевиков и составляли оплот меньшевиков. (С.Кара-Мурза... – с.85).

Подтверждением данного утверждения С. Г. Кара – Мурзы является, к примеру, политическая история город Севастополя периода 1903 – 1917 годов. Здесь на единственном тогда крупном промышленном предприятии Севастопольском морском заводе трудилось пять тысяч рабочих. Подавляющее большинство из них составили потомственные пролетарии в третьем поколении. В результате в период с 1903 по 1917 год в Севастополе отсутствовала городская большевистская организация. Единственным тогдашним социал-демократическим движением в городе были меньшевики. Большевистская организация появилась в Севастополе, только после свержения царизма, в апреле 1917 года и состояла в основном из солдат и матросов.

По поводу разночинного характера русской армии и флота времен Первой мировой войны, сделавших их оплотом большевизма и главной движущей силой Великой Октябрьской социалистической революции, С.Кара-Мурза отмечает следующее: «В начале 1917 года русская армия 11 миллионов человек, из них 60 – 66% - крестьяне, 16 – 20% рабочие (в том числе 3,6 – 6% промышленные рабочие), 15% средние городские слои. Армия стала небывалым форумом социального общения, в июне 1917 года делегаты I Съезда Советов представляли 8,5 миллионов солдат и матросов, 5,1 млн. рабочих и 4,5 млн. крестьян. Военнослужащие составляли половины членов партии социал-революционеров (эсеров), 30% большевиков, и 20% меньшевиков». (С.Кара-Мурза «Советская цивилизация»... - с 110. – 111.)

Подводя итог всему здесь ранее изложенному, можно отметить, то, что исторический опыт последних нескольких столетий ясно показал, что четко выраженные общественные классы при любой общественно – экономической формации, не являются революционными, даже если они подвергаются систематической и интенсивной . эксплуатации. В целом само понятие класса в философском смысле показывает, что общественные классы являлись устоявшимися структурами, всегда консервативны и неревolutionонны.

Вот определение класса из «Философского энциклопедического словаря» - М.: «Советская энциклопедия», 1983 – с.256 – 257: «Классы как философское понятие от латинского «классис» - разряд, группа. Означает совокупность предметов или явлений удовлетворяющих какому-либо условию (условиям), свойству (свойствам), признаку (признакам). В связи с каждым свойством или признаком можно выделять класс предметов или обладающих».

Таким образом общественные классы – это устоявшиеся общественные группы, структурированные в определённом типе общества. Устоявшиеся, потому что обладают

целым комплексом характерных признаков. А устоявшийся стабильный класс, являющийся устойчивой частью целого, никогда не уничтожает этого целого.

Аналогичные выводы можно сделать и из ленинского определения классов: «Классы – это большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно - по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». (В.И. Ленин ПСС – с.15)

Из этого ленинского определения следует, что сами по себе, даже, очень угнетённые классы могут вести только экономическую борьбу за увеличение приходящейся на них доли общественного богатства.

Что касается марксистской путаницы, а точнее искажения подлинной характеристики движущих сил революции, то это объясняется тем, что по сути своего происхождения марксизм является левым либерализмом, то есть по существу, левобуржуазной идеологией.

Вот, что по этому поводу писал Алексей Лапшин в газете «Лимонка»: «Вопреки мнению ортодоксальных либералов 19 века политические и экономические свободы не дополняли друг друга, а находились в постоянном противоречии. Чем больше преуспевала буржуазия, тем сильнее она склонялась к консерватизму. Не удивительно, что в либеральной идеологии появилось «левое» и «правое» направление. «Левые» либералы становились сторонниками экономического равенства и сближались с социалистами. «Правые» либералы всё больше сближались с консерваторами». (Александр Лапшин «Традиции и либерализм» - газета «Лимонка» - №297-2006-с.3).

Глава V Формирование основ марксистской доктрины по заказу европейских банкиров, как главная причина контрреволюционности марксизма

В связи, с продолжавшимся в 30 – 40 – е годы 19 – го века ростом политической активности европейского рабочего класса, и особенно той весомой роли, которую он сыграл в Европейской революции 1848 – 1849 годов, евробанкиры решили, что наряду с псевдорадикальной, но при этом классово неопределённой идеологией анархизма, для установления действенного контроля над рабочим движением европейских стран. Необходимо создать новую леволиберальную идеологию специально предназначенную для европейского рабочего класса.

Такой новой леволиберальной идеологией для рабочего класса, после достаточно длительных поисков было избрано, возникшее накануне Европейской революции 1848 – 1849 годов учение марксизма.

Первоначально, марксизм, начавший оформляться во второй половине 40 – х годов 19 – го века, усилиями сначала Маркса, а затем присоединившегося к нему вскоре Энгельса, и заявивший о своем рождении в конце февраля 1848 года, ставшим впоследствии знаменитым «Манифестом Коммунистической партии», евробанкиров, как – то совсем не заинтересовал, Ну, а если точнее, то, скорее всего они его тогда попросту не заметили. Однако, затем, во второй половине 50 – х годов 19 – го века, данная ситуация начала заметно и достаточно быстро меняться.

О связях, Маркса, с евробанкирами, а точнее их представителями, которые установились, по целому ряду признаков, где – то начиная с 1853 года, свидетельствуют, как очень многие детали в его биографии, так и содержание созданной им в это время политической экономии (1-й том «Капитала») и его версия исторического материализма.

Кроме, того, эта связь Маркса с евробанкирами, определялась и нарастанием, с течением времени общей нереволуционности, этого его, совместно с Энгельсом учения.

Правда, в отличии от утопических социалистов и Прудона, эта, мягко говоря нереволуционность марксизма, была очень тщательно замаскирована. Если например Прудон, прямо призывал рабочих никоим образом не участвовать в политической борьбе, то Маркс и Энгельс за участие рабочих в политической борьбе очень даже выступали, но при этом, под самыми различными предложениями требовали, во – первых, чтобы эта борьба был невооруженной, а во – вторых, так же прямо и категорически запрещали рабочим создавать тайные организации, всячески поливая в связи с этим грязью такого тогдашнего радикального европейского коммуниста, как Луи Огюст Бланки.

Обстоятельства превращения Маркса в еще одну политическую и научную марионетку европейского финансового капитала, выглядели следующим образом. После своей эмиграции из Германии в Англию, в следствии, поражения Европейской революции 1848 – 1849 годов, Маркс, поселился в Лондоне вместе с семьей. В течении пяти следующих лет, он жил там фактически на грани нищеты. Практически единственным источником его существования в это время, были те небольшие денежные суммы, которые ему более – менее регулярно посылал Энгельс из Манчестера, который был там директором и совладельцем сравнительно небольшой текстильной фабрики.

Но, «вдруг», начиная с 1854 года, материальное положение Маркса начинает заметно улучшаться, причем без какой – то внятной мотивации. Он, «вдруг» получает заказы на написание статей и обзоров для целого ряда европейских и североамериканских солидных газет, и, прежде всего для созданного в 1855 году известным международным авантюристом и английским шпионом Дэвидом Урквартом издания «Свободная пресса» (англ. Free Press; в 1866 году переименовано в «Дипломатический обзор» — англ. Diplomatic Review), с соответствующей высокой оплатой, сначала о событиях Крымской войны, а, в дальнейшем с 1860 по 1865 год - Гражданской войны в США, которая проходила за много – много тысяч километров, от его тогдашнего места жительства. Затем начинается появление, каких – то очень непонятных наследств, и так далее, и тому подобное.

Одновременно, с этим мало объяснимым, но весьма ощутимым улучшением материального положения Маркса, в это же самое время начинается, опять – таки «вдруг» и бурный рост его общественной и политической известности. Первым, наиболее ярким примером этого процесса начала европейской, а вскоре и мировой известности Маркса стала его роль в руководстве знаменитым Первым Интернационалом, в процессе подготовки создания, которого, он не принимал, ни малейшего участия.

Этот факт, кстати была вынуждена, пусть глухо, но признавать и официальная советская историография, в лице коллектива авторов, самого фундаментального труда по данному вопросу – коллективной монографии «Первый Интернационал» - М.: «Мысль», 1964. – часть 1.

В этой монографии – часть 1 – с. 52 – 61, среди прочего, прямо говорится, о том, что вся подготовка к созданию I Интернационала, которая длилась более года, с 22 июля 1863 по 28 сентября 1864, когда в Лондоне открылось Учредительное собрание по созданию данной международной организации. Его подготовка проходила без какого – либо участия Маркса и Энгельса, а о своем избрании делегатом этого Учредительного собрания Маркс неожиданно для себя узнал всего за несколько часов до его открытия.

Далее без ведома Маркса и в его отсутствие, в ходе завершающего этапа Учредительного собрания, его избирают членом созданного на Учредительном собрании, руководящего органа Первого Интернационала – Генерального Совета.

Об этом своем избрании сам Маркс узнает, только спустя две недели, хотя он жил там же в Лондоне, где проходило – это Учредительное собрание. А, вскоре после того, как Маркс узнает об этом своем неожиданном членстве в руководящем органе данной международной организации, его избирают руководителем этого самого Генерального Совета, то есть вождем всего I Интернационала.

В дальнейшем, на протяжении почти 12 лет, когда Маркс возглавлял первый Интернационал, вплоть до его самороспуска в 1876 году, текущая деятельность этой организации требовала достаточно больших денежных средств, которых ни у Маркса, ни у других членов Генерального Совета, просто не было.

Но более подробно тема связи европейских банкиров, I Интернационала и Карла Маркса будет раскрыта, несколько позже в одной из глав, в качестве отдельной темы.

Помимо, деятельности Первого Интернационала, очень больших денег потребовало и первое издание 1 – го тома «Капитала», в 1867 году. Поскольку, эта, весьма объемная книга, была впервые издана, просто необыкновенно гигантским по тем временам тиражом (10 тысяч экземпляров) для подобного рода узкоспециальной научной литературы. И этот гигантский тираж издания требовал столь же гигантских денежных затрат.

А, с учетом того, что данная книга была сугубо научной и к тому же написанной автором доселе практически неизвестным в академических, и тем, более издательских кругах, то издаваться она должна была только либо за его собственный счет, либо за счет, каких – либо спонсоров. Вот, и возникает, в связи с этим вопрос о происхождении тех весьма значительных средств, на которые был издан первый раз 1 – й том «Капитала». Вопрос, который до сих пор, так и не раскрыт, ни в одном, из опубликованных источников.

Глава VI Как европейские банкиры создавали Первый Интернационал, а затем сделали Карла Маркса его лидером

Как уже отмечалось, в этой книге, во второй четверти 19 – го века в двух наиболее развитых странах тогдашней Европы, а именно Великобритании и Франции, начался выход на арену политической борьбы тогдашнего рабочего класса.

И, если в Англии, этот процесс происходил в виде мирного политического движения чартистов и бурного роста профсоюзов, то, во Франции, он принял, гораздо более радикальный характер, когда французские рабочие приняли активное участие и сыграли очень заметную роль в буржуазных революциях 1830 и 1848 года.

Кроме того, в отличие от Англии, политическая самоорганизация рабочего класса Франции, проходила, гораздо более радикально, и, в виде подпольных революционных обществ, наиболее известным из которых стала тайная рабочая организация, возглавляемая Луи Огюстом Бланки.

При этом самым главным было - организация этими обществами, и прежде всего бланкистами, целого ряда мощных рабочих восстаний: в ноябре - декабре 1831 в Лионе, когда город на десять дней оказался в руках восставших рабочих; восстание 5 июня 1832 в Париже, повторные рабочие восстания в Лионе 9 -12 апреля 1834, и в Париже 13 - 14 апреля 1834 года, попытка рабочей революции в Париже в июне 1848, а так же очень заметная роль французских рабочих в буржуазных революциях 1830 и 1848 годов.

Все эти очень громкие политические события, заставили тогдашних европейских банкиров, обратить самое пристальное внимание на растущую политическую активность и возможности европейского, и прежде всего французского пролетариата, и как следствие, принять меры по установлению над ним эффективного идеологического и политического контроля.

Как в этой книге, так же было уже отмечено, первой попыткой установления подобного идейно – политического контроля со стороны европейских банкиров над рабочим классом Франции, а в перспективе и всей Европы, стало создание Прудоном идеологии анархизма, ключевым положением которой был тезис о неучастии рабочих в политической борьбе.

Однако, данный тезис очень быстро вступил в настолько вопиющее противоречие, с окружавшей тогдашних рабочих действительностью, что он практически никак, не смог воспрепятствовать самому активному участию рабочих самых разных западноевропейских стран, и прежде всего Франции и Германии в событиях Европейской революции 1848 – 1849 годов.

В связи с этим, в первое десятилетие после завершения этой Европейской революции, в течении 50 – х годов 19 – го века, евробанкиры, и их высокопоставленная идеологическая и философская обслуга, напряженно искали возможных создателей новой идеологии и философии, которые позволили бы им установить эффективный идейно – политический контроль на рабочими классом Европы, Северной Америки, а затем и в остальных регионах, тогдашнего мира, по мере его появления, в ходе продолжающегося развития там капиталистических отношений в экономике.

Удивительно, только то, что подобные поиски, заняли, тогда, столь длительное время. Ведь личности Маркса и Энгельса, а так же их работы в данной сфере, хотя, и не имели в те годы столь большой известности, которую им стали приписывать их адепты после выхода в свет 1 – го тома «Капитала», но все же были достаточно широко известны, хотя бы, что называется «в узких кругах».

В кругах же идейно – политической и философской обслуги, тогдашних европейских банкиров, на личность и работы Маркса обратили самое серьезное внимание, только к 1859 году, когда Маркс в период 1857 – 1858 годов, написал и издал, свой очередной труд – книгу «К критике политической экономии», которая представляла собой по – сути первоначальный вариант, будущего 1 – го тома «Капитала».

Эта книга, как и выросший затем из нее 1 – й том «Капитала», сознательно или бессознательно искажала, подлинную основную суть реального капитализма, выдвигая на первый план, в качестве собственно капитализма – только и практически исключительно промышленный капитал, с его прибавочной стоимостью, а так же, отчасти и земельный капитал, с его, так называемой земельной рентой.

При этом, Марксом, тщательно маскировалась, действительная основа любого капитализма, в любой исторический период, а именно первоначальный денежный, а в дальнейшем финансовый капитал, с его ссудным процентом.

Именно, сначала торгово – денежный, затем денежно – ростовщический, потом банковский, а, с конца 19 – го века нашей эры – финансовый капитал, получающий прибыль путем, прежде всего кредитной эксплуатации остальных видов капитала, и всего общества, в целом, и является первоосновой капитализма, его сутью. Ведь без денежного обращения капитализма, просто не существует.

В связи, со всем этим, в качестве примера этой данной марксисткой фальсификации подлинной сути капитализма, можно привести цитату, из подготовленного Марксом «Учредительного Манифеста» Первого Интернационала, в котором он указывал, что главными врагами рабочего класса являются именно промышленный и земельный капитал: «Магнаты земли и магнаты капитала, всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечивания своих экономических монополий». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.16 – с.10.)

При этом, почему – то, во всех своих работах написанных начиная с 1857 года Маркс и Энгельс старались, как можно реже упоминать про магнатов банков и фондовых бирж, а если упоминать об этом все же приходилось, то, они старались, это делать в максимально краткой, и как можно более общей форме.

Скрывая роль денежного, затем банковского и финансового капитала в качестве основы любой стадии капитализма, Маркс пошли на беспрецедентную до той поры, фальсификацию истории человечества.

Первой из этих фальсификаций, стало выделение региональных средиземноморских рабовладельческих цивилизаций, периода античности, лице Карфагена, Рима и Греции, в некую отдельную, исторически закономерную в своем появлении и универсальную для большинства человечества общественно - экономическую формацию.

Второй, столь же грандиозной исторической фальсификацией Маркса и Энгельса, стало выдумывание, в качестве отдельной формации, так называемого «феодализма». Тогда, как на самом деле – феодализм не был формацией, а представлял собой состояние комплексного цивилизационного упадка, в общих чертах одинакового для любой формации и цивилизации, как это показала история упадка и гибели различных цивилизаций на протяжении всего периода человеческой истории, в том числе и для различных высокоразвитых на тот момент цивилизаций задолго до Древней Греции и Рима.

Самым современным, и к счастью, пока сугубо локальными примерами подобного краха цивилизации, когда результаты этого краха имеют конкретный набор общих характеристик, являются сепаратистский мятеж коренного населения Чечено – Ингушской

Автономной Советской Социалистической Республики в сентябре 1991 года и распад восточноафриканского государства Демократическая республика Сомали в 1992 году.

После этих событий на данных территориях, оказавшихся в состоянии острого и стремительного цивилизационного краха, появился полный набор признаков классического феодализма, вплоть до состояния феодальной раздробленности, которое имеет место быть на территории бывшей Сомали и в настоящее время, на момент написания этих строк (22 марта 2012 года).

Все эти услуги, оказанные Марксом, сначала в одиночку на рубеже 50 – 60 – х годов 19 – го века, а затем, в последующие десятилетия, в компании с Энгельсом, привели к включению его, а затем довольно быстро и Энгельса в ряды идейно – философской и политической obsługi европейского финансового капитала.

Первой публичной демонстрацией признания заслуг Маркса со стороны евробанкиров, стал процесс его превращения в публичного философа и политика, в виде выдвижения его на роль руководителя Первого Рабочего Интернационала, к созданию которого он до этого не имел абсолютно никакого отношения.

Говоря, о создании и последующей деятельности Первого Интернационала и роли в этих событиях Маркса и Энгельса, необходимо отметить, что за исключением знаменитого лозунга «Пролетарии, всех стран соединяйтесь!», выдвинутого со страниц, впервые опубликованного в конце февраля 1848 года – «Манифеста Коммунистической партии», в дальнейшем, какая – либо, внятно сформулированная идея создания международной рабочей политической организации, ни Марксом, ни Энгельсом, вплоть до появления на свет Первого Интернационала – не выдвигалась.

Так же, можно отметить, что после завершившейся поражением в 1849 году Европейской революции, в период 50 – 60 – х годов 19 – го века, рабочее движение в европейских странах развивалось, без какого – либо заметного личного участия или хотя бы идейно – теоретического влияния Маркса и Энгельса.

Впервые идея создания международной рабочей организации, прозвучала, отнюдь не в работах Маркса или Энгельса, а в опубликованном в 1838 году воззвании к рабочим европейских стран о необходимости единых действий, подготовленном, первой чартистской организации Великобритании - «Лондонская ассоциация рабочих». В этом воззвании в частности говорилось, следующее: «Мы видим, что наши угнетатели объединились. Так, почему бы и нам, не иметь своего братского союза, своего «Священного союза»?». (Г. Шлютер Чартистское движение – М., 1925. – с.232.)

Спустя пять лет, в 1843 году, гораздо более конкретную программу создания международной рабочей организации предложила известная в то время французская социалистка Флора Тристан (1803—1844), посвятившая обоснованию данного проекта свою книгу, которая так и называлась «Рабочий союз». В этой книге, она призывала рабочих Европы, Северной Америки, а в дальнейшем и всего мира, к объединению в рядах международной рабочей организации «Всемирный рабочий союз», который бы затем начал проводить социалистические преобразования в тех странах, которые бы он охватывал своим влиянием.

Советская историография рабочего движения очень не любило эту книгу и еще больше не любило вспоминать о ней, поскольку она разрушала миф о Марксе и Энгельсе, в качестве главных объединителей рабочих Европы. Практически единственное, и при этом более чем краткое упоминание о ней в советской историографии имеется только в книге «Первый Интернационал» - М.: «Мысль», 1964. – с.34.

После выхода в свет книги Флоры Тристан «Рабочий Союз», получившей достаточно большую популярность в то время, идея создания международной рабочей организации постепенно набирало сторонников. И, наконец, в 1855 году, несколько организаций чартистов и находившихся в Лондоне европейских политических эмигрантов, создали некий «Международный комитет», который спустя год был переименован в «Международную ассамблею» и под этим названием просуществовал до 1859 года.

Рассматривая деятельность «Международного комитета», затем возникшей на его базе «Международной ассамблеи», в качестве прообраза и предшественника Первого Рабочего Интернационала, можно сразу заметить, тот, весьма любопытный факт, что живший на тот момент в Лондоне – Маркс, не только был хорошо осведомлен о деятельности этой организации, но и неоднократно получал от ее руководителей предложение вступить в ее ряды. Однако, Маркс не только отклонял подобные предложения, но и в крайне резкой форме осуждал за ее создание, хорошо знакомого ему лидера левого крыла чартистов Эрнеста Джонса, с которым он до этого, одно время вместе состоял в «Союзе коммунистов». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.28 – с.364, «Первый Интернационал»... с.36 – 37.)

После распада и прекращения в 1859 году деятельности «Международной ассамблеи», следующим этапом попыток со стороны идейно – философской и политической обслуги европейских банкиров, создать международную рабочую организацию, стала Всемирная промышленная выставка в Лондоне 1863 года.

На эту выставку, кроме делегаций владельцев промышленных предприятий, инженеров, ученых, так же впервые, за всю, ее тогдашнюю историю, прибыли делегации рабочих из ряда крупных европейских стран и США. Причем, эту поездку на выставку им оплатили различные европейские финансовые структуры, даже без обычного в подобных случаях прикрытия в лице различных благотворительных организаций.

В ходе, своего участие в работе этой выставки, рабочие делегации стран Европы и США, наладили связи между собой, а так же с английскими профсоюзами и чартистскими организациями, что как вскоре выяснилось и было частью плана европейских банкиров по созданию в дальнейшем Первого Рабочего Интернационала

Несмотря, на столь энергичный толчок, как совместное участие в работе Всемирной промышленной выставки, самостоятельные дела у европейских пролетариев, шли что – то совсем уж вяло. Только, примерно год спустя - 23 июля 1863 в Лондоне, на следующий день после международного рабочего митинга в поддержку антирусского восстания в Польше, лондонский совет тред – юнионов (профсоюзов), который этот самый митинг и устраивал, организовал встречу, принимавших участие в этом митинге французских и английских рабочих делегаций. На этой встрече была достигнута договоренность о необходимости создания новой международной рабочей организации, а с целью воплощения этой договоренности в жизнь был создан «Подготовительный комитет».

В этот самый «Подготовительный комитет», Маркс и Энгельс, не вошли, да их на этот раз никто туда и не приглашал, что скрепя сердце была вынуждена признавать и советская историография данного вопроса. («Первый интернационал»... - с.52 – 53.)

Только спустя три месяца после своего создания «Подготовительный комитет», наконец подготовил текст обращения обращение английских профсоюзов к французским рабочим, под названием «Рабочим Франции, от рабочих Англии». Еще почти месяц понадобился на утверждения этого текста руководством английских профсоюзов, и, наконец 10 ноября 1863 года, он был отправлен во Францию.

В этом обращении, которое по своему политическому содержанию было крайне невразумительным и уж точно что совсем не революционным, английские рабочие призывали своих французских братьев по классу, к объединению, с целью активизации деятельности по «ликвидации деспотизма», и последующему установлению, совсем уж абстрактной «власти честных и разумных людей, которые смогут диктовать законы, сохраняющие права большинства, а не привилегии меньшинства».

В отличие от политической составляющей, в сфере экономических требований, послание английских пролетариев было куда как более конкретным. Они считали, что создание международной рабочей организации поможет успешно добиваться увеличения заработной платы, а так же, будет, мешать промышленным капиталистам, ухудшать условия труда и срывать забастовки, путем ввоза рабочей силы из других стран. (Основание Первого Интернационала – М., 1934. – с.8-12.)

Ответное послание «Рабочие Франции своим английским братьям», было подготовлено и отправлено спустя полгода, в мае 1864, одной из французских рабочих анархистских организаций, созданной в свое время при участии небезызвестного Прудона. Это послание привез из Франции в Англию, французский журналист Лефор, являвшийся посредником между созданными Прудоном во Франции рабочими организациями и структурами, находившимися в Лондоне, и готовившими создание Первого Интернационала. (Основание Первого Интернационала... - с. 12 – 15.)

Подобная неторопливость европейских пролетариев предпочитавших вместо конкретной работы по созданию своей международной организации обмениваться пафосными посланиями, начала к концу 1863 года очень сильно раздражать евробанкиров, которым по каким – то тогда только им самим ведомым причинам требовалось данный процесс ускорить. И для ускорения этого процесса они решили ввести в игру кое – кого из своих так сказать эффективных политических менеджеров.

В связи с этим стремлением, в декабре 1863 года, в Лондоне, под руководством очень известного в то время среди английской аристократии филантропа – маркиза Таунсенда, была стремительно создана новая рабочая организация «Всемирная Лига благоденствия трудящихся классов». («Первый Интернационал»... - с.40.)

После того, как под влиянием этой организации работа английских профсоюзов по созданию будущего Первого Интернационала заметно активизировалась, эта Лига, после своего недолгого семимесячного существования, перед самым созданием Первого Интернационала, тихо и незаметно исчезла, дабы не вызывать слишком уж недоуменных вопросов, на тему, что это мол, за такой Рабочий Интернационал, который создал английский маркиз?

Ну, а для лучшей маскировки организаторских талантов маркиза Таунсенда по созданию Первого Рабочего Интернационала, к этому процессу в мае 1864, европейские банкиры подключили организации итальянских и польских политических эмигрантов. (Основание Первого Интернационала... - с.12 – 15, «Архив Маркса и Энгельса» - М., 1924. – книга 1 – с.105 – 188.)

Наконец, после всей этой долголетней эпопеи, 28 сентября 1864 года, в центре Лондона, недалеко от Трафальгарской площади, в малом зале весьма respectable дома собраний и концертов «Сент – Мартинс холл», открылось Учредительное собрание для создания Первого Рабочего Интернационала, под председательством профессора Бизли, того самого, который сочинял . уже упоминавшееся здесь послание «Рабочим Франции от рабочих Англии» и затем переводил его на французский язык.

Что касается Маркса, который как здесь уже подробно описывалось, не принимал ни малейшего участия в подготовке этого Учредительного собрания, он неожиданно для себя, с большим удивлением, узнал о том, что является членом присутствующей на нем немецкой делегации. Узнал он это из письма, полученного им за несколько часов, до открытия, этого самого Учредительного собрания. Причем вся немецкая делегация на этом собрании состояла из двух человек: Эккариуса и самого Маркса. В ходе работы Учредительного собрания, на нем, от имени немецких рабочих несколько раз выступал Эккариус, а Маркс не выступил ни разу. (Основание Первого Интернационала... - с.58 – 59.)

В тот же день 28 сентября 1864, Учредительное собрание, завершило свою работу, объявив о создании Рабочего Интернационала, который в дальнейшем обычно называли – Первый Интернационал, кроме того из числа ряда своих делегатов Учредительное собрание избрало руководящий орган Первого Интернационала – «Генеральный Совет».

При этом, без ведома Маркса и в его отсутствие, завершающем заседании Учредительного собрания, его избирают членом созданного на Учредительном собрании, руководящего органа Первого Интернационала – Генерального Совета.

Об этом своем избрании сам Маркс узнает, только спустя две недели, хотя он жил там же в Лондоне, где проходило – это Учредительное собрание. А, вскоре после того, как Маркс узнает об этом своем неожиданном членстве в руководящем органе данной международной организации, его, так же вскоре избирают руководителем этого самого Генерального Совета, то есть вождем всего I Интернационала.

Первой по важности задачей вставшей перед членами Генерального Совета стала выработка программных и уставных документов Первого Интернационала. Для этой цели Генеральный Совет создал, так называемый «Подкомитет», избрав в него 9 своих членов.

Среди членов Подкомитета был и Маркс, но дальше, с ним опять начались, какие – то мутные странности. Вот, что об этом сообщает официальная советская историография: «Однако Маркс не мог присутствовать на первых заседаниях Подкомитета из – за болезни. О своем избрании в Подкомитет, он узнал 12 октября 1864, из письма Эккариуса. О заседании Подкомитета, состоявшемся 15 октября 1864, он узнал слишком поздно и вплоть до 18 октября 1864, не принимал участия в его работе». («Первый Интернационал»... - с.60.)

Однако, всё это, как – то уж очень странно выглядит. Маркс не мог узнать о заседаниях Подкомитета, находясь самое большое в паре миль от места их проведения.

В общем и целом, даже из источников советской официальной историографии, можно вполне увидеть и осознать тот факт, что руководящая роль Маркса в Первом Интернационале, в реальности была близка, а точнее сведена к нулю, о чем пусть и завуалировано, но иногда проговаривалась и советская историография: «В Генеральном Совете, образовалась, довольно влиятельная группа французских, итальянских и других мелкобуржуазных демократов, за которыми стоял видный деятель европейской буржуазной демократии, итальянский революционер Дж. Мадзини». («Первый Интернационал»... - с.74.)

Кроме того, в этой же работе «Первый Интернационал» на этой же странице упоминается, что в первые два года своего существования Первый Интернационал, располагался в Лондоне, в одном из домов, принадлежавших маркизу Таунсенду (лондонский район Сохо, улица Гринстрит, дом 18), в этом же доме до создания Первого Интернационала, располагался его предшественник, в лице уже упоминавшейся в данной главе – «Всемирной Лиги благоденствия трудящихся классов», созданной незадолго до образования Первого интернационала, именно этим самым маркизом Таунсендом.

Кроме, того два члена руководства это Лиги, а именно Тэйлор и Фэйси, принимали очень активное участие в работе в подготовке и проведении Учредительного собрания, создавшего Первый интернационал, а затем, до конца 1864 года входили в состав его Генерального Совета.

Завершая рассмотрение истории создания и деятельности Первого Интернационала, можно отметить, что искусственный и марионеточный характер этой международной рабочей организации довольно быстро привел ее к вполне закономерному краху.

Провозглашенные в разработанном Марксом Манифесте Первого Интернационала высокие принципы международной рабочей солидарности, призывы к рабочим всех стран бороться с несправедливыми захватническими и грабительскими войнами, очень быстро вступили в острые и неразрешимые противоречия с реальной суровой действительностью. Первым её, проявлением стала франко – прусская война 1870 – 1871 годов.

В ходе этой войны французские и германские рабочие, одетые в униформу двух сражающихся между собой армий, очень, мягко говоря, так и не явили собой, ни одного сколь - нибудь заметного примера этой самой пролетарской солидарности, и каких – либо пусть неудачных, но, хотя бы, просто заметных попыток покончить с этой войной.

В результате, событий франко – прусской войны, а так же поражения первой в мире победоносной попытки рабочей революции в лице Парижской Коммуны (весна 1871 года), в сентябре 1872, в Гааге, на V Конгрессе Первого Интернационала произошел глубокий раскол, который вскоре привел к его фактическому краху, хотя формально Первый Интернационал просуществовал еще несколько лет до 1876 года.

Фактический крах в конце 1872 года и формальный роспуск Первого Интернационала в 1876 году, показал, что либеральный космополитизм, даже если он слегка трансформирован Марксом и Энгельсом, в так называемый «пролетарский интернационализм», совершенно не вписывается в наступавшую на тот момент новую

эпоху – эпоху обострения империализма и империалистических противоречий, начавшейся сразу после окончания франко – прусской войны 1870 – 1871 годов, а так же самым тесным образом с этим связанным ростом идеологии национализма почти во всех более – менее промышленно развитых странах мира, обладающих многочисленным рабочим классом.

У Ленина была такая известная работа, называвшаяся «Крах II Интернационала», посвященная идеологическому и организационному распаду европейской марксистской социал – демократии в связи с начавшейся в 1914 году Первой Мировой войной, но при этом Владимир Ильич почему – то, ни разу, не вспомнил, о таком историческом примере, как крах I Интернационала, который имел место быть, сорока годами ранее.

Как I Интернационал оказался совершенно беспомощный перед франко – прусской войной, а II Интернационал, еще более откровенно несостоятельным в результате Первой Мировой войны, так и III Интернационал (Коминтерн) не выдержал испытания Второй Мировой войной. Как говорилось в одном из старых советских анекдотов брежневских времен – «Тенденция, однако!».

Глава VII Маркс и Энгельс против Русских, России и Русской Революции или глубинная русофобия марксизма, как одно из основных проявлений его столь же глубокой западной либеральной контрреволюционности

Знакомясь, с комплексом работ Маркса и Энгельса, написанных ими на протяжении всей своей научной и политической жизни, практически сразу обнаруживаешь, что одним из основных элементов их содержания, является последовательная ненависть к России и русским, естественным образом переходящая, в практически, ничем не прикрытую, патологическую русофобию.

В результате, в своих основах, в учении Маркса и Энгельса, ценности свободы и социальной справедливости, борьбы с эксплуатацией человека человеком, никогда не были приоритетными, как это всячески пропагандировало официальное советское обществоведение. Гораздо выше них, в марксизме находится понятие прогресса, который реально понимаемый как приращение благосостояния Запада. Страдания угнетенных народов (эксплуатируемых трудящихся) являются для Энгельса несущественным фактором, если угнетатели и эксплуататоры принадлежат к тем западным нациям, которым марксизм присваивает титул носителей прогресса.

Пропаганда того, что Россия стремится покорить Европу и увековечить свое «монгольское господство» над цивилизованным западным обществом», присутствуют в слишком многих рассуждениях основоположников марксизма, и присутствует очень уж устойчиво. Для объяснения своих установок о России как хищной деспотической силы Маркс и Энгельс создали целую культурологическую доктрину, мягко говоря, крайне странную для мыслителей, которые постоянно подчеркивали научный характер своего учения. Самым коротким, но очень ёмким выражением этой марксистской доктрины можно считать вот такое высказывание Энгельса, сделанное им в 1849 году: **«О немецких интересах, о немецкой свободе, о немецком единстве, немецком благосостоянии НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о счастье или несчастье ВСЕЙ ЕВРОПЫ. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует ТОЛЬКО ОДИН ВОПРОС ХОТИТЕ ЛИ ВЫ БЫТЬ СВОБОДНЫМИ**

или ХОТИТЕ БЫТЬ ПОД ПЯТОЙ РОССИИ ?» (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. - т.37 - с. 570.).

Если говорить, о более – менее ранних работах основоположников марксизма и, прежде всего, о тех, которые были написаны ими, в период Европейской революции 1848 – 1849 годов, и, тогда же, в основной своей части опубликованных, то их русофобию еще можно, хоть как – то объяснить глубоким разочарованием, наступившим у Маркса и Энгельса, в результате поражения этой революции. Хотя, в этом поражении, тогдашней Европейской революции, роль Российской империи, была более чем минимальной, и это, должен был видеть любой более - менее, разбирающийся в политике человек.

Однако, несмотря на эту, более чем незначительную роль России, в событиях, которые привели к краху этой революции, тем не менее, данное событие является, до сих пор, практически единственным оправданием для русофобии Маркса и Энгельса, и прежде всего, в кругах отечественных сторонников марксизма, начиная с Ленина, и, продолжая затем советской официальной историографией, и, наконец, завершая современными стыдливими марксистами, конца 20 – начала 21 – го веков в Российской Федерации, Украине и ряде других стран СНГ. Ну, а современные отечественные марксисты, которые, не стыдливые, а что называется ортодоксальные, эту русофобию откровенно до сих пор используют и всячески поддерживают.

Однако, при выслушивании подобных оправданий, тут же возникает закономерный и неизбежный вопрос, а как можно объяснить, продолжение русофобского накала в работах и письмах Маркса и Энгельса, спустя несколько десятков лет после поражения Европейской революции 1848 – 1849 годов? И, всё, это при том обстоятельстве, что в дальнейшем внешняя политика Российской империи, совершенно никаким образом не влияла на неудачи и поражения европейских марксистов.

Дальнейшее, после Европейской революции 1848 – 1849 годов поэтапное развитие марксистской русофобии, выглядело следующим образом. На протяжении 1854 - 1855 годов, в американских и европейских газетах Маркс и Энгельс призывают к превращению локальной Крымской войны в мировую, или как они сами говорили – «в войну наций против России». С разрешения Маркса, тогдашний английский буржуазный газетный трест «Freedom Press» принадлежавший Дэвиду Уркарту (David Urquhart, 1805 -1877), широко перепечатывает эти статьи для шовинистической агитации среди английского рабочего класса. Кроме того, Энгельс даже разрабатывает и публикует военное обоснование похода английских и французских войск на Москву, которое позволило бы европейским союзникам избежать ошибок Наполеона.

В 1865 году, предлагая Лондонской конференции Первого Интернационала набросок программы для Женевского конгресса Интернационала (Международного Товарищества рабочих), Маркс во всем разделе «Международная политика» оставил всего один вопрос: «О необходимости уничтожения московитского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановления Польши на демократических и социальных основах» (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т. 26 - с. 409.) В повестку дня Конгресса это предложение вошло как пункт 9: «Московитская угроза Европе и восстановление независимой и единой Польши».

Других проблем, тогдашней международной политики, кроме польской, в тот период жестоких колониальных войн и становления мировой системы империализма, Маркс как –

то не разглядел. Таким образом, принцип права наций на самоопределение Маркс выдвигал только для Польши, и даже вовсе не ради нее, а, лишь, как средство «уничтожения московитского влияния в Европе». Маркс: «Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Путеводная звезда этой политики - мировое господство, остается неизменным. Только изворотливое правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время замысливать подобные планы... Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитами азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев» (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.34 - с. 206, 208.)

В связи со всеми этими вышеизложенными обстоятельствами, даже чисто научное и политически беспристрастное рассмотрение, оголтелой русофобской пропаганды, содержащейся, почти во всех известных, к настоящему времени работах Маркса и Энгельса, позволяет прийти к непреложному выводу, что их русофобия лежит, отнюдь не в сфере чистой идеологии и политики, а гораздо глубже – в сфере цивилизационной, являясь составной частью, глубокой цивилизационной враждебности Запада к России и русским.

Агрессивную враждебность. Маркса и Энгельса, питала мощная традиция европейской русофобии, в которой агрессивность и страх по отношению к «огромной варварской стране на Востоке» сформировали устойчивый психический комплекс в самых широких слоях европейской общественности и политического класса.

Именно в «русском вопросе» наиболее откровенно проявились самые серьезные, даже фатальные, изъяны марксистского движения в Западной Европе. Ненависть к России заставила Маркса и Энгельса, в отношении к ней и ее народу, изменить принципам материалистического понимания истории и прибегнуть к теоретическому оппортунизму, как в форме метафизического идеализма, так и позитивистского расово – национального детерминизма. Что, например, очень четко показывает, вот, это высказывание Энгельса:

«Русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война Запада против них...На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. ...тогда борьба, «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм — не в интересах Германии, а в интересах революции!» (Ф. Энгельс статья, «Демократический панславизм» - «Новая Рейнская Газета», номера от 14-16 февраля 1849 года) - К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.6 - с. 306.)

В связи с этим можно вспомнить создателя российской геополитики Николая Яковлевича Данилевского, который говоря об уроках русско – турецких войн, 1853 – 1856 и 1877 – 1878 годов, проходивших после Европейской революции 1848 – 1849 годов, отмечал как русофобия, всегда примиряет в Европе самых крайних революционеров с самыми крайними реакционерами: «Война эта, однако же, не осталась без действительно

благодетельных последствий. Она показала нам, что ненавидела нас не какая-либо европейская партия, а, напротив того, - что, каковы бы ни были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем враждебном чувстве к России. В этом клерикалы подают руку либералам, католики - протестантам, консерваторы - прогрессистам, аристократы - демократам, монархисты - анархистам, красные - белым, легитимисты и орлеанисты - бонапартистам. **Общая, поглощающая все различия партий и интересов, ненависть к России, которую и словом и делом обнаружила Европа.** На стороне Турции выступила не только банкирствующая, биржевая Европа, но и Европа демократическая, революционная, социалистическая» (Н. Я Данилевский «Россия и Европа» - глава 11.)

Сам Маркс, как бы подтверждая эту мысль Данилевского ввремя Крымской войны 1853 – 1856 годов, заявлял следующее: «В войне с Россией, совершенно безразличны мотивы людей, стреляющих в русских, будут ли мотивы черными, красными, золотыми или революционными... Ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью».

Что касается того как патологическая русофобия заставляла Маркса и Энгельса постоянно изменять ими же самими провозглашенным и разработанным принципам научного материалистического понимания истории и прибегать к теоретическому оппортунизму как в форме метафизического идеализма, так и позитивистского расово – национального, а зачастую и биологического детерминизма, то в связи с этим очень характерен следующий факт.

Так Маркс с восторгом прочитал, а затем еще более восторженно сообщил Энгельсу и Кугельману о новой книге Пьера Тремо «Происхождение и изменение человека и других существ» (Париж, 1865). Восторг Маркса был вызван тем, что Тремо давал ему против русских тяжелую артиллерию естественных наук.

Если, конкретно, то по этому поводу Маркса написал Энгельсу 7 августа 1866 года, письмо следующего содержания: «Посылаю тебе очень важную работу... ‘P. Trémaux, Origine et Transformations de l’Homme et des autres Êtres, Paris 1865. Несмотря на все отмеченные мной недостатки, она представляет собой очень значительный прогресс по сравнению с Дарвином. Два главных тезиса следующие: переkreщивание ведет не к разнообразию, как обычно считается, а напротив к единству на подобии родового. С другой стороны, физические особенности планеты дифференцируют (это основной, но не единственный базис). Прогресс, который Дарвин считает просто случайным, здесь становится существенным признаком на основе стадий развития земли, дегенерация (dégénérescence), которую Дарвин не может объяснить, здесь становится ясной; то же самое и быстрое исчезновение просто переходных форм по сравнению с медленным развитием родового типа. Таким образом, пробелы в палеонтологии, которые тревожат Дарвина, здесь становятся необходимыми. То же самое и родовая фиксированность как только она устанавливается, становится необходимым законом (в отличии от индивидуальных и т.п. вариаций). [У Тремо] гибридизация, которая для Дарвина представляет проблему, наоборот поддерживает систему, так как показывается, что род основывается как только переkreщивание с другими перестает давать потомство или быть возможным, и т.д. В приложении к истории и политике [Тремо] намного важнее и плодотворнее Дарвина. На некоторые вопросы, вроде национальности, и т.д. только у него можно найти природное основание. В частности, он поправляет поляка Дучинского, чью версию геологического различия между Россией и западными славянами он, кстати,

подтверждает. Но не тем, что говорит, что русские это татары, а не славяне и т.п., как делает последний. А, указывая, что почвенной формацией, которая преобладает в России, славяне были татаризованы и монголизированы; таким же образом (он провел много времени в Африке) он показывает, что обычный тип негра есть только дегенерация более высокого типа. Тремо пишет, что неподкрепленные великими законами природы, человеческие начинания ведут к бедам. Посмотрите на усилия царей сделать из московитов поляков [...] Та же почва породит тот же характер и те же свойства. Настоящая граница между славянской и литовской расами, с одной стороны, и московитами с другой, идет по великой геологической линии, которая лежит к северу от бассейнов Немана и Днепра... К югу от этой великой линии, таланты и типы свойственные этому району будут всегда отличаться от русских». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т. 26 - с. 209-210.)

И во всех случаях такой восприимчивости Маркса и Энгельса, к идеям крайнего биологического детерминизма, тогдашней европейской «расовой науки», речь шла о «политически плодотворных» доказательствах либо расовой неполноценности великороссов, либо их непринадлежности к индоевропейской расе. Все основные темы, которые присутствуют в этих теоретических заимствованиях Маркса и в «культурном расизме» Энгельса (расовая и культурная неполноценность русских, их вырождение, цивилизационная граница между Европой и Азией и т.п.) вскоре после его смерти вошли в Ostforschung - псевдонауку орусских, которая стала идеологическим инструментом германского империализма, а затем и нацизма.

Вслед за русофобий основоположники марксизма и их последователи затем, вполне логично, быстро и откровенно скатились к оправданию создания западными странами колониальных империй и безудержной эксплуатации населения колоний. А в советском обществоведении и историографии потом всё удивлялись: как, мол могли западные социал-демократы в начале XX века принять расизм империалистов.

Так чему тут удивляться почитав такой, вот например комментарий Энгельса по поводу империалистической войны США против Мексики в 1848 – 1849 годах.: «И бросит ли Бакунин американцам упрек в «завоевательной войне», которая, хотя и наносит сильный удар его теории, опирающейся на «справедливость и человечность», велась, тем не менее, исключительно в интересах цивилизации? И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с ней сделать? И что плохого, если энергичные янки быстрой разработкой тамошних золотых россыпей умножат средства обращения, в короткое время сконцентрируют в наиболее подходящих местах тихоокеанского побережья густое население, создадут большие города...? Конечно, «независимость» некоторого числа калифорнийских и техасских испанцев может при этом пострадать; «справедливость» и другие моральные принципы, может быть, кое-где будут нарушены; но какое значение имеет это по сравнению с такими всемирно-историческими фактами?» (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. т.1 – с. 292-293.)

О том что подобное высказывание Энгельса не было тогда случайностью доказывает его гораздо более поздняя по времени позиция в 1866 году, когда он так разъяснял принципиальную установку Первого Интернационала в этом вопросе, отмечал, что право на независимую государственность должны иметь только большие (по выражению Гегеля, «исторические») народы Европы. В связи с этим Энгельс говорил о «о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование» (заметим мельком, что речь постоянно идет о европейских нациях). Здесь биологизация этничности

подкрепляется у Маркса и Энгельса, откровенно идеалистическим представлением, будто изначально данной народам сущностью становится дух, наличие или отсутствие которого и делит народы на две категории - исторические и неисторические. Тем народам, которые «не имеют истории», в национальном существовании, по мнению Энгельса, будет отказано.

Но ведь самостоятельных и равных наций в конце XIX века было в мире немного, и это были нации империалистического Запада. Они были равны по критерию их жизнеспособности и уровня развития капитализма. Именно пролетариат, только этих наций и призывался, Марксом и Энгельсом, к соединению.

Далее, в том же 1866 году Энгельс, пишет: «Право больших национальных образований Европы на политическую независимость, признанное европейской демократией, не могло, конечно, не получить такого же признания в особенности со стороны рабочего класса. Это было на деле не что иное, как признание за другими большими, несомненно, жизнеспособными нациями, тех же прав на самостоятельное национальное существование, каких рабочие в каждой отдельной стране требовали для самих себя. Но это признание и сочувствие национальным стремлениям относилось только к большим и четко определенным историческим нациям Европы; это были Италия, Польша, Германия, Венгрия... **Что же касается России, то ее можно упомянуть лишь как владелицу громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать назад в день расплаты**». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.39 - с.160.)

В письмо Каутскому написанном спустя 16 лет, а именно - 7 февраля 1882 года, Энгельс, по данному вопросу пишет: **«Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций... Интернациональное сотрудничество возможно, только между равными»**.(К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. - т. 35 - с. 220 - 221.).

А, вот слова одного, одного из лучших учеников Энгельса - одного из лидеров Второго Интернационала, идеолога германских социал-демократов Бернштейна: «Народы, враждебные цивилизации и неспособные подняться на высшие уровни культуры, не имеют никакого права рассчитывать на наши симпатии, когда они восстают против цивилизации. Мы не перестанем критиковать некоторые методы, посредством которых закабаляют дикарей, но не ставим под сомнение и не возражаем против их подчинения и против господства над ними прав цивилизации... Свобода, какой либо незначительной нации вне Европы или в центральной Европе не может быть поставлена на одну доску с развитием больших и цивилизованных народов Европы» (E. Bernstein. La socialdemocracia y los disturbios turcos. – A.Cheroni. La ciencia enmascarada. Montevideo: Universidad de la República, 1994. P. 89-90.) Но, ведь Бернштейн, таким образом, слово в слово повторяет утверждения Энгельса, насчет того, что: **«Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций... Интернациональное сотрудничество возможно, только между равными»**.(К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. - т. 35 - с. 220 - 221.).

Отбрасывая в реальной политике классовую риторику и представляя историю как «борьбу народов», Маркс и Энгельс прибегали к биологизации общественных отношений, предвосхищая идеологию социал-дарвинизма.

Для характеристики народов и разделения их на «высших» и «низших», Энгельс ввел, совершенно недопустимое с точки марксистского же исторического материализма, натуралистическое понятие жизнеспособности. Как, наличие у человека богатства, в раннебуржуазном, религиозном учении о предопределенности, является симптомом избранности, так и в концепции Энгельса «жизнеспособность» служит признаком прогрессивности нации и подтверждает ее права на угнетение и экспроприацию «нежизнеспособных». Стоит заметить, что понятие «жизнеспособность», как критерий для наделения народов правами Энгельс употреблял до конца жизни.

Каковы же показатели жизнеспособности? Прежде всего, для Энгельса, это способность угнетать другие народы и «революционность» (имеются в виду «прогрессивные революции»). Вот как иллюстрирует Энгельс эти показатели: «Если восемь миллионов славян в продолжение восьми веков вынуждены были терпеть ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр, то одно это достаточно показывает, кто был более жизнеспособным и энергичным - многочисленные славяне или немногочисленные мадьяры!» (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.6 - с. 297).

Таким образом, здесь критерием служит сам факт способности к угнетению. Жизнеспособен именно угнетатель - значит, он и прогрессивен, он и выиграет от мировой революции.

И, как же вяжется со всем этим призыв Коммунистического Манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Ведь Манифест был написан более чем за год до цитированных выше статей Энгельса 1849 года. Но, этот призыв, вполне вяжется с установками Энгельса только если признать, что он обращен лишь к пролетариям тех прогрессивных стран (наций), которые в классификации Энгельса имеют право на жизнь (сейчас сказали бы «золотой миллиард»). Какая всё таки, у Энгельса, есть запоминающаяся фраза: **«Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций... Интернациональное сотрудничество возможно только между равными».** (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. - т. 35 - с. 220 - 221.).

Таким образом, Маркс и Энгельс не только не были интернационалистами, но, напротив, на основе своей русофобии стали самыми яркими проповедниками шовинизма и расизма, в тогдашней Европе. В этом смысле, они практически, ничем отличались от своего будущего соотечественника Гитлера. Вот, например одно из признаний товарища Энгельса, сделанное им в одном из писем к Каутскому в 1882 году: «Необходима безжалостная борьба не на жизнь, а на смерть с предательским по отношению к революции славянством, истребительная война и безудержный террор».

Таким образом, видение реальной истории у Маркса и Энгельса, в отличие от их футурологических рассуждений о всемирной пролетарской революции, вовсе не опирается на представления классовой борьбы как отражения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Романтический образ грядущей, как Второе пришествие, революции пролетариата - это всего лишь образ идеологии, что-то вроде «нового опиума для народа». В критические моменты этот образ отодвигается в сторону, и история предстает как борьба народов. В этой картине нет и следа объективности, гуманизма и даже универсализма. Главный критерий для Энгельса - «для нас будет лучше». Интересы Запада превыше всего (термин «прогрессивные нации» — лишь прикрытие этих интересов).

Критерии, с которыми Маркс и Энгельс подходили к определению судьбы народов, совершенно ясны. Он - на стороне угнетателей, на стороне «высшей расы», которая не только имеет право, но и обязана «поглощать умирающие нации», выполняя тем самым свою цивилизаторскую миссию. В 1866 году, Энгельс разъясняет принципиальную установку Первого Интернационала в этом вопросе - право на независимую государственность должны иметь только большие (по выражению Гегеля, «исторические») народы Европы. Энгельс говорит о «старом положении демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование». Отметим сразу, что, по данному вопросу, у Энгельса, речь постоянно идет, только о европейских нациях.

Энгельс откладывает в сторону понятия классовой борьбы и мыслит в понятиях войны народов - для объяснения современных ему или исторических общественных процессов. И, всего через 30 лет после его смерти к власти в Германии во главе с Гитлером, приходят люди, совершающие эту операцию по «войне народов», на практике.

Завершая тему марксистской русофобии, нужно отметить главное – с её помощью Маркс и Энгельс стремились предотвратить саму возможность произвести в России самостоятельную русскую социалистическую революцию. Страх Запада, а так же Маркса и Энгельса, как основоположников, одной из ведущих западных идеологий, перед самостоятельной русской социалистической революцией был вызван именно тем, что, эта революция, в своем дальнейшем развитии, неизбежно должна была поставить под угрозу, прежде всего цивилизационные интересы Запада, а, в дальнейшем, угрожать самому существованию западной цивилизации, в целом.

Как отмечал по этому поводу современный политический публицист Александр Панарин: «Русский народ, по целому ряду признаков, является природным или стихийным социалистом, пронося сквозь века и тысячелетия идею социальной справедливости. Советский народ был идеологической концентрацией, основных смыслов заложенных в русском народе – социальном правдолюбце и тираноборце. А, следовательно, и советская империя есть не просто империя, а способ мобилизации всех явных и тайных сил, не принявших буржуазную цивилизацию и взбунтовавшихся против нее. Именно, совпадение идеального коммунистического этноса советского типа с уже существовавшим русским народом, и вызвало величайшую тревогу на Западе перед «Русским вызовом». Были в прошлом и возможны в будущем и более могущественные в военном отношении и при этом враждебные Западу империи, но, они не вызывали и не вызывают, такой тревоги на Западе». (А. Панарин Народ без элиты – М.: «Алгоритм», 2006. – с.244.)

По поводу качественного превосходства в сфере общей и особенно политической сознательности русских пролетариев, над западными, лидер одной из, тогдашних большевистских фракций А. Богданов в 1912 году, ссылаясь на беседу с английским профсоюзным лидером, отмечал, что в те годы в России, в заводских рабочих библиотеках были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Дарвина или «Астрономия» Фламариона – и, все они были зачитаны до дыр. В заводских же библиотеках английских профсоюзов были только футбольные календари и хроники текущей жизни английского королевского двора.

Рабочий класс России, в отличие от европейских пролетариев, не пройдя через горнило протестантской Реформации и длительного раскрестьянивания, так и не обрел

мироощущения пролетариата, то есть – класса, утративших жизненные корни индивидуумов, торгующих на рынке своей рабочей силой. И, тем самым по своей психологии, по сути, ничем не отличающихся к примеру от банальных проституток.

Возвращаясь к теме борьбы Маркса и Энгельса с русской национальной социалистической революцией, можно отметить, что одним из самых известных доказательств этой их, борьбы с самой возможностью будущей русской социалистической революции независимой от Запада, является, ставшее знаменитым, публичное идеологическое столкновение, первого создателя теории русской социалистической революции Петра Никитовича Ткачева с Марксом и Энгельсом в середине 70 – х годов 19 – го века.

В 1875 году, П.Н. Ткачев, написал брошюру «Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу». В ней, он, очень подробно объяснил, почему будущая социалистическая революция в России, будет происходить без какого – либо использования марксистских рецептов.

Вскоре после своего выхода в свет эта брошюра попала в руки к Марксу, который к тому времени, как и Энгельс, довольно хорошо знали русский язык. Прочитав эту работу Ткачева, Маркс переслал ее Энгельсу с соответствующими комментариями в письме. В свою очередь, ознакомившись с данной брошюрой Ткачева, Энгельс, был так возмущен ее содержанием, что просто, стремительно по меркам того времени написал на нее ответ, в виде статьи «О социальном вопросе в России».

В этой статье, Энгельс под влиянием захлестнувших его эмоций возмущения, с небывалой до этого случая откровенностью, обозначил свою и Маркса позицию по вопросу возможной в России социалистической революции: «Русские, должны будут покориться, той неизбежной международной судьбе, что отныне, их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.18 – с.526.)

До этого, как Маркс, так и Энгельс высказывали свои подобные мысли в гораздо более научно – замаскированной форме. Так в своей совместной работе «Немецкая идеология», являвшейся своеобразным резюме всей теории марксизма, Маркс и Энгельс, категорически отвергая саму возможность социалистической революции вне западной цивилизации, и тем более в отдельно взятой не западной стране, следующей аргументацией: **«Коммунизм возможен, как действие господствующих народов,** произведенное сразу и одновременно, что предполагает универсальность развития производительных сил, и связанных с ними мирового общения. Пролетариат может существовать, только во всемирно – историческом смысле, подобно тому, как коммунизм – его деяние – вообще возможен, как всемирно – историческое существование». (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.3 – с.33 – 34.)

Из, последнего, вышеприведенного фундаментального положения марксизма, прямо и четко, собственно и исходила вся марксисткая наукообразная русофобия, поскольку, согласно этому основному положению марксизма: 1) Русские, не входят в число господствующих народов мира. 2) Россия, не включена в «универсальное развитие производительных сил», то есть в систему западного капитализма. 3) Русский пролетариат, по результатам двух этих вышеприведенных положений, не существует «во всемирно – историческом смысле».

Таким образом, если отбросить дипломатическую псевдонаучную фразеологию, идейно – политическую маскировку, столь присущую марксизму, как разновидности либерализма, то Маркс и Энгельс, выступали против русской социалистической революции, и по мере своих сил пытались ее предотвратить, вовсе не потому что, согласно их высказыванием в России для нее не хватало развития капитализма, а по гораздо более приземленной и прозаической причине, они, как, и другие западные идеологи совершенно не желали, чтобы ее осуществление положило конец владычеству Запада на планете, что закономерно, означало и конец западной цивилизации в целом.

Именно, отсюда, и проистекала, та их бешеная ненависть к тем революционным силам в России, которые сопротивлялись западному и тесно с ним связанному отечественному крупному капиталу, объявление их «реакционными», под демагогическими предложениями, что подобное сопротивление, дескать «препятствует прогрессу промышленности, невольным носителем, которого является буржуазия».

Но, кстати, к концу 19 – го века марксизм стал блокировать разработку русской революционной социалистической доктрины, не только по выше приведенным глобальным причинам, но в силу того, что, будучи по происхождению левой частью либерализма, в последние десять лет жизни Энгельса (1885 – 1895 годы), и вместе с ним самим кстати, стал неудержимо праветь, превращаясь в идеологию откровенного социального реформизма, отказываясь даже от словесной революционности.

В последние десять лет своей жизни, в период 1885 – 1895 годов, Энгельс, сначала осторожно, а затем буквально с каждым годом все смелее и откровенней, выступал, как неприкрытый реформист, продолжая требовать дальнейшего развития капитализма, даже в Европе, не говоря уже об остальных регионах планеты, а так же занимаясь регулярными подсчетами сроков, когда германская социал – демократия, победив на очередных выборах в рейхстаг придет в Германии к власти, при этом, как – то странно забывая то обстоятельство, что эта страна не является республикой, а монархией, причем хотя и конституционной, но, с правом решающего голоса императора по вопросам формирования правительства, не говоря уже о влиянии на государственное управление тогдашнего реакционного и политизированного германского генералитета.

В связи с такими, тогдашними установками Энгельса, уже любая социалистическая революция в России, даже без национального колорита, представлялась ему, совсем уж реакционной, поскольку, с его точки зрения уничтожала бы неразвившийся до конца капитализм не только в России, но и угрожала бы существованию капитализма, в тогдашней Европе, где он, по тем взглядам Энгельса, все еще не исчерпал потенциала своего дальнейшего развития.

Подводя итоги марксисткой русофобии, можно отметить, что в тот период вся тогдашняя интеллектуально – политическая элита Запада, к которой принадлежали и Маркс, с Энгельсом, прекрасно понимала, что самостоятельная, неподконтрольная ей русская социалистическая революция, даже если ее будущие вожди, будут искренне придерживаться марксистских лозунгов, на деле будет означать, появление самостоятельного и неподконтрольного им русского социалистического государства, которое по логике своего развития, даже само того, не желая, будет проводить позитивную национальную реконструкцию русского народа, придав ему новый гигантский духовный и организационный импульс, превосходящий все прежние коренные преобразования, имевшие место быть в российской истории во времена Ивана Грозного и

Петра Великого, в результате чего, вся прежняя западная монополия на мировое цивилизационное господство будет необратимо подорвана.

После, смерти Маркса и Энгельса, наиболее четкое понимание подобного результата социалистической революции, продолжали демонстрировать по преимуществу именно германские идеологи и мыслители различных политических направлений. Так, германский мыслитель Вальтер Шубарт, в своей написанной в 1938 году и, затем популярной на протяжении около трех десятков лет книге «Европа и душа Востока», например отмечал следующее: «Смысл немецкого фашизма, заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока. Когда Гитлер, в своих речах, и особенно речи в рейхстаге 20 февраля 1938 года, заявляет, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза, он ясно показывает, как глубоко ощущается на немецкой почве противостояние Востоку – как судьбоносная проблема Европы». (В. Шубарт «Европа и душа Востока» - журнал «Общественные науки и современность» - 1992 - № 6.)

Более четко, по данному поводу, высказался, один из лидеров нацистской Германии – Геббельс, незадолго перед нападением Германии на СССР: «В русских, кроется целый ряд возможностей. И, если, их действительно реорганизовать, как народ, то, они, несомненно, представят огромную опасность для Европы. Стало быть, этому, нужно воспрепятствовать, и, это является, одной из целей, которые мы хотим достигнуть в ходе предстоящего наступления». (Ю. Я. Орлов Крах немецко – фашистской пропаганды в период войны против СССР – М.: издательство МГУ, 1985. – с.98 – 99.)

Другой германский деятель, идеолог нацистской партии Розенберг, за сутки до начала войны с Советским Союзом, сформулировал ее цель, следующим образом: «Оградить и одновременно продвинуть на Восток, сущность Европы». (Сборник документов «Преступные цели – преступные средства» - М.: «Политиздат», 1968. – с.46.)

Теперь, на основании всего, что было здесь выше изложено осталось, только подвести итоги, и они получились следующие:

1) Маркс и Энгельс не только не были интернационалистами, но, напротив, выступали самыми яркими проповедниками шовинизма и расизма, в особенности русофобии, в её самых оголтелых и агрессивных формах. В этом смысле, они мало, чем отличались от своего соотечественника Гитлера.

2) По указанным причинам европейские основоположники научного коммунизма крайне презрительно и пессимистично смотрели на саму возможность социалистических преобразований в России. Ни кто иной, как истинные марксисты в лице, так называемых «меньшевиков» в 1917 году развязали на ее территории кровавую гражданскую войну с целью задушить не вписывающуюся в их догматические каноны русскую народную социалистическую революцию.

3) Руководство Коммунистической партии Советского Союза и контролируемые им официальная общественная наука, тщательно утаивали неприглядные факты патологической и агрессивной русофобии марксизма от государствообразующего русского народа, что и стало в дальнейшем одной из основных причин уничтожения СССР.

4) Советский Союз развалился потому, что в результате длительного сокрытия подлинного характера марксистского учения, так называемые «романтики шестидесятых» и их преемники – «чикагские мальчики» девяностых годов 20 – го века - призвали общество «вернуться» к Марксу, и с помощью «прогрессивного Запада – родины марксизма», реализовали, эту, самоубийственную для СССР антирусскую доктрину на практике.

Глава VIII Теория о революционных и контрреволюционных нациях – как одно из немногих научных достижений Маркса и Энгельса, пригодных для новой русской социалистической революции, если, разумеется, её очистить от патологической марксисткой русофобии

Часть 1. Классовое и национальное в теории и практике социалистической революции

Любая, настоящая революция, и тем более, революция социалистическая – это дело рук, того или иного, вполне конкретного народа. В результате, действие, этого правила, с неизбежностью означает, что любое свершение социалистической революции в реальной жизни, а не в чьем – нибудь доктринёрском воображении, то есть, отнюдь, не в мировом, а национальном масштабе, неизбежно ведёт к тому, что начинается война между революционными и контрреволюционными странами, и значит, в подавляющем большинстве случаев между революционными и контрреволюционными нациями.

В результате, этого, классовая борьба внутри отдельной страны переходит в войну между народами революционной страны или стран и народами стран ставших после этого контрреволюционными, то есть между народом или народами революционными и народами реакционными (контрреволюционными). То есть классовая война внутри одной страны, как показывает опыт прошедшей мировой истории, довольно часто - быстро переходит в войну между нациями.

Эта, закономерность, полностью соответствует, всей прежней истории человечества, которая чётко показывает, что различные более – менее крупные народы, в качестве единого национального целого, являются носителями различных устойчивых комплексов национальных качеств и признаков, в состав которых так же входят и такие достаточно конкретные понятия как революционность и контрреволюционность (реакционность).

Вот что, в частности, отмечал по данному поводу, в своё время, известный американский этнограф и политолог К. Янг – специалист по этническим и политическим конфликтам, в своём выступлении на проходившей в Москве международной научной конференции «Этничность и власть, в полиэтничных государствах»: «Широкомасштабное насилие, имевшее место в последние десятилетия в рамках в рамках политических сообществ, в огромном большинстве случаев, развязывается по линии культурных, а не классовых различий. В экстремальных случаях, геноцид является патологическим проявлением культурного плюрализма, то есть этничности, а не классовой борьбы» (К. Янг «Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность» - Сборник статей «Этничность и власть в полиэтничных государствах» - М.: «Наука», 1994.)

Так же, исторический опыт человечества, показывает, что, начиная с Русских Революций 1905 – 1906 и 1917 годов, все по настоящему самостоятельные

социалистические революции, предпринимались, прежде всего, для спасения национального суверенитета, и даже выживания той или иной нации.

В связи с этим, можно привести очень подходящее к данной теме высказывание, известного испанского философа Хосе Ортега – и – Гасет: «Вера в то, что бессмертие того или иного народа, в какой – то степени гарантировано – наивная иллюзия. История – это арена, полная жестокостей, и многие народы как независимые целостности сошли с неё. В истории народу невозможно жить, как ему вздумается. Жить народу - это значит, серьёзно и осознанно заниматься жизнью, как если бы, это было профессией. Поэтому, каждое поколение должно заботиться о будущем своей нации». (С. Кара – Мурза «Маркс против Русской революции» - М.: «Яуза», «Эксмо», 2008. – с.6.)

Часть 2. Позиции Маркса и Энгельса в вопросах о национальной революционности и контрреволюционности

Что же касается первоначальной позиции по данному вопросу Маркса и Энгельса, то у них, её не было, поскольку они не интересовались национальным вопросом, вплоть до начала Европейской революции 1848 – 1849 годов. В их совместной работе, написанной за несколько дней, до начала этой революции – знаменитом «Манифесте Коммунистической партии», царил полный интернационализм: «История, всех до сих пор существовавших обществ, была историей борьбы классов», «Пролетарии всех стран соединяйтесь!».

Все, эти выдвинутые на тот момент Марксом и Энгельсом, лозунги, логически вытекали из их тогдашних убеждений о том, что практически единственным творцом истории являются общественные классы, того или иного народа, а так же борьба между ними, вызванная, прежде всего экономическими противоречиями.

Первые понятия, а затем и собственно теория о революционных и контрреволюционных нациях, начала появляться у Маркса и Энгельса, в разгар событий Европейской революции 1848 – 1849 годов.

Первоначально, этот процесс перехода от абстрактного интернационализма, к конкретике революционного европейского национализма, было связано, с тем, что сигналом к началу этой первой общеевропейской революции стала Февральская 1848 года Революция во Франции.

Эта, очередная французская революция, носила явно выраженный национальный, буржуазно – республиканский характер, свергнув космополитическую конституционную монархию тогдашнего французского короля Луи – Филиппа, возведенного на престол евробанкирами, в ходе так называемой «революции», а по сути государственного переворота 27 июля 1830 года.

Затем, в ходе революционных событий в других европейских странах, вкуче составивших Европейскую революцию 1848 года, резко обострились, не только и даже не столько классовые, сколько национальные противоречия. В дальнейшем, по мере развития этих революционных событий, как классовые, так в особенности, и национальные противоречия в тогдашней Европе в период 1848 – 1849 годов, не только обострились, но и, неразрывно переплетались между собой. Всё это, и положило начало, со стороны Маркса и Энгельса, по созданию теории о революционных и реакционных (контрреволюционных) нациях.

Основы данной теории были заложены, прежде всего, в работах Маркса и Энгельса, написанных, в период с ноября 1848 по июль 1849 года. Из них, в первую очередь, надо отметить, те, которые посвященные событиям революции в Венгрии и её подавления русской армией, такие как: «Борьба мадьяр», «Демократический панславизм», «Борьба в Венгрии», ««Kolnische Zeitung» о борьбе мадьяр», «Война в Италии и Венгрии», «Венгрия». Все, эти работы находятся в шестом томе Сочинений Маркса и Энгельса, изданных в Москве на русском языке, в 60 – 70 – е годы 20 – го века.

Таким образом, к концу лета 1849 года, помимо прежней «борьбы классов», виденье Марксом и Энгельсом движущих сил исторического процесса, дополнилось, так же и «борьбой наций», само собой «революционных и контрреволюционных»: «День великих решений, день битвы народов, приближается, и победа будет за нами!» (К. Маркс, Ф Энгельс Собрание сочинений – т.41 – с.226.)

Однако из этих, обнаруженных ими и в целом верных закономерностях политической борьбы в период исторического перехода человечества из эпохи промышленного капитализма к социализму, Маркс и Энгельс, в силу своей западной культурно – цивилизационной зашоренности, сделали, крайне ошибочные выводы, объявив, главной контрреволюционной силой тогдашней Европы Россию и русских.

Однако, вернёмся к вопросу о создании Марксом и Энгельсом, теории о революционных и реакционных (контрреволюционных) нациях. Наиболее общим и кратким содержание данной теории, выражено в одном из высказываний Энгельса содержащимся в уже упомянутой его работе «Революция в Венгрии» (Соч. – т.6): **«В ближайшей мировой войне с лица земли ИСЧЕЗНУТ не только реакционные классы и династии, но и ЦЕЛЫЕ РЕАКЦИОННЫЕ НАРОДЫ. И это тоже БУДЕТ ПРОГРЕССОМ».**

В более, развернутом плане, эту же мысль Энгельс, развил в своей статье «Борьба мадьяр» (Соч. – т.6): «Нет такой страны в Европе, где в каком-нибудь уголке нельзя было бы найти один или несколько обломков народов, остатков прежнего населения, оттесненных и покоренных нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения/истребления (*bis zu ihrer gänzlichen Vertilgung*), либо до их полной денационализации, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции. Таковы в Австрии южные славяне. Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и ещё теперь сохранили жизнеспособность; это — немцы, поляки, мадьяры. Поэтому они теперь революционны. Миссия всех других крупных и мелких племен заключается, прежде всего, в том, чтобы погибнуть в революционной мировой буре. И, потому-то они теперь контрреволюционны. При первом же победоносном восстании французского пролетариата, австрийские немцы и мадьяры, освободятся и кровавой мезьей отплатят славянским народам. **Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций».**

В другой своей крупной работе того же периода «Демократический панславизм», помещенной в том же Собрании сочинений – т.6, так же, посвященной разработке теории

революционных и контрреволюционных наций, Энгельс, отмечал следующее, основное положение, создаваемой им совместно с Марксом, данной теории: **«Речь идет не о братском союзе всех европейских народов, а о союзе революционных народов против контрреволюционных, союзе, который может быть осуществлен не на бумаге, а только на поле сражения».**

Далее в этой же статье данный тезис раскрывался им более подробно: «В то время, как французы, немцы, итальянцы, поляки, мадьяры подняли знамя революции, славяне, как один человек, выступили под знаменем контрреволюции. Впереди шли южные славяне, которые давно уже отстаивали свои контрреволюционные сепаратистские поползновения против мадьяр, далее чехи, а за ними русские, вооруженные и готовые появиться в решительный момент на поле сражения. На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: **ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью**; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов (чехов и хорватов), можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы или указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам, относится к нашим врагам, как к врагам. Беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть, со славянством, предающим революцию, **борьба на уничтожение и беспощадный терроризм - не в интересах Германии, а в интересах революции!**»

В целом, получилась, очень интересная картина. С одной стороны, Маркс и Энгельс, говорили западному пролетариату о классовой борьбе, о том, как эта классовая борьба, достигнув своего результата, в виде пролетарской революции покончит с отчуждением людей не только по экономическому, но и по национальному признаку, и таким образом установит на земле братство свободных личностей, типа: «Наше Отечество – всё Человечество!». А, с другой стороны, они при этом же попутно объясняли, что вне Запада, эта мировая, а точнее западная социалистическая революция будет войной на уничтожение против целого ряда так называемых реакционных народов, и, прежде всего против русских, которые, этой самой западной мировой социалистической революцией, будут попросту сметены с лица земли.

Неудивительно, что из подобных проповедей таких великих представителей германского народа, как Маркс и Энгельс, в дальнейшем, очень логически последовала сначала гитлеровская пропаганда о германской «белокурой бестии», совершающей «Дранг нах Остен», а затем практика массовых военных преступлений на временно оккупированных германской гитлеровской армией русских территориях.

Ну а что же произошло в конечном результате? В конечном результате, русский народ, объявленный Марксом и Энгельсом, воплощением, чуть ли не всемирной реакционности и контрреволюционного ада, первым в мире, осуществил, ту самую пролетарскую социалистическую революцию, о которой так много говорили и писали на Западе, но так там её и не совершили.

А затем, оказавшейся, вопреки злобной болтовне Маркса и Энгельса, очень и очень революционной русской нации, пришлось в 1941 – 1945 годах спасать, весь остальной мир

от соотечественников Маркса и Энгельса - германских рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции в солдатских и офицерских мундирах гитлеровского вермахта и войск СС.

А, перед этим, незадолго, до начала этой великой войны с нацистки настроенными германскими трудящимися, подобные ожесточенные войны - революционной русской нации в лице одетых в красноармейскую форму русских рабочих и колхозных крестьян, пришлось вести с «братьями по классу», в рядах сначала японской, а затем и финской армии. Ну, а после, Второй Мировой войны, роль главной реакционной нации мира, с энтузиазмом взяли на себя американские пролетарии и трудовая интеллигенция.

Вот что, кстати, по этому поводу, был вынужден отметить леволиберальный западный историк Л. Люкс, в своей работе «Коммунистические теоретики о фашизме: озарения и просчёты»: «После 1917 года, большевики пытались завоевать мир, как для идеала русской интеллигенции о всеобщем равенстве, так и для марксистского идеала пролетарской революции. Однако, оба этих идеала, не нашли в Европе, того понимания, на которое рассчитывали русские коммунисты. Европейские массы оказались втянутыми в движение противоположного характера, которое рассматривало идеалы равенства, как знак упадка и утверждало неодолимость неравенства рас и наций. Русские коммунисты, не поняли европейского пессимизма. Они, считали его явлением, присущим только буржуазии. Они закрывали глаза, на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом, в такой же мере, как, и другие слои общества» (журнал ПОЛИС – 1991 - № 4 - с. 74 – 75.)

Да, вот такие они западные пролетарии, тонкочувствующие, вечно душевноранимые, и, от того пессимистично настроенные. Но, при этом, как – то, всё же, интересно, а откуда у западных пролетариев, такая, вот, вечная пессимистическая грусть? А, не от исконного ли западного паразитизма и тесно связанного с ним аморализма, который, давно уже привел западную цивилизацию к хроническому гниению?

Но, однако, вернёмся, к созданной Марксом и Энгельсом теории революционных и контрреволюционных наций, несомненная научная ценность, которой оказалась в дальнейшем изрядно подпорченной прямо – таки патологической русофобией её создателей.

Часть 3. Бакунин о подлинной революционности и контрреволюционности европейских наций в Европе 19 – го века

В ответ на русофобские взгляды и концепции Маркса и Энгельса, родившиеся в период Европейской революции 1848 – 1849 годов, и которые затем развились и окрепли во время Крымской войны 1853 – 1856 годов, а так же в ответ на их концепцию, о так сказать исконно – посконной контрреволюционности русской нации, один из тогдашних русских революционеров Михаил Бакунин, в 1871 году, написал книгу «Кнуто – германская империя и социальная революция».

Хотя в политическом плане Михаил Бакунин – это крайне мутная личность, поскольку, он был масон, и один из создателей идеологии политического анархизма, но, тем не менее, в этой своей книге, он сумел, доказательно и строго аргументировано опровергнуть бредовые утверждения Маркса и Энгельса, о какой – то особой революционности германской нации и исконной контрреволюционности русской нации.

В своей книге «Кнута – германская империя и социальная революция», Бакунин очень четко показал, что основным источником революционности или контрреволюционности, той или иной нации, являются особенности менталитета её правящей элиты, даже если сама нация или её элита и не подозревают об этом.

Касаясь в связи с этим, особенностей менталитета, тогдашней элиты германской нации и прежде всего германской буржуазии, Бакунин, отмечал следующее: «Что касается немецкой буржуазии, то, судя по её чувствам и поступкам, ничего не остаётся, как признать её предназначенной к осуществлению идеалов добровольного рабства. Немецкая буржуазия, никогда не любила свободу, и не стремилась к ней. Она живёт в своём рабстве спокойная и счастливая, как крыса в сыру. Единственное, что ей хочется – это, только чтобы, сыра, было побольше».

Касаясь в противовес Германии, вопроса о менталитете правящей российской элиты, Бакунин, отмечал следующие факты: «С 1818 по 1825 год, мы видим, как цвет российского дворянства, подготовил заговор, серьёзно угрожавший императорскому деспотизму. С тех пор, не было в России, ни одного заговора, в котором бы не участвовала дворянская молодёжь, часто очень богатая. Пусть господа немецкие патриоты, перед лицом этих неоспоримых фактов, соблаговолят сказать мне, много ли было в Германии дворян, восставших против государства, за освобождение народа? Можете ли вы вообразить себе немецкого бюрократа или офицера, который был бы способен составить заговор и восстать за освобождение народа? Несомненно, нет. Ну, а русская бюрократия и офицерство насчитывают в своих рядах многих заговорщиков, борющихся за благо народа. Вот разница, и она, всецело в пользу России». (М. А. Бакунин *Философия, социология, политика* – М.: «Правда», 1989. – с.260, 290.)

Далее, Бакунин, задаёт, вполне логичный вопрос: **«Отчего же происходит, эта бедность, чтобы не сказать отсутствие либеральных и демократических чувств: в дворянстве, буржуазии и духовенстве Германии? А, потому, что раболепство, присущее этим представителям немецкой цивилизации стало системой, наукой, чем – то, вроде религиозного культа и, именно вследствие, этого, и превратилось в неизлечимую болезнь. Германия, сама произвела, воспитала и исторически развила в себе эти элементы своего нынешнего рабства».** (М. А. Бакунин *Философия, социология, политика... - с.267 – 268.*)

Оказавшись, не в состоянии, ничем опровергнуть, данную доказательную аргументацию как Бакунина, так и затем многих других русских революционеров, и при этом, совершенно не желая отказываться от своей западной цивилизационной русофобии, Маркс и Энгельс, на эту аргументированную критику, этих своих взглядов, отвечали эмоциями и бездоказательной руганью.

Больше всех «полемизировал» с Бакуниным и рядом других русских революционеров, на данную тему Энгельс, используя «аргументы», типа этого: «Совершенно невозможно, полемизировать, с тем поколением русских, которое всё ещё верит, в стихийно – коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинно Святую Русь, от других неверных народов». (К. Маркс, Ф. Энгельс *Соч.* – т. 39 – с. 344.)

Часть 4. Теория и практика национальной революционности и контрреволюционности, в первые четыре десятилетия 20 – го века

Со смертью сначала Маркса в 1883 году, а затем Энгельса в 1895 году, тема революционных и контрреволюционных наций, как – то сразу и незаметно исчезла из числа общественно – политических проблем, волнующих тогдашнюю европейскую социал – демократию. Наступил длительный период общеевропейского мира, который начался с 1878 года, когда завершилась очередная русско – турецкая война, и продолжался, вплоть до 1912 года, когда начались, так называемые «Балканские войны», которые затем плавно переросли в 1914 году, в Первую Мировую войну.

А, вот, Первая Мировая война, резко обострившая все противоречия Европы, так же, вновь обострила, сначала в ней, а затем и в других развитых странах, тогдашнего мира, проблематику национального вопроса.

Отвечая, на вновь вставшие перед тогдашними европейскими и российскими социал – демократами вопросы межнациональных отношений, Ленин в 1915 году, в своей тогдашней ключевой работе по проблематике Первой Мировой войны - «Крах Второго Интернационала», был вынужден вспомнить и о проблеме наличия революционных и контрреволюционных наций, правда отделившись, от нее всего одной, и не очень длинной фразой: «Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контрреволюционных народов. Мы будем за наступательную, революционную войну с ними». (В. И. Ленин Полное собрание сочинений – т.26 - с. 226.).

Но, в этот период начала 20 – го века даже, по сравнению с Первой Мировой войной, наиболее остро и конкретно, поставила проблему революционных и контрреволюционных наций Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года в России.

Как, вскоре отметил по этому поводу Н. А. Бердяев: «В России в мифе о пролетариате, по – новому, восстановился прежний миф о русском народе. Произошло отождествление русского народа с пролетариатом, прежнего русского мессианизма, с пролетарским мессианизмом». (Н. А. Бердяев Истоки и смысл русского коммунизма – М.: «Наука», 1990. – с.88 – 89.)

И так, как сказал Бердяев социалистическая революция в России 1917 года и последовавшая затем гражданская война в стране с массированным участием в ней западных стран, включая в их число и Японию, вызвала появление в русском народе – русского национально – революционного мессианизма. И, вот бы тут товарищу Ленину, сразу бы вспомнить, вот эти, свои недавние строки, насчет того, что: «Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контрреволюционных народов. Мы будем за наступательную, революционную войну с ними». (В. И. Ленин ПСС - т 26. - с. 226)

Но, вот, однако же, эти его строки, насчет « революционной войны против контрреволюционных наций» Ленину, потом почему – то не вспоминались, даже тогда, когда два года спустя после начала гражданской войны, последовало нападение на Советскую Россию буржуазной Польши, националистический режим, которой, с самого начала объявил для себя и своей страны, эту войну национальной.

Вот тут бы Ильичу и заявить о революционной национальной войне – революционного русского народа против польской контрреволюционной нации. Но, вместо этого, совсем наоборот – Ленин, тут же озабочился, как бы подобные мысли не приняли массового распространения. В результате, в разгар этой войны с Польшей, Ленин строчит

следующее послание в Секретариат ЦК РКП (б): «Предлагаю директиву: все статьи о Польше и польской войне просматривать редакторам под их личную ответственность. Не пересаливать, то есть не впадать в шовинизм, всегда отделять панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши» (В. И. Ленин ПСС – т.51 – с.193.)

Вот, так и отделяли, вплоть до конца 30 – х годов, когда для СССР грянули первые зарницы Второй Мировой войны, в виде войн сначала с Японией, а затем с Финляндией, когда соответственно японские и финские пролетарии одетые в военную форму, жесточно и фанатично сражались за свои национальные буржуазные государства.

Ну, а затем последовала Вторая Мировая война, непосредственным зачинщиком, которой выступила гитлеровская Германия. Выступила потому, что в 1933 году германский рабочий класс предпочел гражданской войне с гитлеровцами - «классовый мир», а этот самый «классовый мир» внутри Германии мог быть обеспечен только с помощью грабежа других стран и народов, а, стало быть, войной за мировое господство.

Как сказал почти по этому же поводу Гегель: «Каждый народ достоин того правительства, которое он имеет». Ну, а известный русский, а затем советский историк Е.В. Тарле, по аналогичному поводу, в своей книге «Европа в эпоху империализма 1871-1919 годов», отмечал: «Что касается Англии и Германии, то, при всем различии их политических систем в указанный период, решительно невозможно вообразить себе, что в вопросах войны и мира английское или германское правительство долгие годы могли бы вести политику, осуждаемую большинством рабочего класса».

Ну, а что касается революционности русской нации, то в России: «Русской буржуазии не удалось подкупить рабочих именно в силу исторически присущих русскому народу качеств борца с характерным для этого типа человека чувством высокого нравственного достоинства. Тот, кто готов рисковать жизнью ради высокого идеала, не кинется, подобно собаке, на кость с барского стола. Поэтому рабочему было нужно не улучшение рабского состояния, а избавление от него. Избавление не только для себя, но и для всего народа. Именно поэтому была установлена в России диктатура пролетариата». (Ф. Нестеров, «Связь времен», М., «Молодая гвардия», 1984. - с. 186 - 187).

После войн с Японией, и особенно с Финляндией, в период 1939 – 1940 годов и итогов завоевания Германией большей части Европы в тех же 1939 – 1940 годах, в высшем руководстве Советского Союза, началось появление каких – то проблесков здравого смысла по данному вопросу. Например в журнале «Известия ЦК КПСС» – 1990 - №5 – с. 191-192 – была опубликована докладная записка «О состоянии военной пропаганды среди населения», направленная в январе 1941-го начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии А. Запорожцем секретарю ЦК ВКП(б) по идеологии А. Жданову.

В этой докладной записке отмечалось следующее: «Глубоко укоренился вредный предрассудок, что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии. Пропагандисты, в том числе и военные, ударившиеся в эту крайность, забывают указание товарища Сталина о недопустимости недооценки силы влияния буржуазии, и её агентов среди трудящихся. Они не понимают, что в условиях капитализма идея социалистического интернационализма близка и понятна лишь передовым слоям пролетариата, а широкие массы ещё подвержены влиянию буржуазного национализма и могут быть подняты на

войну против Советского Союза. Поэтому Красная Армия в любой войне выполняет свои интернациональные обязанности, но далеко не всегда выполнение этих обязанностей является главной задачей. Где и при каких условиях Красная Армия ни вела бы войны, она будет исходить из интересов своей Родины и из задач укрепления силы и могущества Советского Союза. И только в меру решения этой основной задачи Красная Армия выполняет свои интернациональные обязанности».

Таким образом, в этой докладной записке А. Запорожца содержится неосознанное и очень уж запоздалое признание теории наличия «революционных и контрреволюционных наций».

Следующим проявлением такого осознания, стало появление в мае 1941 года на страницах девятого номера главного партийного теоретического органа – журнала «Большевик», статьи Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», которая была написана им ещё 19 июля 1934 года, но до мая 1941 года, нигде не публиковалась.

В связи с рассматриваемой темой, имеет смысл привести содержание данной статьи Сталина полностью: «Рассылая членам Политбюро ЦК статью Энгельса "Внешняя политика русского царизма", считаю нужным предпослать ей следующие замечания. Товарищ Адоратский предлагает напечатать в ближайшем номере «Большевика», посвящённом двадцатилетию мировой империалистической войны известную статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», впервые опубликованную за границей в 1890 году.

Я считал бы вполне нормальным, если бы предлагали напечатать эту статью в сборнике сочинений Энгельса, или в одном из исторических журналов. Но нам предлагают напечатать её в нашем боевом журнале «Большевике», в номере, посвящённом двадцатилетию империалистической войны. Стало быть, считают, что статья может быть рассматриваема, как руководящая, или, во всяком случае, глубоко поучительная для наших партийных работников с точки зрения выяснения проблем империализма и империалистических войн. Но статья Энгельса, как видно из её содержания, несмотря на её достоинства, не обладает, к сожалению, этими качествами. Более того, - она имеет ряд таких недостатков, которые, если она будет опубликована без критических замечаний, могут запутать читателя.

Поэтому я считал бы нецелесообразным опубликование статьи Энгельса в ближайшем номере «Большевика».

Но, что это за недостатки?

Но, что это за недостатки?

1. Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет её не столько потребностью военно-феодално-купеческой верхушки России в выходах к морям, в морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла, якобы, всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде и во всём, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к своей

авантюристической цели, которая удивительно легко надувала всех европейских правителей и добилась, наконец того, что сделала Россию самым могучим в военном отношении государством.

Такая трактовка вопроса в устах Энгельса может показаться более чем невероятной, но она, к сожалению, факт. Вот соответствующие места из статьи Энгельса: «Внешняя политика, - говорит Энгельс, - это, безусловно та область, в которой царизм очень и очень силён. Русская дипломатия образует своего рода новый иезуитский орден, достаточно мощный, чтобы превозмочь в случае надобности даже царские прихоти и, широко распространяя коррупцию вокруг себя, пресечь её в своей собственной среде. Вначале этот орден вербовался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как, например, Поццо ди Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен. Иностранкою была его основательница - Екатерина II. До сих пор только один чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене. Его преемник фон Гирс опять же носит иностранную фамилию. Это тайное общество вербовалось первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское господство до его нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед вероломством, ни перед предательством, ни перед убийством из-за угла, ни перед низкопоклонством, не скупясь на подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов, и по меньшей мере через один царский труп, - эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России от Днестра и Двины за Вислу к Пруту, Дунаю, к Чёрному морю, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Это она сделала Россию великой могущественной, внушающей страх, и открыла ей путь к мировому господству».

Можно подумать, что во главе внешней политики России, в её внешней истории, дипломатия составляла всё, а цари, феодалы, купцы и другие социальные группы - ничего, или почти ничего. Можно подумать, что если бы во главе внешней политики России стояли не иностранные авантюристы, вроде Нессельроде или Гирса, а русские авантюристы, вроде Горчакова и других, то внешняя политика России пошла бы другим путём.

Я уже не говорю о том, что завоевательная политика со всеми её мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща - не в меньшей, если не в большей степени - королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на своё не-царское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломств, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги. Понятно, что иначе и не могло быть.

Видимо, в своём памфлете против русского царизма (статья Энгельса - хороший боевой памфлет) Энгельс несколько увлёкся и, увлечшись, забыл на минутку о некоторых элементарных, хорошо ему известных, вещах.

2. Характеризуя положение в Европе и вскрывая причины и перспективы надвигающейся мировой войны, Энгельс пишет: «Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзаса и Лотарингии Германией; 2) стремлением царской России к Константинополю; 3) борьбой между пролетариатом и буржуазией, всё жарче разгорающейся во всех странах, - борьбой, термометром которой

служит повсеместный подъём социалистического движения. Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Аннексия Эльзаса-Лотарингии превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзницу Германии. Оба лагеря готовятся к решительному бою, - к новой войне, какой ещё не видывал мир, к войне, в которой будут стоять друг против друга от десяти до пятнадцати миллионов вооружённых бойцов. Только два обстоятельства препятствовали до сих пор взрыву этой ужасной войны: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при которой новоизобретённый образец оружия, прежде чем его успеют ввести хотя бы только в одной армии, обгоняется новыми изобретениями, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать неизвестность, кто же, в конце концов, выйдет победителем из этой гигантской борьбы. Вся опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность. Русское национальное собрание, которое захочет справиться, хотя бы с самыми неотложными внутренними задачами, должно будет решительно положить конец всяким стремлениям к новым завоеваниям. С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны неслыханного размаха и силы. Одно только может остановить её: перемена строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, - не подлежит никакому сомнению. В тот день, когда падёт царская власть, эта последняя твердыня общеевропейской реакции, - в этот день совсем другой ветер подует в Европе».

Нельзя не заметить, что в этой характеристике положения Европы и в перечне причин, ведущих к мировой войне, упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно, - момент империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьёзнейшее значение, упущены роль Англии, как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьёзное значение и сыгравших потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны.

Я думаю, что это упущение составляет главный недостаток статьи Энгельса. Из этого недостатка вытекают остальные недостатки, из коих не мешало бы отметить следующие:

а) Переоценку роли стремления царской России к Константинополю в деле назревания мировой войны. Правда, первоначально Энгельс ставит на первое место, как фактор войны, аннексию Эльзас-Лотарингии Германией, но потом он отодвигает этот момент на задний план и выдвигает на первый план завоевательные стремления русского царизма, утверждая, что: «вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей». Это, конечно - преувеличение.

б) Переоценку роли буржуазной революции в России, роли «Русского национального собрания» (буржуазный парламент) в деле предотвращения надвигающейся мировой войны. Энгельс утверждает, что падение русского царизма является единственным средством предотвращения мировой войны. Это - явное преувеличение. Новый, буржуазный строй в России с его «Национальным собранием» не мог бы предотвратить войну хотя бы потому, что главные пружины войны лежали в плоскости империалистической борьбы между основными империалистическими державами. Дело в

том, что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла, в сущности, роль вспомогательного резерва для главных держав Европы.

в) Переоценку роли царской власти, как «последней твердыни общеевропейской реакции» (слова Энгельса). Что царская власть в России была могучей опорой общеевропейской (а также азиатской) реакции - в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции - в этом позволительно сомневаться.

Нужно отметить, что эти недостатки статьи Энгельса представляют не только «историческую ценность». Они имеют, или должны были иметь ещё важнейшее практическое значение. В самом деле: если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду, как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзаса - Лотарингии Германией, как фактор войны отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет оплот общеевропейской реакции, - то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти что освободительной? Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решилась голосовать за военные кредиты и провозглашала лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от «русского варварства» и т.п.

Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, написанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что «победа Германии есть, стало быть, победа революции», что «если Россия начнёт войну, - вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были».

Понятно, что при таком ходе мыслей не остаётся места для революционного пораженчества, для ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Так обстоит дело с недостатками статьи Энгельса. Видимо, Энгельс, встревоженный налаживавшимся тогда (1890-1891 гг.) франко-русским союзом, направленным своим острием против австро-германской коалиции, задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить её всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии, но, осуществляя эту цель, он упустил из виду ряд других важнейших моментов, результатом чего явилась однобокость статьи.

Стоит ли после всего сказанного печатать статью Энгельса в нашем боевом органе, в «Большевике», как статью руководящую, или, во всяком случае, глубоко поучительную, ибо ясно, что напечатать её в «Большевике» - значит дать ей молчаливо такую именно рекомендацию? Я думаю, что не стоит».

Да, эта написанная Сталиным работа, несомненно, правильная и нужная, однако сам Сталин, так и не избавившись от марксистских заблуждений, очевидно, очень боялся этого своего теоретического озарения. Только этим можно объяснить тот факт, что появление данной статьи в мае 1941 года в журнале «Большевик», при жизни Сталина было её единственной публикацией и она, не смотря на свой обобщающий характер, так и не вошла в состав многотомного собрания сочинений Сталина, ежегодно выходившего при его жизни.

Часть 5. Вторая Мировая и Великая Отечественная война – как момент истины в вопросе о реальной национальной революционности и контрреволюционности в XX веке

Однако, это робкое прояснение сознания правящих верхов Советского Союза, накануне начала войны с Германией по поводу наличия в реальном мире революционных и контрреволюционных наций, до самого нападения Германии на СССР, так и осталась, совершенно неизвестным широким народным массам страны, и, прежде всего основной государственнообразующей нации, которой являлся русский народ, и, который руководство тогдашнего Советского Союза на протяжении предшествующих двадцати лет, настойчиво и надо сказать, небезуспешно превращало в сборище, слюнвяых, интернационалистски настроенных совков.

Результаты этого двадцатилетнего, с позволения сказать интернационалистического воспитания, сказались после начала войны с Германией, очень быстро, а точнее – практически моментально. В результате этого интернационалистического воспитания, около двух миллионов бойцов Красной Армии, добровольно или после минимального сопротивления сдались немцам в плен, только в первые шесть месяцев после начала войны, и примерно столько же лиц из числа военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся на оккупированной немцами территории, и затем активно сотрудничавших с оккупантами и воевавших на их стороне в 1941 – 1945 годах. Вот, реальные последствия, того насаждения национального нигилизма среди русского народа которым занималась Советская власть с 1917 по 1939 год.

И, так последствия прежней политики насильственного насаждения национального нигилизма проявили себя буквально с первых же дней после начала войны СССР с гитлеровской Германией, но, только спустя год, после начала войны, во время летнего 1942 года, стратегического наступления немецких войск на южном крыле советско – германского фронта, эти крайне негативные последствия предшествующего оголтелого интернационалистского воспитания, начали хоть, как – то реально учитываться в тогдашней советской пропаганде. Апофеозом этого осознания правящей советской элиты стала статья «Убей!», очень известного в то время советского публициста – пропагандиста Ильи Эренбурга.

Как позже описывал сам Эренбург, поводом для статьи «Убей!», написанной и опубликованной в разгар летнего наступления 1942 года немецких войск на Дону, всего за две недели до появления в августе 1942, знаменитого приказа Сталина, получившего известность как «Ни шагу назад!» (Приказ N 227), стали, по словам автора, письма из Германии, обнаруженные убитых солдат вермахта, из которых становится очевидным намерение немцев «превратить наш народ в рабов».

Из этого автор в своей статье «Убей!» сделал следующий вывод: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружьё. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьёт твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьёшь немца, немец убьёт тебя. Он возьмёт твоих родных и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого - нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! - это просит старуха-мать. Убей немца! - это молит тебя дитя. Убей немца! - это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»

В своих послевоенных воспоминаниях Эренбург, появление этой своей статьи объяснял целью развеять существовавшие у значительной части советских солдат иллюзии о том, что, если «рассказать немецким рабочим и крестьянам правду, то они побросают оружие», и, что «миллионы немецких солдат идут в наступление только потому, что им грозит расстрел».

Более, развернутое объяснение, данное Эренбургом, по поводу цели написания им статьи «Убей!», выглядело следующим образом «В начале войны у наших бойцов не только не было ненависти к врагу, в них жило некоторое уважение к немцам, связанное с преклонением перед внешней культурой. Это тоже было результатом воспитания. Помню тяжелый разговор на переднем крае с артиллеристами. Командир батареи получил приказ открыть огонь по шоссе. Бойцы не двинулись с места. Я вышел из себя, назвал их трусами. Один мне ответил: «Нельзя только и делать, что палить по дороге, а потом отходить, нужно подпустить немцев поближе, попытаться объяснить им, что пора образумиться, восстать против Гитлера, и мы им в этом поможем». Другие сочувственно поддакивали. Молодой и на вид смышленный паренек говорил: «А в кого мы стреляем? В рабочих и крестьян. Они считают, что мы против них, мы им не даем выхода...» Конечно, самым страшным было в те месяцы превосходство немецкой военной техники: красноармейцы с бутылками шли на танки. Но меня не менее страшили благодушие, наивность, растерянность. Война - страшное, ненавистное дело, но не мы её начали, а враг был силен и жесток. Я знал, что мой долг показать подлинное лицо фашистского солдата, который отменной ручкой записывает в красивую тетрадку кровожадный, суеверный вздор о своем расовом превосходстве, вещи бесстыдные, грязные и свирепые, способные смутить любого дикаря. Я должен был предупредить наших бойцов, что тщетно рассчитывать на классовую солидарность немецких рабочих, на то, что у солдат Гитлера заговорит совесть, не время искать в наступающей вражеской армии «добрых немцев», отдавая на смерть наши города и села. Я писал: «Убей немца!»»

Однако в этом своём объяснении Эренбург, изрядно лукавит. Эта, его статья – манифест, под названием «Убей!», появилась спустя более года, после начала войны, однако в реальности, для простого русского народа, это осознание национального характера войны между ним и народом Германии, войны нацеленной на уничтожение проигравшего, появилось гораздо раньше, чем у тогдашней правящей советской элиты, включая Эренбурга, аесли более точно, то, где – то к концу августа – началу сентября 1941 года.

Последствием этого осознания, стал тот факт, что через полтора года после начала Великой Отечественной войны, к 1 августа 1942 года в советских лагерях для военнопленных находилось чуть больше одной тысяч немцев.

И, я думаю, что дело было совсем, не в том, что немецкие солдаты в плен не сдавались. Если они не попадали в плен в здоровом состоянии, то должны были массово попадать, будучи ранеными.

Возьмем, к примеру, окружение и последующее уничтожение 6 – 15 декабря 1941 года, немецкого 34 - го армейского корпуса под Ельцом. Две его пехотные дивизии были изрядно потрепаны предыдущими боями и, дай бог, чтоб имели несколько больше половины своей штатной численности, то есть 8,5-9 тысяч человек каждая. Плюс части корпусного подчинения. Итого, порядка 25 тысяч личного состава во всем корпусе.

Допустим, что личный состав корпуса дрался исключительно стойко и в плен здоровыми или легкоранеными не сдавался. При стандартном соотношении убитых и раненых в сражениях Первой и Второй мировых войн, как 1 к 3, это означает, что, в случае полного уничтожения корпуса его потери, должны - 5 тысяч убитыми и 15 тысяч ранеными. Это, значит, что немецкие раненые должны составить 15 тысяч пленных. Но, если бы такое количество, тогда, на фоне предшествовавших военных катастроф Красной Армии, было бы взято в плен, то об этом бы минимум месяц трубила вся тогдашняя советская пресса, и эта цифра до сих пор бы гуляла по страницам военно-исторических монографий.

Однако, хотя немецкий 34 - й армейский корпус был в окружении полностью уничтожен, и этого никто не отрицает, в том числе и западные историки, но, при этом, так же никто и не говорит, сколько же немцев после этого должно было оказаться в советском плену?

Поэтому, здесь, всё очень просто. По всей линии советско-германского фронта, начиная, примерно, с августа - сентября 1941 года, красноармейцы и младшие офицеры в самовольном порядке прекратили брать немцев в плен. И продолжалось это вплоть до капитуляции немецких войск под Сталинградом, когда ощущение, наступающей победы в войне, несколько смягчило настроения рядового и младшего командного состава Красной Армии.

А пытались, защищать немцев попавших в плен от справедливой красноармейской мести, как ни странно именно те кого немцы после пленения очень быстро расстреливали, а именно - комиссары и политруки. Как ни парадоксально, особенно усердствовали в спасении немцев и обличали русские зверства те комиссары, про которых в немецких листовках писалось: «У жида - политрука морда просит кирпича».

Читал я, к примеру, политдонесения подобных «красноармейских воспитателей», датируемые апрелем-маем 1944, когда шли бои по освобождению Севастополя, в которых они постоянно жаловались на тему, типа, что вот, мол красноармейцам Пупкину и Дыркину поручили отконвоировать 40 пленных немцев с передовой в штаб дивизии, а они, мерзавцы такие, доставили к месту назначения всего 15. Кстати, подобные приглушенные завывания, о судьбе «несчастных немецких пленных», были слышны, и в некоторых романах о войне Константина Симонова.

Другой известный в свое время советский поэт, комиссарствовавший в 1942 - 1946 годах, Борис Абрамович Слѹцкий, так же заполнял свой военный дневник жалобами на красноармейские зверства. Такое же лицо комиссарской национальности - Лев Копелев, обличал «русские зверства» в оккупированной Красной Армией восточной части Германии, так громко, что в конце войны угодил за это в лагерь. Откуда ему затем удалось перебраться в шарашку, где он трудился вместе с Солженицыным. При Хрущеве он стал, разумеется, диссидентом, эмигрировал в Германию. Оставил после себя трехтомник мемуаров, кстати, небезыңтересных. Рекомендую достать и почитать.

Помимо комиссаров и политруков, защищали пленных немцев от красноармейских расправ, также и офицеры военной разведки и контрразведки, но те, понятно, из чисто утилитарных соображений.

Часть 6. Невыученные уроки Второй Мировой и Великой Отечественной войны, в плане национальной революционности и контрреволюционности и последствия этого

Стоило, закончиться Великой Отечественной войне, как правящая советская элита стала вновь возвращаться в прежнее состояние марксистско – интернационалистского маразма. Самым наглядным проявлением этого стала отмена в СССР летом 1947 года, смертной казни.

С точки зрения, самой элементарной логики, для такого решения, в тот момент, не было никаких объективных оснований. Начиналась «холодная война», Западная Украина и Прибалтика были охвачены массовым антисоветским повстанческим движением. В старых советских землях процветал массовый вооружённый уголовный бандитизм, и для борьбы с ним ещё в конце войны в составе МВД было создано «Главное управление по борьбе с бандитизмом», имевшее свои подразделения во всех местных органах внутренних дел. Что же тогда заставило Сталина в такой обстановке отменить смертную казнь?

Дело в том, что в это время Сталин был увлечён разработкой и попыткой осуществления ряда крупных внешнеполитических проектов. Главным из них был план создания объединённой нейтральной буржуазно-демократической Германии. Эта идея была основой политики СССР в Западной Европе в 1945-1948 гг. Однако, на этом пути возникло одно досадное препятствие – это, вопрос, о дальнейшей судьбе находившихся в СССР в местах заключения нескольких тысяч немецких военнослужащих – офицеров и генералов, обвиняемых в военных преступлениях и ожидавших суда.

Предварительное следствие по делам большинства из них к началу 1947 года, как раз и было завершено, и вскоре должна была начаться массовая передача этих дел в военные трибуналы, которые по тогдашним законам неизбежно выносили бы почти 100% обвиняемым смертные приговоры. А это, по мнению Сталина, серьёзно подорвало бы позиции СССР, среди правящих кругов будущей объединённой нейтральной Германии. А поскольку сталинское государство было либеральным, то оно было государством правовым, и поэтому отменить смертную казнь только для немецких офицеров и генералов, обвиняемых в военных преступлениях, Сталину показалось невозможным, и он, исходя из своих субъективных внешнеполитических расчётов, летом 1947 отменил смертную казнь в СССР вообще.

Как известно из истории, сталинский план создания объединённой нейтральной буржуазно-демократической Германии оказался грандиозной внешнеполитической авантюрой и в сентябре 1949 года, потерпел сокрушительный крах, когда послевоенный раздел Германии стал свершившимся фактом. И как результат этого в январе 1950 в СССР была восстановлена смертная казнь.

Отсюда, простой вывод: без элементарной ответственности вождя перед своим народом не может быть успешной внешней политики. Любой геополитический замысел самого умного вождя потерпит крах, если вождю либо не приходит в голову, либо плевать на то, как бы к этому плану отнёсся демобилизованный красноармеец Пупкин, у которого «враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью», но зато этого вождя очень волнует мнение политических кругов за пределами его страны.

И, невозможно отделаться от этой проблемы так, как это попытался сделать Сталин своей известной марксистской либеральной фразой, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся». Гитлер-то ушёл, но взамен его германский народ породил по отношению к России его вполне достойных преемников – типа Конрада Аденауэра, Фнарца Штрауса, Гельмута Коля, Герхарда Шрёдера, Ёшки Фишера и целого ряда других.

Так, что марксист Хрущёв, освободив в 1955-1956 годах всех находившихся в советских тюрьмах германских военных преступников, которые уцелели и дожили до этого освобождения благодаря отмене Сталиным смертной казни в 1947, чтобы установить дипломатические отношения с ФРГ, ничего нового не изобрёл. Он всего лишь шёл по проложенному Сталиным пути – пути безответственности либерального политика перед своим народом. Ну, как тут не вспомнить характеристику либерализма и либеральных политиков, данную в своё время Писаревым: **«По понятиям Платона, со стороны правителей не существует обязанностей по отношению, к управляемым. Законы нравственности, обязательные для частных лиц, теряют обязательную силу для государственных деятелей. Они должны быть мудрыми, но право судить об их мудрости предоставляется только богу».**

Кроме нескольких тысяч немецких военных преступников, Хрущёв в это же время освободил и несколько десятков тысяч бандеровцев, оказавшихся не в могиле, а в лагерях благодаря отмене Сталиным в 1947 году смертной казни. Теперь же несколько тысяч из них, дожив до распада СССР и независимости Украины, настойчиво добиваются статуса ветеранов Второй Мировой войны.

В целом же бандеровское движение на Западной Украине в 1944-1953 гг. – лучший разоблачитель мифа о «сталинском тоталитаризме». Так, например, непосредственный руководитель западноукраинского повстанческого движения – главнокомандующий «Украинской повстанческой армией» Шухевич в 1945 - 1950 годах, свободно разъезжал по всей Украине и несколько раз поправлял здоровье в кардиологическом санатории одного из одесских курортов. А одна из телохранительниц Шухевича в июне 1949 две недели жила в Москве, в элитной гостинице «Метрополь», которая буквально кишела сотрудниками госбезопасности и ещё более их осведомителями из числа персонала. Она хранила в гостиничном номере взрывное устройство и искала в районе Красной площади подходящий объект для взрыва. (П. С. Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль. – М.: «Олма-пресс», 1999. – с. 416-419.)

Архив «Организации украинских националистов» в конце лета 1944, после взятия г. Львова советскими войсками, был оттуда вывезен в г. Ленинград и спрятан в отделе редких рукописей Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова – Щедрина. С момента их вывоза из Львова в центральном аппарате госбезопасности знали, где этот архив спрятан, но разыскали его только через 4 года в 1948 г. (П. С. Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль... - с. 416, 419.)

Так что в этом плане сталинский СССР поразительно напоминает ельцинско - путинскую Российскую Федерацию, по которой, во время чеченских войн, свободно разъезжали лидеры чеченских сепаратистов. Но, всё же, при этом, нужно отметить, что в некоторых отношениях в борьбе с чеченскими сепаратистами ельцинско - путинский режим действовал даже более радикально, чем сталинский режим в отношении тогдашних западноукраинских сепаратистов. Например, против чеченских сепаратистов активно и широкомасштабно использовались регулярная армия с тяжёлой артиллерией, танками, авиацией и тактическими баллистическими ракетами. Тогда, как части и соединения Советской Армии на Западной Украине в 1946 – 1953 гг. в боях с бандеровцами участия практически не принимали, ограничиваясь лишь самообороной в местах постоянного размещения.

Постоянную же борьбу со 100-тысячной «Украинской повстанческой армией» вели, только внутренние и пограничные войска, а так же оперативные группы местных органов госбезопасности и милиции. Да и то даже сил внутренних войск в Западной Украине в самый разгар борьбы с бандеровщиной было совершенно недостаточно – 2 дивизии и 12 отдельных бригад, то есть около 60 тысяч человек.

Поэтому и результаты этой самой настоящей войны МВД и МГБ СССР с УПА - ОУН были вначале, мягко говоря, весьма скромными. Из 100 тысяч боевиков, состоявших в рядах УПА к началу осени 1944, к концу 1944 года было уничтожено или пленено 5 членов главного руководства, 138 руководителей местных организаций ОУН и 4698 боевиков УПА (киевская газета «Зеркало недели». – 2000 - № 28. – С. 18). Зато потери советской стороны были весьма велики, даже на завершающем этапе в 1948 – 1955 годов, когда шло добивание бандеровского движения на Западной Украине. В этот период было бандеровскими бандформированиями, было убито 436 партийных и советских работников, 329 председателей сельсоветов, 231 председатель колхоза, 4500 солдат и офицеров внутренних войск, 2500 членов «истребительных батальонов» («Зеркало недели». – 2000 - № 28 – с. 18)

Это потери в период борьбы в период добивания бандеровщины. А что же тогда творилось в начале, в разгар бандеровщины? Вот что писал об этом Судоплатов: «Бандера прибег к террору, ставшему повседневным явлением в жизни Западной Украины. Местные власти, по существу, потеряли контроль над сельской местностью. Бандеровцы запрещали молодёжи идти на призывные пункты для службы в Советской Армии. У тех, кто шёл на службу вопреки запрету, вырезались семьи». (П. С. Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль... – с. 412.)

Вообще, в разгар бандеровщины, местные власти на Западной Украине, фактически не контролировали не только сельскую местность, но так же в ночное время и районные центры, за исключением тех их кварталов, где находились здания органов местной власти и местных силовых структур.

При этом, не имея в 1944-1948 годах, контроля над примерно 90% территории Западной Украины, сталинский режим так и не удосужился объявить там, военное или, как минимум, чрезвычайное положение, и хотя бы, ввести комендантский час в населённых пунктах. И, при такой ситуации, в 1945 -1950 годах в сельскую местность и райцентры Западной Украины, как ни в чём, ни бывало, из восточных областей Украины и РСФСР направлялись по распределению выпускники медицинских, педагогических и культурно-просветительских высших и средних специальных учебных заведений, а также практически без охраны отправлялись геологические экспедиции.

Отправляя, таким образом, на убой, в лапы бандеровцев лояльных советских граждан, сталинский режим проявлял большую осторожность в отношении поддерживавшего бандеровцев подавляющего большинства населения Западной Украины.

Одним из самых наглядных и ярких проявлений этого стала встреча в 1949 году, во Львове, тогдашнего первого секретаря ЦК КПУ Хрущёва и представителя Министерства государственной безопасности СССР в Западной Украине генерал-лейтенанта Судоплатова.

Во время этой встречи Хрущёв, являвшийся намного более последовательным и убеждённым марксистом, чем Сталин, тем не менее, предложил для борьбы с бандеровцами принять целый ряд весьма энергичных мер, а именно: введение специальных паспортов для жителей Западной Украины и массовую мобилизацию западноукраинской молодёжи на работу и учёбу в Восточную Украину, чтобы лишить бандеровцев возможности получать пополнение. В ответ на это Судоплатов, по его словам, заявил, что подобные меры лишь ожесточат местное население, а молодёжь, уклоняясь от трудовой мобилизации в восточные области Украины, побежит в леса и вольётся в повстанческое движение. (П. С. Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль... - с. 415.)

Думается, что Судоплатов в своих мемуарах несколько привирал, передавая этот разговор с Хрущёвым. Не настолько он был высок в тогдашней иерархии, чтобы так прямо оспаривать предложения Хрущёва. Скорее всего, он приписал себе, тот ответ, который последовал на предложение Хрущёва из Кремля. Но, тем не менее, всё это звучит крайне показательно.

В результате, подавить бандеровское движение удалось не военной, а финансовой силой. Дело в том, что, отступая летом 1944 с территории Западной Украины, немцы оставили бандеровцам не только громадные запасы оружия, боеприпасов и продовольствия, обмундирования, бумаги и типографского оборудования, но и, что самое главное, громадные денежные средства – около 50 миллиардов тогдашних советских рублей. Именно эти деньги помогли существовать бандеровскому движению в 1944 – 1948 годах в условиях почти полной изоляции от Запада и от его помощи.

Решающая роль этих денег в выживании бандеровского движения в 1944 – 1948 годах свидетельствует также и о том, что в сталинском СССР этого периода отсутствовал не только социализм (в котором крупные суммы наличных денег невозможно использовать физическим лицам и негосударственным структурам), но и всеобъемлющая государственная собственность, так называемый государственный капитализм. Но, при этом очевидно, имели место довольно развитые рыночные отношения, без которых,

например, Шухевич вряд ли смог бы регулярно лечиться на одесских курортах, а его телохранилище – снимать номер в московском «Метрополе».

В результате бандеровское движение постепенно пошло на спад, начиная, только с конца 1948 года, но не в результате операций МГБ, МВД, внутренних войск, а в результате проведённой в СССР в декабре 1947, денежной реформы. В ходе этой реформы какую-то часть старых рублей бандеровцам удалось обменять на новые, но основная масса их денежных капиталов превратилась в никому, не нужные груды бумаги. Лишившись финансирования в прежних объёмах, бандеровское движение начало хиреть и распадаться под ударами органов госбезопасности СССР.

Ну, что можно сказать по поводу всего вышеприведённого? Только вспомнить слова известного русского революционного мыслителя XIX века Д. И. Писарева, дававшего следующую характеристику либералам, которая вполне применима и марксизму, как разновидности левого либерализма: «Они были очень довольны собой, противоречия их не смущали. Они, то отвергали принцип, но допускали его последствия, то отвергали последствия, но допускали принцип». (Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. – М.: Госполитиздат, 1949. – С. 605, 608-609.)

А теперь – ещё одна цитата из Писарева, о политике - либерале и о либерализме вообще, как левом, так и правом. И пусть читатель сам посмотрит, насколько Сталин и его режим подходят под даваемое в ней определение.

Эта цитата из работы Писарева «Идеализм Платона»: «Когда говорят о Платоне, то всякий развитый человек понимает, что от него нельзя требовать того, что мы требуем от любого современного студента. Но, признавая его сыном своей эпохи, мы не можем относиться с почтительностью и вежливостью к его нравственным и политическим теориям. Платон захватывает в своих исследованиях такие вопросы, которые постоянно на очереди и которые каждое поколение решает по-своему. Платонизм есть религия, а не философия, вот почему он под различными наименованиями живёт и теперь. На всех сочинениях Платона лежит печать самой фантастической и, в то же время, спокойной веры в непогрешимость своей мысли и в действительность вызванных ею призраков. Пока Платон остаётся в сфере отвлечённой мысли или, вернее, свободного вымысла, он является чистым поэтом. Когда, он входит в область уже существующего, он становится доктринёром. Доктринёрство Платона идёт вразрез с действительностью и даже собственным жизненным опытом. Платон не смотрит на то, что даёт жизнь, он не ощущает естественных стремлений человеческой природы. Да и к чему её изучать? Абсолютная истина, в существование которой он верит, находится в тех сферах, куда может залететь только пылкое воображение, но куда не приведёт критическое исследование, основанное на изучении фактов. Вследствие этого Платон говорит, нужно думать так-то, делать то-то, стремиться к тому-то. Эти приказания отдаются человечеству с высоты философской мысли и не допускают никаких комментариев, возражений, и требуют безусловного повиновения. Черты народного характера, коренные свойства человеческой природы возмущаются против этих указов Платона, но это несколько не смущает гордого мыслителя, упоённого созерцанием своих теорий. Всё, что несогласно с его инструкциями, признаётся ложным, случайным, незаконным, препятствующим общему благу всего человечества. Не будучи в состоянии внести строгое единство даже в мир собственной мысли, он хочет подчинить неизменным законам все явления человеческой жизни. На место живого развития жизни Платон хотел поставить неизменное и неподвижное создание своей мысли. Колоссальные ошибки в области

отвлечённой мысли происходят от сознательного презрения к свидетельствам опыта. Стремясь вынести истину из глубин духа вместо того, чтобы рассмотреть и изучить её в конкретных явлениях, Платон не понял, что, пренебрегая опытом и конкретными явлениями, нельзя понять истинного смысла исторической и государственной жизни. Он взялся за решение практических вопросов, не умея их даже поставить, как следует. Его попытки в этой области слабы и несостоятельны, они распадаются от малейшего соприкосновения с критикой. В этих попытках нет ни разумной любви к человечеству, ни уважения к отдельной личности, ни единства цели, ни нравственной высоты идеала. Платон даёт обществу такое устройство, которое делает невозможным не только существование идеала, но даже стремление к нему. Пресловутый идеал Платона, поэтому есть игрушка праздного воображения. Демократическая форма правления ему противна как человеку, считающему себя неизменно выше массы по умственному и нравственному достоинству. Платон прямо высказывает убеждение, что если нужно согласие масс народа, то никакие самые благоразумные учреждения не могут быть никогда приведены в действие. Сознющий свои обязанности правитель должен поступать с зависимыми от него людьми как благоразумный врач, не спрашивающий их согласия на даваемое им горькое, но полезное лекарство. Платон не мог считать, что большинство народа будет покорно терпеть власть мудрецов, а поэтому для своего государства он предусматривает отдельное сословие воинов, которые не столько бы защищали государство извне, сколько бы поддерживали порядок внутри него. Поэтому Платон, запрещая ложь частному человеку, допускает обман как средство управления в руках властителей. По понятиям Платона, со стороны правителей не существует обязанностей по отношению к подданным. Обман, насилие, произвол допускаются как средства управления. Законы нравственные, обязательные для частных лиц, теряют обязательную силу для государственных деятелей. Они должны быть мудрыми, но право судить об их мудрости предоставляется одному только богу. Сумасброднейшие деспоты, к счастью для своих народов, не были философами. Они казнили людей для развлечения, но, по крайней мере, они не старались систематически развращать своих сограждан. Просвещённые деспоты оказывали на своих подданных сознательное влияние. Им, как и Платону, были ненавистны критика и сомнения. Нравственной опорой им, как и Платону, служила вывеска народного блага, материальной поддержкой служило войско. Эти правители, подобно мудрецам идеального государства Платона, считали себя людьми, призванными быть воспитателями и врачами неразвитого и больного человечества. Принцип, проведённый Платоном в его трактатах о государстве и законах, является основой европейской цивилизации». (Д. И. Писарев Избранные философские и общественно-политические статьи... - С, 39, 42, 45-46, 60, 63-66.)

Часть 7. Подводя итоги или о том, что интернационализм уместен только в отношении к интернационалистам, а национализм к националистам

Подводя итог всему вышеизложенному, можно отметить, что по настоящему социалистического тоталитарного государства, о котором думал ещё в своё время Пётр I, называя его «регулярным государством», в СССР никогда ещё не было. Попытка его создания в СССР, в 1917-1920 и в 1937-1938 годах потерпела неудачу.

Причина этой исторической неудачи, заключалась именно в том, что в теле русского коммунизма (большевизма), оказалось слишком много вирусов европейского левого либерализма в виде марксизма и более поздней его разновидности – троцкизма. И если троцкизм удалось преодолеть и уничтожить, то марксизм не только остался, но и его продолжали объявлять одним из краеугольных камней официальной идеологии в СССР.

Этого всего не произошло бы, если бы были сохранены те основы русского коммунизма, которые заложили в 18 веке Десницкий и Радищев, развивали в 19 веке левые декабристы во главе с Пестелем, а затем Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Ткачёв, Салтыков-Щедрин, Некрасов. Но, откат от этих тенденций начали ещё в 60-70-е годы 19 - го века народники, позаимствовавшие на Западе в качестве философской основы своей идеологии либеральную философию позитивизма Конта и аналогичную социологию Спенсера.

Продолжили этот откат, сначала провозгласивший себя «первым русским марксистом» Плеханов, а затем, как это ни печально, также и Ленин. Ленин, говоря о том, что «Чернышевский его всего глубоко перепахал», тем не менее, отнёс как самого Чернышевского, так и его учителя Белинского к «утопическим социалистам» и «основателям народничества».

Такой глубокий разрыв с русской коммунистической традицией и привёл к леволлиберальному перерождению СССР, вершиной чего стала горбачёвщина, а затем гибель самого СССР.

Что же касается интернационализма, то он имеет право на существование, но в очень ограниченном спектре политического применения. На практике интернационализм может существовать, только со стороны одной революционной нации по отношению к другой (другим) революционным нациям. В то время, как по отношению к контрреволюционным нациям, со стороны нации революционной, возможна только беспощадная борьба.

Что, касается конкретной степени беспощадности этой борьбы, то она определяется исключительно, степенью контрреволюционности той или иной нации. И если степень этой «национальной контрреволюционности» очень высока, то дело может дойти и до полного уничтожения «контрреволюционной нации». Если, говорить короче, то в реальной жизни: **«Интернационализм можно проявлять, только по отношению к интернационалистам».**

Глава IX «Троцкизм» – как, логическое продолжение и закономерное завершение марксизма

Часть 1. Два источника и две составные части первоначального «троцкизма»

Если, рассматривать, то, что именуется троцкизмом, как политическое явление, и говорить о нем высоким стилем, то понятие «троцкизма», можно определить, следующим научно – историческим образом, а именно: «Троцкизм – это, марксизм эпохи империализма, и мировых империалистических войн первой половины 20 – го века».

А, если после этого, определения, выполненного, в возвышенно – научном стиле, перейти, к просто научному, то история возникновения, данной новой леволлиберальной идеологии, которая получила странное название «троцкизм», хотя сам Троцкий, внес в его создание наименьший вклад, будет выглядеть, следующим образом.

Подготовка европейскими банкирами, на рубеже 19 – 20 - го веков, глобального переустройства, тогдашнего мира, которое по их замыслам, должно было быть произведено, с помощью мировой войны, и, последующей мировой революции, для своего успешного осуществления, требовало среди прочего, так же и соответствующей

новой идеологии, и новой политической силы, которая стала бы данную идеологию, практически применять, с тем, чтобы возглавить и довести до конца, процесс подведения политических итогов, этих предстоящих глобальных военных и связанных с ними политических потрясений.

А, поскольку, эти, готовящиеся, тогдашним европейским финансовым капиталом, глобальные или как минимум общеевропейские потрясения, должны были иметь, небывалый до этого революционный характер, то, и соответственно, эта новая идеология и выражающая ее политическая сила, так же должны были быть, с одной стороны революционными, и даже ультрареволюционными, и, в то же самое время, полностью подконтрольными, находящимися в постоянном режиме оперативного управления, со стороны своих реальных создателей – европейских банкиров.

Создание новой псевдореволюционной идеологии, было для европейских банкиров, тем более актуальным, что прежние европейские левые идеологии, созданные ими ранее в середине 19 – го века, в лице анархизма и марксизма, для этой цели уже не подходили, и могли играть в предстоящих грандиозных событиях только вспомогательную роль.

Причины, этого заключались в том, что европейский марксизм, который никогда изначально, не был по – настоящему революционным, к этому времени уже потерял последние остатки, даже своей внешней революционности, выродившись, в чисто реформистскую европейскую социал – демократию, которая в реальности, боялась любой революции как огня, и, в лучшем случае мечтала о приходе к власти, исключительно мирным путем, а, то, во многих случаях, и не мечтала, о такой перспективе, и вовсе.

В свою очередь – анархисты, хотя и сохраняли внешнюю боевитость, приобретенную, после Прудона, усилиями прежде всего Бакунина, по своей, заложенной при их создании сути, не имели для этой предстоящей цели, необходимых качеств, а именно: централизации, дисциплины и массовости.

Исходя из всего этого подгоняемые как субъективными, так и объективными причинами, евробанкиры решили, что называется, не мудрствовать лукаво, а пойти по самому простому пути, начав создавать как новую революционную идеологию, так и ее политических носителей и выразителей, из уже имеющихся под их контролем левых политических сил, то есть из социал – демократов и анархистов, путем выделения из них еще более левых фракции, их объединения, и последующего политико – идеологического синтеза.

По замыслу своих реальных создателей, это новая европейская левая идеология и политическая сила, взяла бы от анархистов радикальную революционность, а от социал – демократии – солидную теоретическую подготовку, массовость, централизованность и партийную дисциплину.

Для выработки подобной, новой синтезированной революционной идеологии, евробанкирами, довольно быстро, была найдена очень подходящая для подобной цели фигура. Это был Карл Каутский (1854 – 1938), который по своей политической биографии был прямо – таки личным воплощением, этого предстоящего синтеза. В довольно – таки юном возрасте, он, проживая в Вене, вступил там в одну из анархистских организаций, затем спустя несколько лет, уже в 20 – летнем возрасте, там же в Вене, стал членом Социал – демократической партии Австрии. Вскоре, после этого, он, покинул Австрию и

переехал на постоянное место жительства в Германию, в Берлин, где стал уже германским социал – демократом.

В рядах германской социал – демократии Каутский довольно быстро несмотря на молодой возраст проявил себя как видный теоретик, и вскоре попал, под персональную опеку самого Энгельса, став вместе с Бернштейном, одним из его последних учеников.

Все, это позволило ему, сделать в германской социал – демократии стремительную карьеру, став в последние годы жизни Энгельса, наряду с ним, неофициальным идеологом Социал – демократической рабочей партии Германии, а так же, в определенной степени, и всей тогдашней европейской социал – демократии. (Большая Советская Энциклопедия (1-е издание) – М., 1937 - т.31. – столбцы 803 – 804.)

Подводя итог данной части нельзя, не отметить, что подобные особенности рождения будущего «троцкизма», все же не ускользнули от внимания, некоторых, пусть и отдельных представителей советского обществоведения. Так, например Махмуд Худайкулов, в своей, докторской диссертации, изданной позже в виде монографии, анализируя работу В. И. Ленина «О новой фракции примиренцев или добродетельных», написанную в 1911 году, сделал вывод, что даваемые в ней характеристики троцкизма, вполне применимы и к анархизму. (М. Худайкулов Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом – Ташкент: издательство «Узбекистан», 1984. – с.9.)

Так же, к аналогичным выводам пришел и такой известный советский исследователь анархизма как Серафим Никифорович Канев, в своей, фундаментальной работе «Революция и анархизм» - М.: «Мысль», 1987, которая, после своего появления из печати, получила очень широкую известность среди исследователей данной темы.

Часть 2. Теория «ультраимпериализма» Карла Каутского и Рудольфа Гильфердинга, как политэкономическая и политическая основа троцкизма

Основой для разработки Каутским, в интересах евробанкиров, новой европейской революционной идеологии, стала, созданная им еще до этого банкирского заказа, совместно со своим учеником Рудольфом Гильфердингом (1877 – 1941), так называемая «теория ультраимпериализма».

Согласно, этой теории, создание на рубеже 19 – 20 – го веков европейским финансовым капиталом, целой сети транснациональных банков и промышленных корпораций, дает возможность примирить, а в перспективе и полностью ликвидировать, соперничество и противоречия между всеми более – менее развитыми капиталистическими государствами, и тем самым устранить причины войн между ними.

Сам Каутский, по этому поводу писал, следующее: «Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала - все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистской, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально - объединенным финансовым капиталом» (газета «Neue Zeit» - 30 апреля 1915 года - №5).

Каутский полагал, что капитализм, способен в ближайшее время, достичь полного объединения мирового рынка. По его мнению, такое объединение выльется в создание единого мирового финансового треста (ведь финансовый капитал наиболее подвижен и менее других привязан к конкретным производствам). Этот всемирный банк, вытеснит соперничество и борьбу, связанную с функционированием национального капитала, взломает политические и экономические границы государства и станет регулировать, всю мировую экономику и политику.

На основе, «теории ультраимпериализма» Каутский отрицал, не только обострение, но даже и само наличие неравномерности развития капитализма в различных странах в эпоху империализма, и, прежде всего наличия подобной неравномерности развития, в тогдашних великих империалистических державах. Кроме того, свою «теорию ультраимпериализма» Каутский, использовал для реанимации, одного из основных положений марксизма, о неизбежности мировой социалистической революции или как минимум, для начала социалистической революции в масштабах Европы.

Что, касается ученика Карла Каутского – Рудольфа Гильфердинга, то он, помимо политэкономии «ультраимпериализма», так же занимался в рамках этой теории и тем, что в СССР, именовалось – теория научного коммунизма. Этим двум направлениям своих научно – политических интересов, он посвятил свою книгу «Финансовый капитал», которая была завершена им в 1910 году и тогда же издана. Многие его современники, прежде всего, конечно, из числа его партийных товарищей, сразу же назвали этот, довольно – таки фундаментальный труд, прямым продолжением марксова «Капитала», применительно к эпохе империалистической стадии капитализма.

Эта книга, по своему содержанию, практически с самого начала стала почти неприкрытой апологией тогдашнего европейского финансового капитала, когда Гильфердинг, в ней, указывал на то, что с развитием капитализма различные монополии наделяются властными полномочиями, и в результате национальные границы становятся, все менее проницаемы для иностранных товаров. В результате, по его мнению, этот протекционизм может обернуться жесточайшим экономическим кризисом и мировыми войнами, и, только лишь вмешательство предлагаемого им к созданию «Мирового Центрального банка» способно сгладить эти противоречия или даже свести их к нулю.

Одним из главных элементов содержания данного труда Гильфердинга, стала назойливая пропаганда, того, что можно назвать «банкирским социализмом». Эту свою проповедь теории «банкирского социализма» в книге «Финансовый капитал» Гильфердинг, начал вот с такого, сравнительно невинного пассажа: «С развитием, банковского дела, с углублением связи между банками и промышленностью, усиливается тенденция, к устранению конкуренции между банками и концентрация всего капитала, в виде денежного капитала. В своем последовательном развитии, эта тенденция привела бы к тому, что один банк или группа банков, получила бы в свое распоряжение весь совокупный денежный капитал. Такой «Центральный банк», осуществлял бы, контроль над всем производством». (Р. Гильфердинг Финансовый капитал – М.: «Соцэкгиз», 1959. – с.243.)

То есть, таким образом, Гильфердинг, ненавязчиво подводил читателя к мысли, что фактическая национализация крупных капиталов, начинается банками, без всякой насильственной социалистической революции, еще при империализме.

Ну, а дальше – больше: «Но если капитал, не в состоянии, проводить теперь, никакой политики, кроме империалистической, то пролетариату не приходится противопоставлять ей политику, той эпохи, когда промышленному капиталу принадлежало единодержавие. Социализм, престаёт быть, отдаленным идеалом, перестаёт быть даже конечной целью, он становится общественным элементом, непосредственной практической политики пролетариата». (Р. Гильфердинг *Финансовый капитал* ... - с.474.)

Далее, проповедь «банкирского социализма» у Гильфердинга, идет, что называется по - нарастающей: «По своим общим тенденциям, финансовый капитал, означает установление общественного контроля над производством. Выполняя функции обобществления производства, финансовый капитал, чрезвычайно облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал, поставил под свой контроль, важнейшие отрасли производства, то достаточно, чтобы общество, через свой исполнительный орган – завоеванное пролетариатом государство, овладело финансовым капиталом. Создавая, организационные предпосылки социализма, финансовый капитал, облегчает переход к нему, и, в политическом отношении». (там же – с.475 – 476.)

И, наконец, полный апофеоз – это, последний абзац данной книги Гильфердинга, в которой сосредоточена вся суть «теории ультраимпериализма», вообще: «Финансовый капитал, в его завершении – это, высшая ступень полноты политической и экономической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он, завершает диктатуру магнатов капитала. Но, он же делает диктатуру национального капитала одной страны, все более, несовместимой с капиталистическими интересами другой страны, и господство капитала в любой стране, все более, несовместимым с интересами народных масс, эксплуатируемых финансовым капиталом, им же пробуждается к борьбе. В мощном столкновении враждебных интересов, диктатура магнатов капитала, превращается в диктатуру пролетариата». (там же – с.478.) Последние строки данного последнего абзаца, этой книги Гильфердинга, можно вообще оставить без комментариев.

Что касается Каутского, то, помимо разработки по заказу евробанкиров, основных элементов новой революционной идеологии, в его задачу, так же входила и кадровая работа в этой сфере, а именно – подготовка идеологов и теоретиков рангом ниже и способных не только теоретизировать, но и воплощать, его и свои теории в политическую практику.

Часть 3. Теория «перманентной революции» Розы Люксембург и Александра Парвуса

Первым из таких кадров, подобранных Каутским, который гармонично сочетал в себе все вышеуказанные качества, стала Роза Люксембург, его ученица и давняя сподвижница.

По поводу, роли Люксембург в создании и дальнейшем развитии того, что впоследствии получило неверное название – «троцкизм», первое издание Большой Советской Энциклопедии, сообщает следующее: «Роза Люксембург (1871 – 1919), родилась в городе Замостье (русская часть Польши) в буржуазной еврейской семье. В 1886 – 1888 годах - член польской партии «Пролетариат». После разгрома, этой партии властями, в 1888 году, эмигрирует в Швейцарию. В 1888 – 1897 годах – студентка Цюрихского университета. В 1897 году, получила в этом университете степень доктора экономических наук. В том же году переехала в Германию, где вступила в социал – демократическую партию, и вскоре стала видным деятелем её левого крыла. По

отношению, к борьбе русских большевиков с оппортунизмом, Люксембург, неоднократно занимала, политически вредную позицию, скатываясь к меньшевизму. Она, долгое время находилась под влиянием Каутского, от которого заимствовала, изрядный груз, центристских, полуменьшевистских взглядов. В 1905 году, Люксембург, вместе с Парвусом, сочинила утопическую схему «перманентной революции». В дальнейшем, эта схема была подхвачена Троцким, и превратилась в орудие борьбы с ленинизмом». (Большая Советская Энциклопедия (1 – е издание) – М., 1938. – т.37 – столбцы 548 – 550.)

Тут сразу надо отметить, что годом ранее, в 1937 году, Сталин, в своем докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года, о политической и идеологической деятельности и роли Розы Люксембург, выразился намного более, резче: «Политические теории Люксембург – это, основа идеологии троцкизма» (И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах, по ликвидации троцкистов и иных двурушников» - М.: Госполитиздат, 1937. – с.11.)

Другое высказывание Сталина, по этому же поводу носило, ещё более резкий характер: «Левые в германской социал-демократии, Парвус и Роза Люксембург, сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции. В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма» (Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция». – И. Сталин Сочинения - т. 13 - с. 84 -102.).

Правда, в связи со столь откровенным высказываниями Сталина по поводу того, что Люксембург, является основоположницей – троцкизма, очень странным выглядит тот факт, что после этого на протяжении последующих 16 лет, то есть до самой смерти Сталина, во всех более – менее крупных населенных пунктах тогдашнего Советского Союза, одна из улиц обязательно носила имя Розы Люксембург. И, кстати, улицы с этим именем продолжают так сказать топонимику многих городов бывшего СССР и в настоящее время, спустя более 20 лет после его распада.

Но, однако, вернемся к теме. Из всего вышеизложенного следует, что знаменитая теория «перманентной революции», создание которой советское обществоведение, особенно после смерти Сталина, приписывало целиком и исключительно Троцкому, на самом деле создали совершенно другие люди. Это, прежде всего Роза Люксембург, которая воздвигла в общих чертах её здание на основе теории «ультраимпериализма Каутского и Гильфердинга, с последующими, очень немаловажными, но все же, только дополнениями Александра Парвуса.

Как тут, по этому поводу, не вспомнить один из анекдотов брежневской эпохи, про это самое официальное советское обществоведение. Анекдот очень короткий, но на редкость содержательный и выразительный: «Я, раньше думал, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс – это муж и жена, а оказалось, что, это четыре совершенно разных человека».

После создания Розой Люксембург, в общих чертах теории «перманентной революции», дальнейшая главная роль в ее развитии и создании ряда других основ, того, что позже получило наименование «троцкизма», принадлежало, другому политэмигранту из пределов Российской империи - Александру Парвусу (Гельфанду).

Первое (сталинское) издание Большой Советской Энциклопедии, биографию Парвуса (Гельфанда), дает почему – то не в пример скупее и намного суше, чем Розы Люксембург: «Парвус (Гельфанд) А. А. (1869 – 1924). Родился в России. В 1886 году эмигрировал из России в Швейцарию, затем переехал в Германию, где стал членом социал – демократической партии. Примкнул к её левому крылу. Боролся с правыми ревизионистами из группы Бернштейна. Быстро выдвинулся, как крупный марксистский теоретик и специалист по вопросам мировой экономики. До 1903 года поддерживал ленинскую группировку среди российских социал – демократов. С 1903 года стал поддерживать меньшевиков. Один из руководителей Первой Русской революции 1905 – 1907 годов. В её выдвинул лозунг «Без царя, а правительство рабочее», который позже стали приписывать Троцкому». (БСЭ (1 – е издание) – т.44 – столбцы 159 – 160.)

Гораздо более подробную и красочную, но ужасно неполиткорректную политическую биографию Парвуса, с точки зрения официальной советской историографии, дала в своей книге «Железная женщина», известная дореволюционная российская масонка Нина Берберова.

В изложении Берберовой политическая биография Парвуса, и его участие в создании той идеологии, которую позже, почему – то нарекли «троцкизм», выглядит следующим образом: «В 1886 году Парвус уехал из России в Швейцарию, где учился в университетах Базеля, Бёрна, Цюриха. В Цюрихе, он знакомится с российскими социал – демократами Плехановым, Засулич, Аксельродом, которых он покорила своим энтузиазмом и ненавистью к царской России. Они, как впрочем, и все, кто знал его в молодые годы, удивлялись его уму, энергии, фанатизму, который впрочем, не мешал ни ясности мысли, ни способности к теоретическому мышлению. Переехав затем в Германию, он вступил в социал – демократическую партию, и уже, через год был своим человеком в доме Розы Люксембург, где познакомился с Бебелем, Каутским, спорил с Бернштейном. Вскоре, он стал редактором, одной из германских социал – демократических газет «Арбайтер цайтунг». (Н. Берберова «Чайковский. Железная женщина» - М.: издательство имени Собашниковых, 1999. – с.374.)

Говоря о создании Парвусом «троцкизма», Берберова писала о нём, следующее: «Он покровительствовал, прибывшему в 1903 году, в Германию, молодому Троцкому. От Парвуса, Троцкий позаимствовал идею «перманентной революции». Перманентная революция должна была начаться всеобщей политической стачкой. Всеобщая политическая забастовка и разрушение государства должны были начаться в России. Затем, её примеру должны были последовать другие страны. Парвус говорил, что через несколько лет в Европе должна будет начаться война, и эта война будет способствовать распаду капитализма. Россия, эту войну проиграет, и тогда Россией будет дан сигнал, к падению европейских монархий. Парвус и Троцкий, стали настолько близки, что в 1904 году, в Мюнхене, Троцкий жил у него с женой». (Н. Берберова «Чайковский. Железная женщина»... - с.374 – 376.)

Далее, Берберова указывала, на ведущую роль Парвуса, в организации и проведении Первой Русской революции 1905 – 1907 годов, в ходе которой, он на практике отработывал созданную Каутским, Люксембург, и им самим, эту самую новую революционную идеологию и политическое направление, которые, в дальнейшем стали назвать – «троцкизм». По этому поводу, Берберова, писала следующее: « Когда наступил 1905 год, Парвус и Троцкий, по фальшивым паспортам прибыли из Германии в Россию, в Петербург. В мае и октябре 1905, по их рецептам в России состоялись первые в мировой

истории всеобщие политические забастовки. Вскоре Троцкий стал председателем Петербургского Совета, а Парвус, его заместителем. После ареста Троцкого, Парвус занимает его место и становится председателем Петербургского Совета, но вскоре, он был так же арестован. Вместе с Троцким его ссылают в Сибирь, откуда они поочередно бегут в Германию». (Н. Берберова... - с.376 – 377.)

Дальнейшая деятельность Парвуса в интересах, подготавливаемой евробанкирами Первой Мировой войны, выглядела следующим образом: «Вскоре после бегства из России, Парвус перебирается из Германии в Турцию, где живет в Стамбуле, представляя интересы Круппа. Вскоре, там, он одновременно с Крупом, начинает представлять интересы международного торговца оружием – греческого коммерсанта Базиля Захарова. Он налаживает тесные связи, с только что пришедшими в Турции к власти националистами – «младотурками». Он становится экономическим редактором центральной газеты «младотурок». Затем, он получил высокую должность в турецкой военной разведке». (Н. Берберова... - с.380.)

Непосредственно перед началом Первой Мировой войны, Парвус был назначен евробанкирами, главным координатором их политики в отношении России. Вот, как, это событие своим живым и образным языком характеризовала Берберова: «В партиях ему разбираться было некогда. Поддерживая отношения с русскими эмигрантами в Швейцарии, он искал среди них пораженцев и сторонников раздела России по национальностям, и финансировал их. Главной задачей Парвус считал – оторвать от России, Украину. (Н. Берберова... - с.380 – 381.)

Для дальнейшей разработки своих теорий и геополитических проектов, а так же обработки и анализа поступающей информации, вскоре после начала Первой Мировой войны, Парвус, открыл в Копенгагене - столице, нейтральной тогда Дании, так называемый «Научно – исследовательский институт по изучению последствий войны». Затем, подобные «институты», а точнее группы экспертов численностью от 5 до 15 человек, были созданы им в Германии, Швеции и Турции. (Н. Берберова... - с.381.)

В 1917 году, Парвус начал осуществлять новый гигантский проект, с целью реализации, необходимых для евробанкиров, последствий Первой Мировой войны. Суть этого проекта, заключалась в создании первого, в тогдашнем мире международного газетного концерна. Этот международный газетный концерн должен был состоять, из более чем двухсот газет, которые бы издавались на территории стран образовавшихся бы на обломках бывшей Российской империи, а так же в Китае, Японии и Афганистане. (Н. Берберова... - с.384.)

Так же по утверждению Берберовой, к 1917 году, Парвус создал в руководстве партии большевиков, сплоченную антиленинскую группу своих марионеток в лице Бухарина, братьев Пятаковых, Шляпникова и некоторых других. После свержения монархии в России, к этой группе присоединились, вошедшие в состав руководства большевиков, такие бывшие левые меньшевики (социал – демократы), как Коллонтай, Радек и Раковский. (Н. Берберова... - с.382, 384.)

Отдельно вошел в руководство партии большевиков в мае 1917 года, прибывший месяцем ранее из США, Троцкий, с группой своих сторонников.

Часть 4. «Троцкизм» Троцкого

Если Парвус, занимаясь Россией, так сказать вообще, глобальном геополитическом аспекте, то его ученик и соратник Троцкий (Бронштейн), занимаясь исключительно, тогдашней российской социал – демократией, с целью сделать её послушным инструментом в руках европейских банкиров.

С этой целью, он в период 1906 – 1913 годов, постоянно инициировал, в её среде, так сказать «объединительные процессы», пытаясь объединить на основе своей центристской программы, в некую аморфную и рыхлую массу её правое и левое направления, и, прежде всего все разновидности и течения, тогдашних большевиков и меньшевиков.

Потерпев, неудачу в своих первых попытках на этом поприще, Троцкий решил, в дальнейшем осуществить этот процесс, путём раскола большевиков и последующей изоляции Ленина и его наиболее верных соратников, как слишком независимых и неуправляемых.

В 1908 году, Троцкому, частично удалось добиться этой цели, когда из числа отколовшихся от партии большевиков членов так называемой фракции «отзовистов» ему удалось создать группу «Вперёд», в которую вошли, такие известные в то время большевики, как Алексинский, Луначарский, Богданов, Покровский и ряд других. (Очерки по истории СССР – М.: «Учпедгиз», 1954. – с.134, «Деятели СССР и революционного движения в России – М.: «Советская Энциклопедия», 1989. – с.270.)

После этого, Троцкий вновь принялся сгребать в одну массу, различные фракции меньшевиков, а так же антиленинские течения среди большевиков, польских и украинских социал – демократов. Подобным образом, в период 1912 – 1913 годов, ему на этой базе, удалось создать, так называемый «Августовский блок», который стал прообразом троцкистской партии в России, а если точнее, то, среди русских политэмигрантов в Европе.

Несмотря на эти, очень скромные успехи, Троцкого, тем не менее в России, вслед за Европой, к началу Первой Мировой войны, усилиями Каутского, Розы Люксембург, Парвуса и отчасти Троцкого, наконец – то сложилась в общих чертах, новая леволиберальная радикальная идеология и политическое направление, которое, спустя десять лет, в 1924 году, наконец обрело название «троцкизм».

Таким образом, окончательно созданная накануне Первой Мировой войны, данная идеология и политическое течение, в тогдашней левой части европейской и прежде всего германской, а затем и российской социал – демократии, отражало стремление евробанкиров, использовать, этот искусственно созданный левый радикализм и его новую революционную фразеологию для переустройства тогдашней Европы, а затем и остального мира в своих интересах.

Вот, что по данному поводу отмечалось, в статье «Троцкизм», в энциклопедии «Великий Октябрь и Гражданская война на Украине» - Киев, 1987, - с.556: «Троцкизм – враждебное ленинизму течение в рабочем движении. Маскирует, свою контрреволюционную сущность псевдореволюционной фразеологией. Для троцкизма, характерна социальная демагогия, авантюризм, безответственность. На этих элементах и основывается «теория перманентной революции», троцкизма. Революцию троцкизм видит, как волевой акт, не связанный с объективными условиями. Отсюда, установка на «экспорт революции», посредством «революционных войн». После Февральской

революции 1917 года в России, Троцкий снова выступил с «теорией перманентной революции», утверждая, что русскому рабочему классу нужен союз, не с русским крестьянством, а только лишь с международным пролетариатом, без победы которого невозможна социалистическая революция в России».

Другой энциклопедический источник, отмечает по данному вопросу, следующее: «Для троцкизма, характерны резкие переходы от ультрареволюционности к капитулянтству перед буржуазией». (Большая Советская Энциклопедия (3 - е издание) – т.26 – с.741 – 742.)

Тождество троцкизма с другими леволиберальными идеологиями и в первую очередь с марксизмом и основанной на нем европейской и значительной части российской социал – демократии начала 20 – го века, советская историография, сама того не подозревая определяла следующим образом: «Троцкизм для победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата, требует, чтобы рабочий класс составлял большинство населения страны». (БСЭ (3 – е издание) – т.26 – с.741 – 742.)

Целый ряд других признаков троцкизма, в конкретных ситуациях особенно чётко показывают его роль в качестве политического инструмента, тогдашних европейских банкиров. Так к примеру, стремление евробанкиров подольше затянуть Первую Мировую войну, с целью получения дополнительных прибылей, вызвало к жизни один лозунгов тогдашнего троцкизма: «Ни побед, ни поражений!». Аналогичным признаком, является тезис троцкизма о мировых войнах как локомотивах мировой революции.

Использование троцкизма для разжигания в интересах евробанкиров различных войн, кроме событий Первой мировой войны так же подтвердила и последовавшая затем Гражданская война в России в период 1917 – 1922 годов.

Началом этой войны стал вспыхнувший 25 мая 1918 года, мятеж чехословацкого корпуса, который со стороны тогдашнего руководства партии большевиков был организован Свердловым и Троцким. Причем Свердлов в этом деле выдвинул Троцкого для сокрытия своей руководящей роли в этом событии.

Троцкий, непосредственно и сознательно, спровоцировал, этот мятеж, послав местным Советам 25 мая 1918 года следующую специальную правительственную телеграмму, озаглавленную «Всем Советам по линии от Пензы до Омска». Эта телеграмма Троцкого, гласила следующее: «Все Советы по железной дороге обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железной дороге, должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь военнопленных. Местные военные комиссары обязуются выполнить этот приказ. Всякое промедление будет равносильно измене и обрушит на виновных суровую кару. Всем железнодорожникам сообщается, что ни один из вагонов с чехословаками не должен продвигаться на восток». (В. Цветков «Мятеж» - журнал «Родина» – 2001 – № 6 – С. 59.)

Для профессионально мыслящего историка, роль Свердлова в появлении этой телеграммы видна очень явно. Троцкий, будучи, на тот момент народным комиссаром по военным и морским делам, по своему положению в тогдашнем советском государстве, просто не имел права отдавать такой приказ местным Советам, тем более в столь угрожающей форме. Подобные приказы, Троцкий, имел право отдавать только местным военным комиссарам, поскольку местные Советы, ему никоим образом, не подчинялись.

Вертикаль Советов, в тогдашней России, возглавлял Свердлов, который на тот момент занимал должность председателя Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Очевидно, что председатели местных Советов, получив подобную телеграмму Троцкого, начали её исполнять, только потому, что хорошо знали, что на самом деле, её подлинный автор – это, их, непосредственном начальник Свердлов.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно вычленить, следующие характерные черты, той идеологии и политической практики, которая получила не совсем точное название «троцкизм», которые бы указывали на его функции политического инструмента, сначала в руках европейских, а затем с начала 20 – х годов – американских банкиров.

Таковыми основополагающими характеристиками троцкизма, являются прежде всего:

1) Постоянное отрицание необходимости политического союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, поскольку согласно троцкизму крестьянство – сила консервативная, а зачастую и реакционная, а поэтому, утверждали, троцкисты -русскому рабочему классу нужен политический союз не с русским крестьянством, а только лишь с международным пролетариатом, в первую очередь западным, без победы которого невозможна подлинная социалистическая революция в России.

Данный троцкистский постулат связан с давним и устойчивым взглядом их банкирских хозяев на крестьянство, как консервативную массу, хранящую самые глубинные национальные традиции, и поэтому объективно являющимся препятствием на пути к одной из главных банкирских целей по переустройству окружающего мира – уничтожению национальных государств. Кроме того, в случае с тогдашней Россией, по мнению сначала европейских, а затем в 20 – 30 – е годы американских банкиров, политический союз русского рабочего класса с русским трудовым крестьянством, неизбежно привёл бы к тому, что социалистическая революция в России, решала бы только проблемы своей страны, вместо того чтобы служить интересам международного банкиров.

В общем – то подобные опасения были вполне оправданы. Уже, в декабре 1924 года, выдвинув лозунг первоначального построения социализма в одной отдельно взятой стране в лице, тогдашнего СССР, Сталин, сразу осторожно намекнул на эту троцкистскую особенность: «Неверие в силы и способности российского пролетариата – такова почва для теории перманентной революции».

Близкий друг и соратник Сталина – Киров, был в это же самое время, по данному поводу, гораздо более откровенен: «Оппозиция обвиняет нас в том, что мы с вами настоящая кацапня, и дальше того, что есть в нашей стране, мы ничего не видим, мы, дескать, узкие националисты, ограниченные люди. А вот Троцкий и Зиновьев – это, настоящие интернационалисты».

Но, в дальнейшем Сталин, тоже начал высказываться достаточно открыто по этому вопросу: «Мы, должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, а была самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом на внутренний рынок, на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством, нашей страны». (И. Сталин Собрание сочинений – т.6 – с.378.)

В ответ основатель «троцкизма» Каутский, сразу же определили большевизм как «азиатизацию Европы». В дальнейшем эти идеи развил Л.Д.Троцкий, в отношении Сталина и его сторонников. Ну, а затем, эти же идеи развивала и обосновывала вся пропагандистская машина гитлеровской Германии.

2) «Революцию троцкисты видят, как волевой акт не связанный с объективными условиями». Данная позиция троцкизма связана с тем, что сначала европейские, затем и американские банкиры, а в настоящее время и глобальные банкиры устраивают те или иные революции исходя исключительно из своих личных интересов и возможностей, а не наличия или отсутствия объективных условий для необходимых им революций.

3) Троцкистский тезис о подталкивании «мировой революции» с помощью мировой войны, является ключевым в троцкизме, поскольку отражает соответствующие взгляды банкирских хозяев троцкизма, на допустимые способы влияния на ход исторического процесса.

4) «Для троцкизма характерны, резкие переходы от ультрареволюционности к капитулянтству перед буржуазией». Эта особенность троцкизма объясняется тем, что когда его хозяева – банкиры разжигают с его помощью выгодную им революцию, то тогда троцкисты революционны и если нужно, то и ультрареволюционны. Когда же цели той или иной радикальной революции, затеянной банкирами, по их мнению, достигнуты, и настало время её сворачивать, то банкиры дают троцкистам сигнал «отбой», и те для постороннего неискушенного взгляда «вдруг» начинают «стремительно праветь».

Часть 5. Современный троцкизм (неотроцкизм) и его особенности в конце 20 – го – начале 21 – го веков

События, протекающие в современном мире, на рубеже 20 – 21 веков, складываются таким образом, что судьбы государств нашей планеты и народов, их населяющих, во всё более, решающей степени определяются внешними факторами.

Главным и решающим из этих внешних факторов, является набирающий силу в настоящее время мировой цивилизационный кризис или лучше сказать - общемировой кризис развития.

Нынешний мировой кризис развития – это целый комплекс кризисов охватывающих все стороны жизни, как развитых, так и развивающихся стран. Поэтому преодоление его традиционными средствами становится невозможным, поскольку он является кризисом исчерпавшей себя модели современной западной цивилизации.

Основная причина, вызвавшая данный кризис - это крах под тяжестью внутренних противоречий «общества потребления», являющегося основой существования западной цивилизации, когда высокий уровень жизни населения основан на искусственно завышенном уровне потребления, который не соответствует имеющимся у этих государств ресурсно-сырьевой и производственной базе.

Дело в том, что в современной западной цивилизации, начиная с конца 50-х годов 20 – го века, уровень потребления в два раза превышает уровень производительности труда, а разница покрывается за счет стран «третьего мира». Единственным объяснением этого парадокса может быть только паразитическая эксплуатация сырьевых и трудовых

ресурсов развивающихся стран. Вот, такой «цивилизованный национал - социализм», без концлагерей и трудовых мобилизаций населения оккупированных стран.

Вполне понятно, что удержаться на этом пути долгое время невозможно, поскольку паразитизм ставший принципом существования, неизбежно обрекает на гибель того, кто ему следует.

Поэтому тип «общества потребления» – это не просто тупиковый вариант цивилизации – это угроза существования человечества вообще, поскольку по данным современной науки, если бы все человечество вдруг получило бы уровень жизни развитых стран, то имеющихся на планете природных ресурсов хватило бы только на 50-70 лет.

Таким образом, объективное содержание современного мирового кризиса развития состоит в происходящем стихийно общемировом процессе приведения в норму искусственно завышенного уровня потребления в развитых странах мира.

В свою очередь кризис в развитых странах неизбежно вызывает новые и усиливает старые кризисы во всем остальном мире. Так, например «перестройка» в СССР, была во многом, вызвана стремлением Запада получить доступ к новым дешевым источникам сырья и квалифицированной рабочей силы.

Пока шло противостояние в мире, между капитализмом и социализмом, международный финансовый капитал был вынужден мириться с такой вопиющей несообразностью, когда основная масса населения западных стран получает больше, чем производит, поскольку внутренняя стабильность была жизненно необходима в ходе внешнего противостояния.

Когда же к 1991 году, мировая социалистическая система была ликвидирована, тут же встал вопрос о преодолении данного вопиющего с точки зрения всех основ капитализма - противоречия.

До середины 90-х годов XX в. решение данной проблемы откладывалось за счет того, что достигнутый в западной цивилизации жизненный уровень поддерживался за счет использования результатов распада СССР, то есть грабежа и вывоза на Запад советских стратегических запасов сырья и материалов, накопленных в период 1945 - 1988 годов.

Но, к 1996 году, и этот резерв был исчерпан. Тогда кардинальное решение этой проблемы попытались отсрочить, путем организации финансового кризиса в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока в 1997 - 1998 годов. Из экономики этих стран, таким образом, было изъято несколько сот миллиардов долларов.

Одновременно с этим начались массовые слияния в экономике Запада, промышленных, торговых, финансовых корпораций-гигантов, с целью сокращения персонала и связанных с ним расходов на зарплату и целого ряда других накладных расходов.

Но эти меры, так же кардинальным образом не решали проблему необходимости значительного понижения жизненного уровня населения Запада. Этому снижению препятствует, сложившаяся в во второй половине 20 – го века социально-политическая структура западных общества, с их традиционными политическими конфессиями,

профсоюзами, религиозными конфессиями и другими формами организации и самоорганизации общества и государства.

Для достижения поставленной цели международному финансовому капиталу, нужно уничтожить традиционную общественно-политическую структуру современных западных государств. То есть произвести грандиозную мировую социальную революцию или, как сейчас говорят некоторые: «Произвести обрезание мировой и национальных элит».

А, поскольку распад любого общества приводит к выделению энергии не меньшей, чем распад атомного ядра, то подобная «мировая революция», не может не привести к новой мировой войне.

Эта третья мировая война будет значительно отличаться от двух предыдущих, являясь как бы слиянием наслаивающихся друг на друга крупномасштабных межгосударственных и гражданских войн, с различной степенью применения оружия массового поражения.

Практическая отработка сценария этой новой «мировой революции» была произведена в 1997-1998 годах в Индонезии. В этой стране, крах фондовой и валютной бирж, привел в течение полугода к трехкратному понижению жизненного уровня населения, что в свою очередь вызвало массовые беспорядки, а затем смену политического режима и начало процесса распада страны, который затем, с трудом, удалось остановить.

Распад крупных государств - это вторая по важности цель инициируемой мировым финансовым капиталом - «мировой революции», поскольку закабалить, а затем эксплуатировать малые государства, намного легче и удобнее, чем крупные и средние.

Другая цель сопутствующей «мировой революции» - мировой войны, это решение с точки зрения мирового финансового капитала, так называемой проблемы «перенаселенности планеты». Например, ядерная война Индии и Пакистана или применение запасов оружия массового поражения различными противоборствующими сторонами, в ходе предстоящей гражданской войны, например, в Китае.

Если рассматривать данную мировую тенденцию применительно к Российской Федерации, то в ней процесс постепенного перехода к этапу «обрезания элиты», начался в августе 1998, после финансового кризиса и прихода к власти правительства Примакова. Второй этап этого процесса начался с момента премьерства, а затем президентства Путина, приход которого к власти был намечен в конце лета 1997 года, когда стало ясно, что Лебедь для этой цели не подходит в силу личных качеств. Приход Путина к власти был обоснован в книге С. Норка «Инквизитор» — М.: «Вагриус», 1997.

Цель предстоящего «обрезания элиты» в Российской Федерации, которое было отработано в 2005 – 2010 годах и в Украине («Оранжевая революция») - переход от этапа «воровского капитализма» 1992-1998 годов, к этапу «цивилизованной эксплуатации» посредством «закона и порядка». Но этого ни в Российской Федерации, ни в Украине так и не удалось добиться, результатом чего стало резкое революционное обострение политической обстановки, в обеих странах в 2011 – 2012 году.

Отражением данного всемирного процесса, в идеологии и политике, стал идущий в последние годы «троцкистский ренессанс».

С 1998 года, с момента прихода к власти президента Уго Чавеса в Венесуэле, основным полигоном по возрождению троцкизма, в его самых различных видах стала Латинская Америка. Однажды, формируя очередной кабинет министров, венесуэльский президент Чавес, отметил среди своих новых министров, нового министра труда Хосе Рамона Риверо, которого он представил, как: «молодого, рабочего лидера. При этом, сам Чавес потом вспоминал об этом, так: «Когда я вызвал его к себе и предложил занять пост министра. Он сказал мне: Президент, я сперва хочу Вас предупредить. Я - троцкист». Я ответил: «Хорошо. Это вовсе не проблема. Я тоже троцкист! Я выступаю за линию Троцкого, за Перманентную революцию».

Незадолго до публичного провозглашения себя социалистом, на встрече в Мадриде, где он выступал на собрании рабочих и молодежи в штабе Рабочих Комиссий, Чавес приобрел книгу Троцкого «Перманентная революция». Вот, что по этому поводу, затем восторженно писал один из троцкистских публицистов: «Он заинтересовался идеями Троцкого, поскольку они показывали социалистический идеал, развенчивая сталинскую карикатуру на социализм, существовавшую в СССР. Примерно в то же время, в своем интервью Аль-Джазире, он пояснил, что, по его мнению, в СССР «не было социализма, что в нем были искажены идеи заложенные Лениным и Троцким, особенно после возвышения Сталина». (http://www.1917.com/International/Lat_Am/1168787171.html)

И так, этот самый мировой троцкистский ренессанс, а если говорить проще - возрождение троцкизма, как основной идеологии, подготавливаемой мировым финансовым капиталом «мировой революции», происходит сразу в нескольких направлениях. Первое - в виде «классического троцкизма», сторонники которого клянутся именем своего вождя везде, где только можно.

Второе - в виде разного рода организаций, подчеркнуто именующих себя марксистскими. Предшественниками, этого второго направления, ещё во времена СССР, была идеология так называемого «еврокоммунизма».

Это, возникшее, в конце 60 – первой половине 70 – х годов 20 – го века, идеологическое направление, представляло собой политико - теоретическое обоснование деятельности ряда коммунистических партий Западной Европы, в 70 - 80-х годах критиковавших руководство Коммунистической партии Советского Союза за сохранение концепции диктатуры пролетариата и связанную с этим недостаток политических свобод в СССР и, в странах, принявших советскую модель социализма.

При этом, еврокоммунизм декларировал верность марксизму, но не ленинизму. Еврокоммунисты формально не идентифицировали себя с социал - демократией, хотя и, отказались от большинства идеологических позиций научного коммунизма.

Предшественником еврокоммунизма была неотроцкистская идеология «титоизма», возникшая в Югославии в 50 – е годы 20 – го века, в виде так называемого «югославского социализма».

Название – этой идеологии происходит от фамилии, тогдашнего югославского лидера Тито. Идеология титоизма, возникла в Социалистической Федеративной Республике Югославии в результате разногласий между Тито и Сталиным и последующего политического раскола между СФРЮ и СССР.

Политика «титоизма» отличалась ориентацией на мирное сосуществование с капиталистическими странами, так называемым «неприсоединения» в отношениях с другими государствами и, прежде всего великими державами, социал-демократическим направлением внутренней политики (стремление ограничить власть компартии и так называемая «борьба с бюрократией», «рабочее самоуправление» и «рыночный социализм»).

Внутриполитической основой титоизма являлась, практика так называемого «самоуправления рабочих коллективов» теория коллективного труда предполагала, что решение о прибыли предприятия должно приниматься рабочим коллективом. Именно за это сторонники научного коммунизма обвиняли Тито в троцкизме и даже в фашизме итальянского образца («корпоративное государство» Муссолини)

Еврокоммунистическое течение в мировом социал-демократическом движении поддерживали наиболее популярные компартии Западной Европы. Среди них, были в первую очередь, такие крупнейшие европейские компартии того времени, как: Итальянская коммунистическая партия, Французская компартия.

После восстановления своей легальной деятельности в 1977 году к еврокоммунизму пришла и Коммунистическая партия Испании. Тогдашний лидер испанских коммунистов Сантьяго Карилльо выступил со страниц своей книги «Еврокоммунизм и государство», как главный теоретик данного учения. В то же время лидер Итальянской компартии Энрико Берлингуэр, считал создателем еврокоммунизма, Антонио Грамши – основателя Итальянской коммунистической партии в начале 20 – х годов 20 – го века.

Еврокоммунизм поддерживался также компартиями Швеции, Голландии, Великобритании, Австрии, а так же имел влияние и вне Европы - например, в политике компартий Японии и Австралии, а так же ряда левых партий в Венесуэле и Мексике.

Конкретными практическими проявлениями еврокоммунизма стали: политика «исторического компромисса» с христианскими демократами в Италии, поддержка французскими коммунистами социалиста Франсуа Миттерана во втором – решающем туре на президентских выборах 1974 и 1981 года, и принятие испанскими коммунистами пакта о национальном примирении (пакт Монклоа).

В дальнейшем на идеологию еврокоммунизма, как идейно – методологический источник перестройки и гласности в СССР, ссылался Горбачёв в своих мемуарах.

Третье направление современного троцкизма - это, так называемый, «правый троцкизм». Он, в отличие от двух предыдущих форм, не утруждает себя маскировкой из коммунистической фразеологии и является концентрированным выражением истинного лица троцкизма, как такового, то есть левореформаторского крыла мирового либерализма - идеологии мирового финансового капитала.

На мировой арене «правый троцкизм» к концу 90 – х годов 20 – го века представляли финансовый магнат Сорос и компьютерный магнат Гейтс. В Российской Федерации, «правый троцкизм», в тот же период времени представляли, партия «Яблоко», редактор «Независимой газеты Третьяков, ее публицист Белоцерковский. Был близок к «правому троцкизму» и один из очень влиятельных в то время российских олигархов - Березовский.

Среди примеров нового левого троцкизма в Российской Федерации с 1994 года и до настоящего времени (2012 год), в качестве одного из ярких примеров можно привести очень активную политическую деятельность Эдуарда Лимонова (Савенко). Он, эмигрировав в 1974 году из СССР в США, вскоре сблизился там с местными троцкистами, и, в период 1975 - 1976 годов, проживая в Нью – Йорке, был там активистом, одной из самых крупных, на тот момент, американских троцкистских партий, в лице, так называемой Социалистической рабочей партии (Socialist Workers Party). Свою деятельность в рядах американских троцкистов Лимонов, вскоре достаточно подробно описал в своем скандально известном романе «Это я – Эдичка», написанном там же в Нью – Йорке в 1976 году.

Вернувшись в Москву на постоянное место жительства вскоре после падения СССР, Лимонов по заданию своих западных хозяев приступил, к созданию новой новой левой партии, идеология которой представляла пеструю смесь собственно троцкизма и различных обломков левоэсеровской идеологии, для маскировки прикрытых спешно сконструированной идеями так называемого «национал – большевизма».

Однако русский народ, довольно быстро, на инстинктивном уровне, почувствовал эту замаскированную троцкистскую гниль и «Национал – большевистская партия» Лимонова начала стремительно терять свое прежнее влияние в среде российских левых традиционалистов, еще за несколько лет до того как российские власти решениями своих судебных инстанций запретили её в 2005 году, и затем подтвердили этот запрет 19 апреля 2007 года, объявив решением суда НБП, в качестве экстремистской организации.

Спустя, несколько месяцев после полного официального запрета партии Лимонова, ей на смену в качестве политического лидера движения российского левого неотроцкизма, пришла группа, ряда бывших идеологов и журналистов Коммунистической партии Российской Федерации во главе с Анатолием Барановым. Это произошло в июле 2007, когда Центральная контрольно-ревизионная комиссия КПРФ обвинила Баранова в «неотроцкизме». А затем 25 августа 2007 года его вместе с группой сторонников исключили из КПРФ, по обвинению в «неотроцкизме».

В этот день 25 августа 2007 года специально созданная комиссия Московского обкома КПРФ приняла решение рекомендовать первичной организации, в которой состоял, на тот момент А. Ю. Баранов, исключить его из партии с формулировкой «за антипартийную деятельность». Комиссия выяснила, что якобы Баранов никогда не вступал в КПРФ даже формально, его прием в партию не обсуждали на партийном собрании, ему никто не давал рекомендаций в партию для вступления - в общем, его членство в партии одно сплошное недоразумение.

Впрочем эта попытка продлить политическое существование левого неотроцкизма в Российской Федерации, не принесла особого успеха . Группа Анатолия Баранова, несмотря на мощную финансовую подпитку, так и не смогла превратиться в партию, не говоря уже о том, чтобы заменить собой потерпевшую до этого полный крах - Национал – большевистскую партию Лимонова.

Да, всё же сильны в русском народе здоровые политические инстинкты, и понимание, на инстинктивном уровне, того, что неотроцкисты Российской Федерации, своей склонностью к левой революционной фразе, прикрывают свое же упорное стремление к

союзу с различными либеральными течениями, вплоть до крайне правых, и тем самым, циничное и демонстративное игнорируют, коренные интересы и права русского народа.

Кроме, и помимо троцкизма, для идеологического обеспечения процессов своей очередной «мировой революции», мировые банкиры возрождают и такую ветхозаветную политическую древность, как анархизм и одновременно пытаются создать и нечто новое, как, например, так называемый «антиглобализм».

Подводя итоги всему здесь изложенному, можно отметить, что в целом, в современном мире второго десятилетия 21 века, как «классические троцкисты», так и современные марксисты, а так же и различные «неотроцкисты», анархисты и «новые левые» в лице антиглобалистов, которых в современном русскоязычном политическом пространстве именуют термином «лефтеши», от английского «left» - «левый», в своей идеологии и общественно – политической практике, уже давно, практически ничем не отличаются друг от друга, представляя собой одну сплошную леволиберальную массу.

Вот что по этому поводу говорилось в одном из материалов опубликованном в российском интернетпространстве в 2010 году, известным российским блогером, под ником kommari (<http://kommari.livejournal.com/>): «Коммунисты защищают интересы рабочих и крестьян, борются за создание социалистического общества. Они интернационалисты - для них нет национальностей, а есть конкретный трудящийся или буржуй. Для них нет абстрактных «прав» и абстрактных «народных обычаев». А вот господа лефтиши... Эти защищают кого попало: Этнические наркомафии и этнические бандформирования, считая это интернационализмом. Религиозных фанатиков с их «правами» на «национальные особенности» - от резанья баранов на улицах Парижа и ношения мешков ака хиджабы на головах и до клитероэктомии с калымами и педофилией. Это же «национальные обычаи», а их лефтиши шибко уважают. Уважают лефтеши так же и вечных сидельцев на пособиях (нет, не безработных, эти их мало интересуют), а обычных бездельников и тунеядцев не желающих работать. Ни при капитализме, ни при социализме. Любят они, так же и разного рода сексуальных извращенцев и их «права» на публичную пропаганду оных извращений. «Права животных» тоже их беспокоят. Особенно стай бродячих собачек, к примеру. В общем можно заметить - лефтиши это отвратительное извращение принципов интернационализма и пролетарского гуманизма и доведение этих идей до абсурда. Это пародия на коммунистов. И, я считаю, что лефтиши специально подкармливаются буржуазным обществом для дискредитации в глазах трудящихся всех социалистических и коммунистических идей».

Заключение

Подводя общие итоги данной работы можно, отметить следующее - марксизм, будучи наиболее левой версией классического либерализма, уходит корнями в его фундамент, а именно – в различные формы так называемой «светской религиозности», которые были инспирированы гуманистически понятым христианством, особенно так называемый «светский протестантизм».

Как показывает историческая практика традиционные европейские светско - философские версии христианства, то есть его переосмысление вне церковного контекста, могут иметь очень широкий теоретический разброс, вплоть до философии Просвещения. Поэтому как показывает содержания «Капитала» - этой библии марксизма, учение созданное Марксом и Энгельсом, находится в строгом соответствии с социальной и

экономической логикой либерального класса, которая направлена и заострена, в первую очередь против промышленного капитала. Сама марксистская идея, в её либеральной основе – это, прежде всего псевдонаучное обоснование необходимости подчинения промышленного капитала мировым финансовым структурам.

Поэтому, одна из отличительных черт работ Маркса и Энгельса – это, то ли элементарное невежество в области мировой истории, то ли её сознательная фальсификация в интересах тогдашнего европейского финансового капитала, который в то время выполнял глобальные функции. Одним из наглядных примеров этого была позиция Маркса и Энгельса по поводу хронологии формирования на нашей планете мирового рынка. Вот что по этому поводу писалось в коллективной монографии «Первый Интернационал» - М.: «Мысль», 1964. – с.13 – 14: «В результате притока золота с новых месторождений в Калифорнии (открыты в 1848 году) и Австралии (1851 год), объем мировой торговли менее чем за 20 лет вырос в 3 раза. Поэтому по поводу Энгельс писал, что в результате этого был создан мировой рынок, «существовавший до этого лишь в потенции» (К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – т.22 – с.273.)

В связи с этим, остается только поражаться степени, то ли невежества, то ли политической заганжированности основоположников марксизма, словно и не подозревавших о том, что мировой рынок был создан в почти на четыреста лет раньше в 1490 – 1560 годах, в ходе открытия Колумбом Америки, Васко да Гаммой – морского пути в Индию, а Магелланом – морского пути в Тихий океан и в конечном счете в Китай. Эти открытия привели к созданию в 16 веке Испанской и Португальской мировых колониальных империй, территории которых охватили половину земной суши, привели к открытию для европейской торговли рынков Южной, Центральной, а затем и Северной Америки, Индии, Китая. В Европу из испанских колоний в Латинской Америки хлынул поток золота ничем ни уступающий, тому каким в 19 веке был золотой поток из Калифорнии, Австралии и Аляски. Вот тогда – то и возник этот самый мировой рынок. Но этого Маркс и Энгельс признать не могли, ведь мировой рынок – это, капитализм, а согласно их теории: в 16 веке в Европе продолжал царить махровый феодализм, пусть, и находившийся в стадии разложения, и значит, никакого мирового рынка в 16 веке быть не могло.

Первые гениальные догадки о том, что марксизм является производным от либерализма, созданным в свою очередь для идейного руководства и удовлетворения идейных потребностей широких масс европейского мещанства или если по европейски то – буржуа, появились вскоре после возникновения самого марксизма, причём появились именно на Западе.

Так известный германский философ последней трети XIX века Фридрих Ницше в таких своих книгах, как «Так говорил Заратустра» и «Автобиография», немало места уделил рассмотрению проблем европейской (западной) версии коммунизма, которой являлся марксизм и предлагаемого им устройства будущего коммунистического общества.

В таком своём фундаментальном труде, каким был «Так говорит Заратустра» Ницше, подверг резкой критике присущие марксистской (западной) версии научного коммунизма потребительско - мещанские черты. В связи с этим, членов марксистской версии коммунистического общества Ницше называл **«последними людьми»**: **«Смотрите! Я показываю вам последнего человека. Земля стала маленькой, и по ней скачет последний человек, который всё делает малым. Род его неистребим, как род**

земляной блохи. Последний человек живёт дольше всех. «Мы нашли своё счастье», - говорят последние люди и моргают. Они покинули страны, где было холодно жить: ибо им нужна теплота. Они любят соседа и трутся около него, ибо нуждаются в тепле. Быть больным и недоверчивым считается у них грехом: ходят осмотрительно. Дурак тот, кто ещё спотыкается о камни или о людей! Иногда им нужно немного яду; он вызывает приятные сны. И, в конце концов, много яду для приятной смерти. Ещё они работают, потому что работа – забава. Но заботятся о том, чтобы эта забава их не утомляла. Нет больше бедных и богатых. И то, и другое слишком затруднительно. Кто ещё хочет управлять? Кто ещё повинуется? И то и другое слишком затруднительно. Ни одного пастыря, одно только стадо. Каждый стремится к равенству, все равны: кто чувствует не так, тот добровольно идёт в сумасшедший дом. «Прежде мир был безумным», - говорят лучшие и моргают. Умны и знают, что произошло: поэтому без конца смеются. Ещё происходят ссоры, но вскоре наступает примирение – иначе это вредно желудку. У них есть маленькая забава для дня и маленькая забава для ночи: но они чтят здоровье. «Мы нашли счастье», - говорят последние люди и моргают. Здесь кончилась первая речь Заратустры, которую также называют предисловием: ибо на этом месте он был прерван криком и восторгом толпы. «Дай нам этого последнего человека, о Заратустра!» – так восклицали они – «Преврати нас в этих последних людей! Мы оставляем тебе сверхчеловека!»

Причиной изначальной коренной ущербности марксизма, как одной очередной разновидности идеологии мещанско – потребительской, торгашеской западной цивилизации, был публично провозглашенный его же основателями приоритет интересов над принципами. «Революция – неизбежна, но эта революция будет проводиться ради интересов, а не ради принципов, поскольку лишь из интересов могут развиваться принципы». (К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения – т.1 – с. 541.)

Такое, вот особо, подчеркнутое превосходство интересов над принципами, довольно быстро привело как основоположников марксизма, так и абсолютное большинство их последователей к забвению, этих самых провозглашенных ими же высоких принципов в угоду, разного рода конъюнктурным, а зачастую и откровенно низменным интересам, потому что, именно у нравственного человека интересы подчиняются принципам, а не наоборот.

Но если оставить в стороне моральные рассуждения и основываться, исключительно на голом прагматизме, к которому призывает марксизм, то необходимость его уничтожения в России объясняется, прежде всего тем, что марксизм создает для России общий с Западом – культурно – цивилизационный код, который позволяет Западу манипулировать событиями в России и, следовательно делает её, крайне уязвимой перед традиционной к ней враждебностью Запада.

В качестве конкретного и очень яркого примера этого тлетворные последствия влияние марксизма на русский народ и русское государство в 20 – 30 – годы XX века, можно привести события начального периода Великой Отечественной войны. Именно, тогда имелись факты массового предательства сверху до низу, от генералов армии до красноармейцев. Их причинами было если не уничтожение, то, как минимум серьезное ослабление под воздействием марксизма чувства национальности в русском народе. А когда уничтожено или серьезно ослаблено в народе чувство национальности, национальной солидарности, то процесс предательства облегчается до предела. Отсюда

многие миллионы сдавшихся в плен в первые же полгода войны и миллионы предателей разных видов, на временно оккупированной немцами территории.

А поскольку связь марксистской идеологии с этими результатами так и не была осознанна, и марксизм по-прежнему продолжал оставаться официальной идеологией СССР, как во время Великой Отечественной войны так и после нее, то за этим последовал распад СССР.

Поэтому для возрождения русского социалистического государства для начала в границах бывшего Советского Союза, и последующего его поступательного прогрессивного развития, **необходим отказ не только от марксизма, но, и в конечном счете и его русифицированных версий – ленинизма и сталинизма**, с одновременным созданием русского национал – коммунизма, на базе тех теоретических наработок которые были созданы еще в 19 веке, основоположниками русского коммунизма Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Ткачевым, а так же с использованием ряда достижений Ленина и Сталина.

Ведь, в отличии от еврокоммунизма Маркса и Энгельса, в России - Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Ткачевым, была создана цивилизационная теория русского коммунизма и русской социалистической революции, как средство спасти Россию и русский народ от полного закабаления западным капиталом и его представителями в лице тогдашней в целом прозападной русской буржуазии.

Этот факт, наглядно показал, что русские – нация сугубо антикапиталистическая, и, что вся русская история, начиная как минимум, с конца 13 века, то есть после монгольского вторжения – это, история постепенного освобождения сознания русских людей от власти собственности и денег, история реализации их природной неуклонной воли, к тому, что называется «чистая власть», то есть власть необходимая русскому человеку, русскому народу для выполнения идеалистических функций, как в своей стране, так, и в окружающем её мире.

Данная книга была написана Константином Колонтаевым в период с 28 ноября 2011 по 10 сентября 2012 года.

<http://istor-vestnik.org.ua/5806/>

*/Справка:

Колонтаев Константин Владимирович

историк-исследователь и журналист проживающий в Севастополе.

Родился 6 февраля 1964 года в городе Туле. В августе 1968, с родителями переехал из Николаева в Севастополь.

В 1971 - 1978 г.г. учился в средних школах № 45 и № 2. Затем в 1981 - 1983 г.г. - старший пионервожатый в средней школе № 29 .

В 1983-1988 г.г. - студент исторического факультета Симферопольского госуниверситета.

В 1988 -1989 - учитель истории в школе № 18 г. Севастополя.

В 1989-1991 г.г. - инструктор идеологического отдела Севастопольского горкома комсомола. Работая в горкоме комсомола, в декабре 1989, организовал поисковый отряд, в дальнейшем поисковое объединение “Долг”, существующее до настоящего времени.

В 1991 г. участвовал в создании Севастопольского военно-исторического клуба и в 1994 - 1996 г.г. являлся его председателем. В 1986-1990 г.г. – член Симферопольской, а затем Севастопольской городской организаций Советской Социологической Ассоциации Украины, делегат Исъезда Социологической ассоциации Украины (г. Киев март 1990).

В 1991 - 1993 г.г. работал в турфирме, преподавал в лицее, работал младшим научным сотрудником - социологом в Южном научно-исследовательском институте экономики. Весной 1993, совместно с бывшим командующим Черноморского флота адмиралом Калининым А.М. участвовал в создании в Севастополе общественно-политической организации «Союз городов-героев СССР», В своем первоначальном виде этот союз просуществовал до лета 1995, когда адмирал Калинин покинул Севастополь и после этого он быстро превратился в аполитичную ветеранскую организацию.

В 1993-1996 г.г. занимался журналистикой, работал в частном информационном агентстве «Леус - информ», газете «Вечерний Севастополь». В 1996 - 2001 г.г. научный, затем старший научный сотрудник отдела «Истории Великой Отечественной войны» Музея героической обороны и освобождения Севастополя. С 2001 г. сотрудник экскурсионного отдела этого музея. В 2005-2007 годах корреспондент отдела боевой подготовки газеты «Флаг Родины» - печатного органа Черноморского флота Российской Федерации. С 2007 года – свободный журналист и историк.

Журналистикой начал заниматься с марта 1985 г., когда в газете «Университетская жизнь» Симферопольского университета в номере от 6 марта 1985 ., появилась его статья «Имя Фрунзе на знамени нашем» о научной конференции, посвященной 100-летию М.В. Фрунзе, имя которого тогда носил этот университет.

За прошедшие после этой первой публикации почти четверть века помещал свои статьи на страницах газет: «Университетская жизнь», «Советский Крым» (ныне «Крымская газета»), «Крымский Комсомолец», «Слава Севастополя», «Флаг Родины» (газета Черноморского флота), «Вымпел» (газета учебного отряда Черноморского флота), «Красная Звезда», «Почти Секретно» (орган Управления внутренних дел Крымской АССР

в 1990 - 1993 г.г.), “Крымская правда”, “Крымское время”, “Крымские известия”, “Литературная Россия”, “Дуэль” (г. Москва), “Труженик Моря» (Севастополь), “Русский Севастополь”, “Наш Голос” (г. Симферополь), “Контраргументы и факты” (г. Новгород), “Молодой Лес” (г. Севастополь), “Севастопольская Правда”, “Вечерний Севастополь”, “Всеукраинские Ведомости” (г. Киев.), “Фортуна” (г. Киев.), “Севастопольские Ведомости”, “Лимонка” (г. Москва), “Завтра” (г. Москва), “Большевик” (г. Одесса), “Буревестник” (г. Севастополь), “Зеркало Недели” (г. Киев), “Народная Армия” (орган Минобороны Украины, г. Киев), “Киевские Ведомости”, “Российская община Севастополя”, “Севастопольская Новая Газета”, “Единство” (г. Малоярославец Калужская обл.), “Севастопольский меридиан”, «Колесо» (Севастополь) “Панорама Севастополя”; в журналах, бюллетенях и сборниках: “Информационный бюллетень Севастопольского горкома ЛКСМ Украины”, “Информационный сборник Севастопольского республиканского центра военно-патриотического воспитания молодежи ЛКСМ Украины”, журнал “Молодая Гвардия”, канадский журнал “Нортстар компас” (“Компас полярной звезды”), “Московский журнал”, журнал “Свет” (“Природа и человек”), военно-исторические журналы “Страницы морской истории» (г. Севастополь) и «Милитари Крым» (Симферополь), бюллетень “Pro et contra” (“За и против” г. Москва), статьи в энциклопедическом словаре “Севастополь”.

В июле 2003 г. в Севастополе была издана его брошюра “История уголовной полиции дореволюционной России”, а в декабре 2003- книга «Социальная психология и процессы социализации подростков». В ноябре 1990 - феврале 1991 - редактор “Информационного бюллетеня Севастопольского горкома комсомола”. В декабре 1993 - феврале 1994 - первый редактор газеты “Севастопольская Правда”.

С момента начала журналистской деятельности в марте 1995 и до конца 2003г. Колонтаевым К.В. написано около 800 статей из которых 400 опубликованы. Большинство статей публиковались два и более раз на страницах различных изданий. Сфера научных интересов и публикаций: политическая история, военная история, геополитика, этнография, социология, философия, история философии, религиоведение, политология, общественная (социальная) психология.

<http://sevastopol.su/person.php?id=112>